

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

3. 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Министерство
информации и печати
Чеченской Республики**

Адрес учредителя: 364060,
г. Грозный, бульвар С. Дудаева, 8.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций по Чеченской
Республике 05 февраля 2014 г.
Регистрационное свидетельство
ПИ № ТУ 20-00089
Журнал выходит с 1991 г.

Директор
ГАУ «Издательский дом»
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Главный редактор
**Сулиман
Мовлаевич Мусаев**

Редколлегия:

М. Ахмадов

М. Магомадов

З. Алиева

С. Алиев

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

А. Умарова

Адрес редакции/издателя: 364024
г. Грозный, ул. Н. Назарбаева, 92

Тел.: 8 928-477-37-69

Е-mail:

izdatelskiy_dom2019@mail.ru

Сайт: <http://www.izdat-dom.ru>

Журнал выходит один раз
в квартал. 16+

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdat_dom_chr

izdatdomchr

izdat_dom_chr95

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Машар АЙДАМИРОВА. *Талисман гор*. Роман.
Окончание.....38

Муса АРСАНУКАЕВ. *В пороховом дыму*. Повесть.....65

ПОЭЗИЯ

Микаил ЭЛЬДИН. *Вслед за ночью
уйду на рассвете...* Стихи.....2

Адиз КУСАЕВ. *Маскарад*. Поэма.....8

Марета ТАМБИЕВА. *Пишу на осеннем листочке...*
Стихи.....33

Асламбек ЯКУБОВ. *Чтоб быть чеченцем,
мало им родиться...* Стихи.....36

ДЕБЮТ

Мохдан ЦУРАЕВ. *Я чувствую, жизнь поменяется...*
Стихи.....60

Инга ХАЯУРИ. *Только ты сегодня не грусти...* Стихи.....92

ДРАМАТУРГИЯ

Муса АХМАДОВ. *Большая Земля*. Драма.
Перевод Сулимана Мусаева.....10

ПУБЛИЦИСТИКА

Мансур МАГОМАДОВ. *Социальная и религиозно-
философская мысль Чечни в начале XX века*98

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Сулиман МУСАЕВ. *История Чечни в российских
научных изданиях XIX – начала XX вв.*111

СЛОВО О ХУДОЖНИКЕ

Ася УМАРОВА. *Не останавливаться на достигнутом*111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....112

Микаил Эльдин

Вслед за ночью уйду на рассвете

Микаил родился в 1968 году в селе Гухой Советского района ЧИАССР. Среднее образование получил в селе Борзой. Окончил Чеченский государственный университет. Детство Микаила прошло среди первозданной красоты гор. С раннего детства он с упоением читал наизусть стихи на русском и родном языках. Слушал народные песни – илли и назмы, исполняемые стариками под аккомпанемент дечиг-пондура. Впервые пробовал писать на русском еще учеником девятого класса. Большую поддержку ему в этом начинании оказал его школьный учитель, талантливый поэт и художник Саид Мацаев. Микаилу повезло встретиться с еще

одним гениальным поэтом – Апти Бисултановым. В детском журнале, главным редактором которого был Апти, он начал свою журналистскую деятельность. Микаил работал в разных изданиях периодической печати: в журналах «СтелаГад», «Орга», «Вайнах», а также в газетах «Васт», «Даймохк» и других. Преподавал в школе родной и русский языки. Активно печатался в литературных журналах. Пишет на двух языках. С 2005-го года проживает в Норвегии. В 2013-м году Микаил опубликовал в Великобритании (издательство «Портобелло Букс») книгу мемуаров «И небо плакало огнем», получившую награду английского ПЕН-центра. В 2009-м снял документальный фильм о Норвегии «Белый горизонт» в рамках совместного проекта с норвежской газетой «Фирдапостен». Перевел на русский язык известных чеченских авторов: С. Курумову, М. Бексултанова, М. Ахмадова. Также переводил чеченские народные песни – илли. В настоящее время занимается бесплатным преподаванием чеченского и русского языков чеченским детям в Норвегии и продолжает писать стихи. Первым начал писать стихи в абсолютно новом жанре – хорха, на чеченском языке. Это короткие стихи, написанные в особой форме. Жанр хорха возник под влиянием японской поэзии, которую он хорошо знает.

Симфония смерти

Снова симфония смерти звучит неустанно,
Люди и нелюди в море огня и крови,
Смерть – избавленье от мук – здесь порою желанна,
Реквием Горе поет по убитой Любви.

С болью в душе я стою пред незримым порогом,
Тяжким недугом усталости я поражен,

Только молитва возносится к Сущему Богу,
 Может, за искренность помыслов внемлет мне Он.

Жил я, любил, ненавидел, испытывал страхи...
 Видно, черед мой настал – раствориться во мраке.
 Память моя, на расстреле по мне не скорбей.

В сумрачном мире уже не осталось желаний,
 Путь бесконечен, и путь бесконечно печален,
 В мистике танца кружусь я со Смертью своей.

Уходит осень... Рыжая Колдунья,
 Шурша листвою, как платьем королевы...
 Мы рисовали счастье друг для друга –
 И верили, что солнце не тускнеет...
 Уходит без упрека. Как любовь.

Уходит осень... Долгими дождями,
 Наколдовав безмолвный, белый холод...
 А мы с тобою лето рисовали,
 Не зная, что картину дождь размочит...
 Уходит, не прощаясь. Как мечта.

Уходит осень... с журавлиной стаей,
 И сединой ложится тонкий иней.

Плачет осень, золотые слезы...
 Обреченно стужу ожидая,
 Расстаюсь я с золотыми грезами,
 И печаль, как слезы, я роняю.

И сбывшись души моей пророчества,
 Я умру с осенними слезами,
 Почему так сладко одиночество
 Перед тихо ждущими глазами?

Почему же мысль моя, уставшая,
 Жжет мне мозг так сладко и так больно?
 И слезинка, с тучи вдруг упавшая,
 Холодна, прозрачна и безмолвна?

А тоска, волчицей вдруг завывшая,
 Мне судьбу пророчит наихудшую,
 И молитва, сердце мне разбившая,
 Так зовет любовь мою, заблудшую.

Плачет осень, золотые слезы,
 Без стенаний, тихо умирая.
 Расстаюсь я с золотыми грезами,
 Боль души я молча принимаю.

Я уходил... Холодной ночью,
 Во мраке сумрачной зимы...
 И словно дерево с листочком,
 Легко со мной прощалась жизнь...
 А мне казалось: «Как же так!»

Я уходил... На крыльях боли
 Я сквозь чистилище летел...
 И мне, как зимним бурям море,
 Глядела жизнь спокойно вслед...
 А я метался: «Отпусти!»

Я уходил... Как будто снова
 Бегу по огненной тропе...
 И, словно фокусник ребенку,
 Смерть мягко улыбнулась мне.
 Швырнув растерянного... В жизнь.

По моим одиноким, холодным ночам
 Я устало бреду в неизвестность,
 И веселая смерть здесь идет по пятам,
 Только сердце все верит в бессмертье...

По осколкам когда-то
 разбитой мечты
 Я иду, в дикой власти инстинкта,
 Все, что было в той жизни
 со мной и моим,
 Растворилось прозрачною дымкой.

На кострах человеческих темных страстей
Вижу – души сгорают безвинно...
И улыбки оскал мой – судьбине моей,
Столь крутой и насмешливо-лживой.

Бесконечный мой путь исчезает во мгле,
Ну а мне бы дойти до рассвета...
И росы серебристой напиться бы мне
Перед шагом, быть может, последним.

По моим, по холодным ночам я иду
Со своею веселою смертью.
В одинокой ночи свою память распну...
Мне б дойти... Я дойду до рассвета...

Мы выходим с зарей на тропу, уходящую в Вечность,
Оставляя в пыли лавры сумрачной славы земной,
Оставляя в пути исковерканных судеб отметки,
Мы идем, чтоб великую боль разделить меж собой.

Эту боль понесем мы с собою по адскому кругу,
И по капле мы выпьем ее, не ропща до конца,
Из груди не исторгнут стенанья иссохшие губы,
И во имя Любви сохраним милосердие в сердцах.

Принесем на алтарь мы свои неповинные души,
Пусть глумливая злоба предательству оды поет,
Мы сгораем в священном огне, нас сомненья не мучают –
Награждает иль судит нас только Всевидящий Бог.

А когда мы уйдем, не прощенные всеми, в забвенье,
Очищая сердца, дух свободы к потомкам придет,
И в мирской суете кто-то вспомнит наш путь на мгновенье,
Да тоскуя по нам, снова осень заплачет дождем.

31. 12. 94.

Я в себе сокрою ужас боли
И, быть может, скоро замолчу...
Как же искренне мы верим в Бога
Здесь... В кроваво-огненном аду.

Тяжелеет гарь пороховая
На плечах, как смертные грехи,
И, с мольбою к Господу взывая,
Мы идем к судьбе своей в ночи.

Видно, все долги сполна вернем мы
В этой нескончаемой беде...
Собирая души обреченных,
Ангел смерти мечется в огне.

И кому из круга боли выйти,
Мы не в силах этого решить,
Жизни, что мы так и не дожили,
Отдадим за чьи-то мы грехи.

Только мир, назвавший нас врагами...
Так и не поймет он никогда.
Эта битва всех нас уравнила,
Ну а смерть примирит навсегда.

Мы в себе сокроем ужас боли,
О мечте сгоревшей промолчим...
Даже выжив, но... поверив в Бога,
Вряд ли будем мы среди живых...

Хочу вперед. Но некуда идти,
Никто меня нигде уже не ждет.
Нет никаких заслуг и нет вины,
Но любит эту осень тихий дождь.
Да сумрак тяжелеет над землей.

Хочу остаться. Но не знаю, где
Мой дом, в котором теплится очаг,
И есть ли свет в единственном окне,
Зажженный кем-то только для меня.
Чтоб было в одиночестве тепло.

Хочу пожить... Но сумрак все тесней,
И я все меньше значу на земле...
И в жизни перевернутой моей
Всего одна открылась тайна мне –
Не сила есть в познание, а печаль...

Вы простите визит неожиданный
В ваш весельем чарующий день...
Я, когда-то никем не увиденный,
В темноте растворился, как тень.

Я, ветрами печали овеванный,
В бранный мир воротился с тоской...
Тайной смерти и грустью взлелеянный,
Я для жизни совсем молодой.

Я изгнанник из Царства Забвения,
Где душа обретает покой.
Здесь мой Ад, мое грехопадение,
И для страсти я старец седой.

Я лишь странник, Незнание сеющий...
Может, грустная ночь меня ждет?...
Невесомый туман, холодеющий,
В неизвестность меня заберет...

Вслед за ночью уйду на рассвете
Поклониться забытому храму,
И тоски раскаленные цепи
Я с собой заберу, как расплату
За короткое счастье любви.

Перед Богом паду на колени,
И молитвою душу омою,
В мою искренность Бог не поверит,
И мой ангел всплакнет надо мною,
Обреченность мою осознав.

Мои страхи, сомненья, тревоги
Вновь заноят, как старые раны,
И зловещие призраки боли
Прилетят, словно вестники ада,
Мою душу вести на костер.

Я пойму, что за все я в ответе.
Но сильнее, наверно, не стану.
Вслед за ночью уйду на рассвете,
Отказавшись от встреч, расставаний...
Эта ночь приютит мою грусть.

В твоих глазах рыдающую осень
Я нарисую красками печали,
У Бога мы прощенья попросим
За то, что мы любви не замечали,
Сгорая в жарком пламени страстей.

В твоей душе укрывшуюся осень
Я красками разлуки нарисую,
Продрогший ветер вдруг

дохнет в лицо мне,

Твой светлый образ в сердце унесу я,
Чтоб в муках очищение обрести.

Забывшуюся в кудрях твоих осень
Я нарисую красками мечтаний,
И пусть судьба во мрак меня уносит,
И я познаю горечь ожиданий,
Я грусть воспоминаний сохраню.

Твоих очей задумчивую осень
Я нарисую красками прощенья,
Осенних слез неласковые росы
Омоют нам сердца для просветленья,
И я зажгу в глазах твоих весну.

Е. С.

Я прошу, мою песню
За меня ты допой,
Потревожь на рассвете
Мироздания покой.
Пусть седые кружатся
Надо мною снега,
Я познал свое счастье,
Значит, жил я не зря.

Мое странное сердце
Ты мечтою согрей,
Чтобы снова, как прежде,
Билось в муках страстей.
Пусть планета, вращаясь,
Уплывает во мглу,
Я изведал несчастье,
Значит, зря не живу.

А когда меня время
В дальний путь позовет,
И последняя встреча
Оборвет мой полет,
О лучине, что гаснет,
Ты совсем не грусти.
Я уйду, не прощаясь,
Словно шепот листвы...

Только павшую песню
Подхвати и допой...

Хорха¹

Я слушал плач осеннего дождя,
Шептался он с опавшею листвою,
Казалось, он оплакивал меня,
Забывтого судьбою... и тобою.
Как вздох дождя в ночи, я одинок.

Замело тропу ко мне листвою,
И змеей вползает в сердце холод.
Дождь устал оплакивать былое.
Белый иней. И мечты уходят.
Как грустна седеющая осень!..

Ангел смерти осени – зима
Серебрит ей золотые косы,
Сон земли объемлет тишина,
Вздрагивают слез осенних росы,
Боль в душе свежит соленый дождь...

Дайте мне мгновенье тишины,
Я хочу оплакать эту осень –
Что дрожит в объятиях зимы –
Инеем уже застыли слезы,
Пусть ее проводят журавли...

Ты знаешь, заплачет безгрешная осень,
Застыв над холодною бездной зимы.
Ты знаешь, леса это золото сбросят,
Всю боль одиночества миру явив.

И нас очарует пушистая снежность
Мгновений, танцующих вальс для двоих,
А нежность... любви бесконечная нежность,
Расстанется с нами и нас не простит.

Но память... она наши чувства встревожит,
И вспыхнут они нашей казни костром,
Шагнуть через бездну друг к другу не сможем,
Мы осень оплачем и боль обречем.

¹ Хорха – новый авторский жанр, который возник под влиянием японской поэзии.

Мы знаем... Ведь осень умрет под снегами,
И Розы влюбленности будет нам жаль,
Мы верим... Весна улыбнется цветами.
Откуда ж тогда в моем сердце печаль?..

Мне б слово сегодня найти долгожданное,
Что в бездонности глаз задрожало б слезой,
Да в душе у тебя загорелось бы пламенем,
Мои дни согревая в юдоли земной.

Мне б сердце найти у себя, бессердечного,
Что теплом растопило б мой мир ледяной,
И меня, непутевого, лишнего, грешного,
От тоски избавляли б свиданья с тобой.

Найти бы себя без беды одиночества –
Пусть не очень желанным, но в сердце твоём.
И, простив нашей осени грусти пророчества,
По листве золотой нам шагать бы вдвоем.

Мне б счастья тебе пожелать, уходя –
Но... как быть счастливой тебе без меня?..

После сумрачных дней, где исхлестан был ложью, как плетью,
После жгучих ночей, где в проклятье сгорал, как в огне,
После светлых мгновений разрозненных больше не спеть мне –
О блуждающем счастье, реальном лишь в сладостном сне...

Больше мне не дано, восхваляя «священные узы»,
Опьяняться мечтой, не заметив грехов своих груз.
Та тропа, по которой к забвенью иду я, все уже...
Ну, а пропасть все глубже, куда я однажды сорвусь.

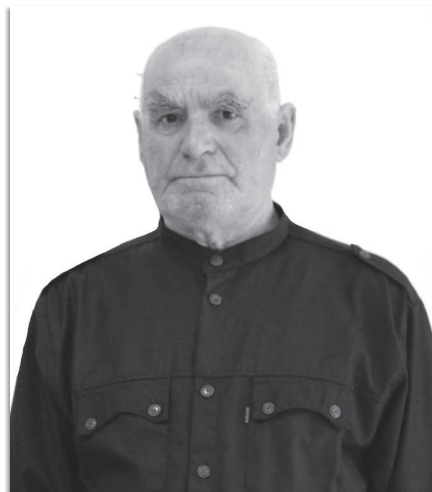
Я за дерзость желаний наказан Всевидящим Богом,
Испытанье мое – это жизни мучительный рай...
В лике смерти узрел я убогость величья земного,
Всю ненужность стремлений во имя чего-то сгорать...

Осознав свою сущность, избавился я от сомнений,
От ошибок, грехов. Ни мудрее, ни чище не стал...
Созерцаю сей мир – я лишь его отраженье.
Лишь во имя познания сжигать свою душу не жаль...

Адиз Кусаев

Маскарад*(Страсти по коронавирусу)*

Поэма

Кара

Стал ковид жестокий этот
миру новою чумой,
двадцать первого столетья
Божьей карою самой.

За грехи, что в Свете Старом
мы творим и в Новом Свете,
ковид – кара человека
двадцать первого столетья.

След греховного угара –
войны, жертвы, лихолетье...
Потому и тяжка кара
двадцать первого столетья.

Ворвался в мир стремительно,
как смерч,
И молодых, и старых поражая,
И никаких границ не признавая –
Коронавирус, как смертельный меч.

По континентам всем, как ураган,
проносится он, все на пути сметая,
и связи вековые обрывая
людей, народов –
дальних, близких стран.

Не потому, что страха велики
глаза – а потому, что новый вирус
до ужаса вселенского вмиг вырос –
стараньям оградиться вопреки.

Когда вдали...

Когда за тридевять земель не раз
страданья видя, думали, что это
так далеко,
что никогда до нас
зло не дойдет –
да ни за что на свете!

Что нас пространства широта спасет,
что заслонят,

как щит,

хребты и горы.

Там, на краю планеты, бой идет,
но вряд ли к нам дотянется их горе.

Но, оставляя след в любой семье,
быстрее,
чем пугающая сплетня,
распространился кОвид по земле,
для многих означая день последний.

И он вошел не только в каждый дом,
но и перешагнул –
ведь расстоянья
коварному ковиДу нипочем –
как нипочем и наше состоянье.

Напасть

Мир охватила новая напасть –
как будто тень войны. Нежданно вырос,
всех заставляя на колени пасть –
гуляет приткий страх – коронавирус!

Не надо, с целью завладеть страной,
вводить войска,
ведя войну на вынос.
Моментом завладел всею землей,
границы не признав, коронавирус!

Он косит люд, словно коса траву,
ему равно – что зной,
что снег,
что сырость.
Ужасным сновиденьем наяву,
бедою мира стал коронавирус.

Маски

На лица все, меняя внешний вид,
чтоб защитить всерьез –
не для отмазки –
надел, словно намордники, ковиД
совсем не маскарадные-то маски.

Не разбирая – стар ли, молод, мал,
не признавая должности и масти,
ковиД нахальный всех нас обязал
носить совсем не праздничные маски.

Меняет в мире все лихой ковиД.
Так сильно страхи перед ним разбухли –
что девочка-малышка, без обид,
уж ладит маску на лице у куклы!

Одиночество

От друзей оторванный болезнью,
думал, что мой дом – надежный тыл,
в этом одиночестве курьезном,
будто бег и времени застыл.

Затаились мы в домах, соседей
даже самых близких сторонясь,
думая, что вирус жуткий этот
обойдет – там, в стороне он нас.

До того дошло, что сторониться
стали даже собственных детей,
думая от ковид схорониться в комнате,
как в куколке, своей.

Хоть и знали – вакуума все же
что нельзя создать,
но, если суждено,
если таково решение Божье –
всем избежать болезни не дано!

Проиграли с пандемией спор мы,
нас не уберег от вируса щит мой:
и ковидом, хоть и в легкой форме,
Мы переболели всей семьей.

Кроха

Всех устрасил коронавирус,
и пугалом для всех стал он.
И встречу с ним не каждый вынес –
холмов могильных – миллион!

А каждому свой холм, хоть хилый,
иметь сегодня не дано –
и, роя братские могилы,
хоронят сотнями давно.

Ни имени,
ни дат у многих...
Как стала тропкой в мир иной
летучая дрянь –
мышка-кроха,
всемирного бедствия виной?

Осада

С родными даже видеться не смея,
я в доме заточен,
как вся страна.
И в четырех стенах с тоской своею
сизу, гадаю –
в чем моя вина?

Оторванный от всех родных, послушно,
как пленник, я
терпел все в меру сил.
Как все, в своей квартире
простодушно
сидел, гадал я –
в чем же согрешил?

Хотя живем совсем не в отдаленьи,
так далеко от близких удален,
что лишь один канал для всех общений,
одна лишь связь –
мобильный телефон.

Живя в осаде, думал –
и при этом,
какую бы ревизию не вел –
но за собой греха я не заметил,
И за собой вины я не нашел.

Драматургия

Муса Ахмадов

Большая Земля

Драма

Действующие лица:

СТАРЕЦ	II МУЖЧИНА
АДА – поэт	ДЕВЗИГ
ТОЛАМХО	I ЖЕНЩИНА
ЙИСАМА	II ЖЕНЩИНА
ЧОПАЛ	I ДЕВОЧКА
МУТАХ	II ДЕВОЧКА
ВИСАРГ	III ДЕВОЧКА
КАНДАЗ	ПРИШЕЛЕЦ
I МУЖЧИНА	ЛЮДИ

I картина

СТАРЕЦ. Как много лет прошло, как мы живем, оторванные от корней, бросаемые суровыми ветрами то в одну сторону, то в другую, как давно мы плещемся в омуте смуты, взаимного недоверия, вражды...А нужен оплот веры, в людских сердцах должна жить истинная вера в Бога.

На камне, прислушиваясь к земле и поражаясь открывшимся тайнам, сидит Старец. Появляется Сурхо.

СУРХО. Добрый день, Старец! Что случилось с этим миром?

СТАРЕЦ. Страшное дело происходит в недрах земли!

СУРХО. А что там происходит?

СТАРЕЦ. Вода там скапливается, со всех сторон...

СУРХО. Многие родники в этом краю иссякли, вода из них уходит в землю.

СТАРЕЦ. Руслу родников разрушили, источники уничтожили. Поэтому в поисках новых путей она ушла под землю.

СУРХО. С восточной горы сошла сель, она накрыла и птичьи гнезда с еще не оперившимися птенцами. Стадо общины зашло на поле, засеянное для сирот, и растоптало все посевы.

СТАРЕЦ. АстафируллахI, что за напасть! А что, оно не было огорожено?

СУРХО. Было, конечно... кто-то сломал ограду.

СТАРЕЦ. Тогда они уничтожили барьеры и в своих сердцах...Сурхо, пришла пора, тебе нужно отправиться в путь... Надо соорудить ограду вокруг нашего края. Читая аяты из Священного Корана, взывая ко Всевышнему,

тебе необходимо возвести вокруг непреодолимую стену, которая защитит нас от всех бед и напастей.

СУРХО. Хорошо, Старец, я готов.

СТАРЕЦ. Да поможет тебе Аллах! Я бы тоже отправился с тобой в путь, да силы уже не те.

СУРХО. Тебе нужно остаться дома. Если пастырь покинет стадо, и оставшиеся ограды разрушат.

СТАРЕЦ. Да поможет тебе Всевышний вернуться домой, обойдя всю нашу страну.

Сурхо уходит.

2 картина

СТАРЕЦ. АлхьамдуллиллахI, хвала Тебе, Всевышний, за все! О земля, что же с тобой происходит? Мы считали тебя самым надежным нашим пристанищем, до сих пор ты вбирала все наши беды и горести. Что же теперь с тобой происходит?

Появляется Ада...

АДА. Добрый день, Старший!

СТАРЕЦ. Вернее, состарившийся! Будь любим Богом, рифмующий слова!

АДА. Для меня ты старший, со своим умом, своими знаниями... Если бы люди знали, кто ты, они бы, как и я, тянулись к тебе, чтобы послушать твои мудрые речи... Однако люди словно с ума сошли, им уже не нужен разум. Где нам следует искать берег, на который возлагаем столько надежд?

СТАРЕЦ. Сегодня мало кто хочет прислушаться к моим словам. Когда я был совсем маленьким, я слышал от стариков, что мы не достигнем берега, пока каждый не найдет берега в своем сердце... А каждый найдет этот берег в том случае, если он будет искренне молиться Богу, будет стараться превзойти других в добрых, хороших деяниях... Но об этом никто не задумывается... Каждый, забыв, что находится среди моря, старается подняться выше других.

В это время доносится шум, появляются Повстанцы...

ЧОПАЛ. Где этот старик?

МУТАХ. Где этот старый пень?

АДА. Что за шум вы тут подняли? Что это за непристойный язык?

ЧОПАЛ. Мы разговариваем на том языке, которого вы достойны!

МУТАХ. Нам надоело его во всем слушаться! Надо положить этому конец!

АДА. Уходите отсюда! Вы разве не знаете, что со стариками не подобает так разговаривать?

МУТАХ. Подобает! Можно так разговаривать! Но мы не ограничимся разговорами!

АДА. Уходите отсюда! Ты разве не знаешь, что со старшим нельзя говорить таким тоном?

МУТАХ. Можно! И говорить можно, хотя мы не собираемся ограничиться разговорами!

АДА. Не пререкайся со мной! Ты забыл, что я твой старший брат?

МУТАХ. Брат?! Братом является не тот, кто одной крови с тобой, а твой единомышленник. Вот мой брат (*указывает на своего спутника*).

АДА. Скройся с глаз моих! Убирайся!

ЧОПАЛ. Мы тебя сейчас заставим убраться! (*Схватив Аду, отбрасывает его в сторону*).

СТАРЕЦ. Подождите! А что вы предлагаете? Разве вы забыли, что вокруг нас море?

МУТАХ. Мы это прекрасно знаем... Надо сменить власть на острове... Эй, люди, подходите! У этого Старца была тайна, которую он от вас скрывал!

Собирается народ.

I МУЖЧИНА. Какая тайна? Надо открыть ее народу...

ЕЗИРА. Я так и знала, что они от нас что-то скрывают!

II МУЖЧИНА. Откройте ее! Быстрее!

ЛЮДИ. Откройте... Откройте тайну!

ЧОПАЛ. А тайна такая... Вы, верно, думаете, что живете на материке... Нет, это не так! Вы живете ни на материке, ни на острове... А что это такое, я и сам не знаю...

II МУЖЧИНА. Не лезь вперед, пусть Старец скажет!

СТАРЕЦ. Как рассказывали те, кто жил до меня, настали как-то времена, когда люди забыли о Боге, смирении, приличиях... Все люди, забросив свои дела, не сея, не ухаживая за своим скотом, не разбирая, что дозволено, что запрещено, бросились воровать, совершать преступления. Народ погряз в грехе; воруя людей, они продавали их, как скот. Тогда наша земля откололась от материка и отдалилась от него, оказавшись среди безбрежного моря... С тех пор наш остров так и плавает в открытом море, не имея корней, потеряв всякую связь с материком... Так я слышал... Люди всякое рассказывают, а истина известна одному лишь Богу.

I ЖЕНЩИНА. Как это, в открытом море? Как, без корней?

I МУЖЧИНА. Что это значит? Разве не может любой человек отправиться туда, куда ему захочется?

МУТАХ. Нет... Кругом море... Я и не уверен, что это остров... Возможно, это старый заброшенный корабль. А нам про это ничего не говорили...

ЧОПАЛ. Это скрывали от нас... Вот если бы сказали...

АДА. Слушайте, люди, не шумите. Тот, кто знал, знал про наше состояние. А другим не говорили, чтобы не расстроить их. Надеюсь, что не сегодня-завтра, с Божьей помощью, достигнем Большой Земли...

ЧОПАЛ. Если бы сказали все как есть... Мы бы нашли выход из этого положения.

Поднимается шум.

ЛЮДИ. Нашли бы выход. Нашли бы...

СТАРЕЦ. Почему вы шумите? В моей власти нет ничего, кроме этой палки... Я ношу ее вместо посоха, чтобы отыскать путь для нашего острова...

МУТАХ. Дай сюда палку! Хватит того, что ты до сих пор указывал ею путь...

ЧОПАЛ. Теперь я буду размахивать ею, в какую захочу сторону...

МУТАХ. Подходите, люди, делайте что хотите... Если мы до сих пор плыли вниз – поплывем теперь вверх! Если плыли прямо – поплывем в сторону...

ЧОПАЛ. Да, вверх-вниз, налево-направо... потом кругами...

СТАРЕЦ. Так нельзя... Нельзя так менять направления. Вы уничтожите наш остров!

МУТАХ. Будь что будет и с этим островом, и с этим миром...

АДА. Не шумите... Дорогу находят на земле! В море же можно определить лишь направление. А это умеет только Старец. Отдайте ему посох!

ЧОПАЛ. Закончилось время, когда старик обманывал нас, заявляя, что указывает правильное направление. Люди, всему виной этот Старец! Передайте это всем. А что делать с этой палкой, я знаю хорошо...

Пытается сломать. К нему бросается Ада. Мутах удерживает поэта. Голпа сбивает Старца. Усиливается ветер, крики людей. Разбушевавшееся море заглушает все крики.

СТАРЕЦ. Расходитесь! Накройте зерно брезентом! Прячьтесь от ветра! Укройтесь в оврагах! Взывайте ко Всевышнему!

Люди разбегаются, не слушая Старца. Он и Ада пытаются накрыть зерно. Проходит время. Устанавливается тишина.

3 картина

СТАРЕЦ. АлхамдулиллахI, слава Тебе, Всевышний! Все в Твоих силах! Ты можешь вздыбить волны на спокойном море, можешь так же сделать его потом безмятежным, ласковым! Дай нам силы пройти через эти испытания достойно, со смирением перед Твоей волей...

АДА.

Ты на крыше без лестницы,

Ты в море, не имея корабля,

Ты в лесу, куда не проглядывает свет...

Проси свет у Всевышнего!

СТАРЕЦ. Как хорошо ты сказал! Почаще читай свои стихи людям. Слышу крик птицы.

Появляется Сурхо.

СУРХО. Что здесь произошло?

АДА. Народ волнуется. А баламутят его Чопал и мой брат Мутах.

СУРХО. А что они говорят?

АДА. К Старцу пристали. Требовали открыть тайну, которую он, якобы, скрывает от людей.

СУРХО. И что дальше?

АДА. Тогда Старец рассказал все, как есть. Наш край, отколовшись от материка, превратился в остров. Когда узнали про это, не могли никак уговориться. Я, как мог, пытался защитить от них Старца.

СТАРЕЦ. Бедные птенчики, не плачьте! Сегодня не суждено было умереть ни мне, ни вам, не бойтесь, я отнесу вас в ваше гнездо.

СУРХО. Приветствую тебя, Старец!

СТАРЕЦ. Будь любим Богом! Возьми, Сурхо, этих птенчиков, отнеси в гнездо вон на том тополе.

Сурхо берет птенцов.

СУРХО. Мне Ада рассказал, что здесь произошло.

СТАРЕЦ. До сих пор мы жили, остерегаясь моря, которое раскинулось вокруг нашего острова, теперь люди стали опаснее этого моря. В их душах не будет покоя до тех пор, пока в сердцах не поселится вера.

АДА. Что мы должны делать?

СТАРЕЦ. Надо вселить в сердце каждого уверенность, что скоро достигнем Большой Земли.

СУРХО. Люди недолго будут верить нашим словам...

АДА. Чтобы успокоить народ, нам нужны надежные помощники.

СТАРЕЦ. Силой мы ничего не достигнем. Надо с каждым днем все сильнее раздувать пламя веры в их сердцах. В пасмурный день люди должны верить, что завтра тучи разойдутся и наступит ясный день. В жаркую погоду, когда измучит жажда, они должны верить, что скоро пойдет дождь и его целебная вода утолит их.

СУРХО. Я знаю, как это сделать. Я каждый день буду выходить в море на своей лодке. И буду уходить каждый день все дальше. И каждый раз люди будут ждать моего возвращения с надеждой.

СТАРЕЦ. Это правильное решение. Начни искать Большую Землю сначала на востоке. С Божьей помощи тебя постигнет удача.

АДА. Счастливого пути, Сурхо!

СУРХО. Спасибо.

4 картина

Сурхо, совершив намаз у тополя, делает дуа. Из-за кустов за ним наблюдает Йисама. Завершив молитву, Сурхо заговаривает.

СУРХО. Ты чего это скрываешься, подобно солнечному лучу в кроне деревьев, о прекрасная серна?! Я не жестокий охотник и не волк, крадущийся к оленям, чтобы ты пряталась от меня.

ЙИСАМА. Не думай, что серна, заглянувшая под тень тополя, ищет встречи с тобой. В тени тополя трава сочнее, поэтому тополь дорог моему сердцу.

СУРХО. Я тоже люблю тополь, потому что его видно издалека, и, отправляясь на лодке в море, я всегда прихожу сюда, чтобы очистить свои мысли молитвами.

ЙИСАМА. Хочу задать тебе один вопрос: отправляясь каждые три дня в море на своей лодке, что ты ищешь на его просторах, Сурхо?

СУРХО. Я отвечу тебе, только покажись сначала.

ЙИСАМА. Ты слышишь мой голос, этого пока достаточно.

СУРХО. Я сегодня отправляюсь в дальнюю дорогу, поэтому хотелось бы взглянуть на тебя. Хватит уже постоянно тайком наблюдать за мной...

ЙИСАМА. Я сегодня пришла в первый раз...

СУРХО. Не знаю, но я чувствую твой взгляд уже несколько месяцев. Сегодня ты вознаградила меня своим голосом, сделай мне еще один подарок, дай на себя посмотреть.

ЙИСАМА. Оказывается, как ни пыталась скрываться, у меня это не получилось...

Показывается Йисама.

СУРХО (*пораженный ее красотой*). Ты... Скажи мне, кто ты?

ЙИСАМА. Я дочь Девзига, Йисама.

СУРХО. Где ты была до сих пор?

ЙИСАМА. Где? Дома. Я жила в своей сказке... Я иногда прихожу сюда, чтобы смотреть с этого тополя на море.

СУРХО. Что ты там ищешь?

ЙИСАМА. Жду, пока вернется тот, кто отправился в путешествие по морю. Когда его лодка причаливает к нашему берегу, я медленно спускаюсь с ветки и иду домой.

СУРХО. А сегодня что ты тут делаешь?

ЙИСАМА. Я сегодня провожу его. Буду наблюдать за ним, пока его лодка не скроется за горизонтом.

СУРХО. Сегодня он намерен отправиться далеко, возможно, что пройдет два-три дня, пока он вернется.

ЙИСАМА. Сколько бы он ни пропадал в море, я буду его ждать. Чтобы он нашел дорогу домой, я заберусь еще выше и, напевая, буду держать фонарь.

СУРХО. Тогда он обязательно вернется.

5 картина

ЧОПАЛ. Подходите, люди! Собирайтесь!

І МУЖЧИНА. Что теперь стряслось?

I ЖЕНЩИНА. Да мало ли чего нам уже довелось повидать?!

МУТАХ. Собирайтесь, сейчас вы все узнаете!

ЛЮДИ. Собрались уже! Все тут!

ЧОПАЛ. Слушайте внимательно! У нас есть новость. К нам пришел новый человек!

I МУЖЧИНА. Откуда он явился? Как?

I ЖЕНЩИНА. Видимо, потерпел у наших берегов кораблекрушение...

МУТАХ. Нет, те, кто видели это, говорят, что не так!

II МУЖЧИНА. А как тогда?

МУТАХ. Некоторые видели, как он спускается с небес...

II ЖЕНЩИНА. Что это за чудеса...

I ЖЕНЩИНА. Это чудо, даже если правда только наполовину...

I МУЖЧИНА. Если это так, то этот человек обладает тайными познаниями...

II МУЖЧИНА. Может, Бог послал его нам, чтобы спасти?

I ЖЕНЩИНА. Дай Бог, чтобы это было так.

На площади поднимается шум...

ЧОПАЛ. Эй, на дереве! Прекрати петь, к нам явился новый человек!

ДЕВЗИГ. А чем тебе мешает, Чопал, ее пение? Это моя дочь, у нее такая привычка: смотреть на море и петь.

ЧОПАЛ. Придется оставить привычки, которых мы до сих пор придерживались! Прекрати петь!

I МУЖЧИНА. Идет! Идет!

МУТАХ. Прекратите шум! Пришелец хочет сказать слово!

Выходит Пришелец. На нем необычное одеяние.

ПРИШЕЛЕЦ. Приветствую вас!

ЧОПАЛ. Добро пожаловать!

МУТАХ. Расскажи, как ты попал на наш остров, откуда ты?

ПРИШЕЛЕЦ. Прибыв к вам, я услышал разные разговоры... Одни говорят, что я, словно птица, прибыл по воздуху... Другие – что прискакал на сером скакуне... И то, и другое неправда. Это сказки.

ЧОПАЛ. А как на самом деле? Расскажи.

ПРИШЕЛЕЦ. На самом же деле я летел на самолете, он стал падать, и я выпрыгнул с парашютом... Так я оказался на вашем острове.

I МУЖЧИНА. А есть ли в этом мире место, где нет моря, и кругом одна земля?

ПРИШЕЛЕЦ. Конечно, есть... Очень много таких мест...

I МУЖЧИНА. И какие они, эти места?

ПРИШЕЛЕЦ. Разные. Есть горы, есть равнины.

I ЖЕНЩИНА. А горы – они какие?

ПРИШЕЛЕЦ. Они высокие. Одни настолько высоки, что не видно их

вершин. Их никогда не затопит никакое море.

I ЖЕНЩИНА. Вот такие места бы нам пригодились... А как туда попасть?

ПРИШЕЛЕЦ. И туда попадем, если будем делать то, что требуется.

I МУЖЧИНА. А что нужно делать?

ПРИШЕЛЕЦ. Я не имею права указывать вам путь, если вы все, единогласно, не возложите это на меня.

ЧОПАЛ. Эй, люди! Этот человек послан нам Богом! Он знает мир, видел горы. Вы согласны идти за ним, слушаться его во всем?

ЛЮДИ. Согласны, согласны...

ЧОПАЛ. С сегодняшнего дня ты наш лидер, мы пойдем за тобой... Иди вперед, веди нас, вот тебе посох, чтобы указывать нам путь...

ПРИШЕЛЕЦ. Хорошо, я послушаюсь вас... А в какую сторону вы до сих пор плыли?

МУТАХ. До сих пор слушались во всем одного старика. Плыли то в одну сторону, то в другую.

ПРИШЕЛЕЦ. Направление должно быть одно – на запад... Вы не так уж и далеки от Большой Земли, как думаете... Километров сто или двести... Может, чуть больше, может, чуть меньше...

II МУЖЧИНА. А ты откуда знаешь, насколько мы далеки?

ПРИШЕЛЕЦ. Я все видел с высоты.

АДА. Я не верю ему.

ЧОПАЛ. Если не веришь, уходи отсюда!

ЛЮДИ. Уходи! Уходи!

СТАРЕЦ. Что это за шум? *(Пришельцу)* Ты кто? Откуда?

ПРИШЕЛЕЦ. Какая разница, откуда я? Кто ты такой, чтобы задавать мне эти вопросы?

СТАРЕЦ. Кто твой отец? Кто твои предки?

ПРИШЕЛЕЦ. При чем тут мои предки? Я тот, кого ты видишь.

СТАРЕЦ. Не могу поверить своим глазам! Что я вижу?!

ПРИШЕЛЕЦ. И что ты видишь? Ты в плену своих грез! Если вы выбрали меня лидером, то должны во всем беспрекословно слушаться.

ЧОПАЛ. Правильно! Он прав!

МУТАХ. Говори, что нужно делать.

ПРИШЕЛЕЦ. Первым делом нужно отправить двух самых сильных молодых людей на запад... За два дня они должны достигнуть земли... Имеются у нас такие юноши?

ЧОПАЛ. Имеются.

ПРИШЕЛЕЦ. Готовьтесь.

ЧОПАЛ. Слушаюсь!

СТАРЕЦ. Слушайте, люди, слушайте! Мы легко доверяем красивым рассказам пришлых людей, которые не могут назвать семь своих предков. Не вникая в смысл их слов, мы готовы поверить им. В том, что сегодня нас постигло, мы виноваты сами. И изменить это положение мы можем только сами.

I ПОВСТАНЕЦ. Старик, не веди спор, который не выиграешь. Нам не нужны твои поучения. Мы будем слушаться Пришельца. Будем, люди?

ЛЮДИ. Да! Будем!

МУТАХ. Пришелец укажет новый путь!

АДА. Оставьте лишние разговоры. Не делайте того, о чем будете потом жалеть. Не идите за чужаком!

ЧОПАЛ. Оставь нас! Мы нашли сегодня жожака!

СТАРЕЦ. Да образумит вас Всевышний! Сегодня вы вообще сбились с пути.

ВИСАРГ. Твой приказ выполнен. Вот два самых сильных парня, они готовы в путь.

I ЮНОША. Я готов выполнить ваше поручение.

II ЮНОША. И я готов отправиться на поиски Большой Земли.

ПРИШЕЛЕЦ. Это хорошо. Путь указали им?

МУТАХ. Да, на запад!

ПРИШЕЛЕЦ. Запад! Запад! Наш путь лежит на запад! Плывите так, чтобы солнце светило вам в спину, пока не покажется земля.

ЕЗИРА. Да умру у тебя я, ты же один у меня! А море такое жестокое!

I ЮНОША. Не переживай, мама, я сильный, справлюсь с морем.

ЕЗИРА. Не надо с морем справляться, надо остерегаться моря.

МУТАХ. Отойди, женщина, не мешай великому делу.

ЧОПАЛ. Уйди отсюда, уйди!

Два гребца отправляются в путь.

I МУЖЧИНА. Самых лучших отправили...

II МУЖЧИНА. Да, самых сильных, способных противостоять и ветру, и разбушевавшимся волнам.

ЧОПАЛ. Пришелец, а нам что делать?

ПРИШЕЛЕЦ. Мы все будем ждать, пока они дойдут до земли и подоспеет помощь.

Запад, запад,

Нас ждет запад,

До наступления сумерек

Отправимся на запад.

II МУЖЧИНА. Не верю я... Если бы дорогу к земле можно было найти так легко, Старец давно бы ее нашел.

ЧОПАЛ. Оставьте сомнения. И не упоминайте больше Старца. И так из-за него столько времени потеряли, думая, что он скажет что-то толковое.

II МУЖЧИНА. Он сделал все, что мог... Он поддерживал среди нас порядок. И укорять его сейчас, я считаю, неправильно.

МУТАХ. Ко всем великим делам ведут легкие пути. Запад! Запад!

6 картина

Собрался народ, все ждут новостей.

I МУЖЧИНА. Два дня, про которые говорил Пришелец, уже истекли.

I ЖЕНЩИНА. Слишком красиво он говорил. Было бы странно, если бы это оказалось правдой.

II МУЖЧИНА. Подождем еще, будем надеяться на хорошее.

Подходит Ада.

I МУЖЧИНА. Будем ждать новостей от двух наших юношей.

АДА. От них вестей не будет.

II МУЖЧИНА. Это почему?

АДА. Море выбросило их тела на берег...

ЕЗИРА. Я почувствовала, что мы ничего хорошего от Пришельца не увидим!

Подходит Чопал.

ЧОПАЛ. О чем вы говорите? От кого ничего хорошего не увидим? Оставьте пустые разговоры... Слушайтесь Пришельца.

II ЖЕНЩИНА. Да умру у тебя я! С каким же трудом я вырастила тебя! Сама недоедала, лишь бы ты был сыт! Я ведь растила тебя не для соленого моря, не для голодных рыб...

МУТАХ. Что случилось? Почему она плачет?

АДА. Это мать одного из юношей, что отправились на поиски Большой Земли.

ЧОПАЛ. Ну и что?

АДА. Они нашли не землю, а свою смерть.

МУТАХ. Как – смерть?

АДА. Их тела море выбросило на берег нашего острова.

II МУЖЧИНА. Я знал, что он ведет пустые разговоры.

ЧОПАЛ. Подождите, не спешите... Где Пришелец?

ПРИШЕЛЕЦ (*подходит*). Я здесь... Что случилось?

II ЖЕНЩИНА. Будь ты проклят!

ПРИШЕЛЕЦ. Посыльный! Как они разговаривают с тем, кто указывает путь?

ЧОПАЛ. А кто такой Посыльный?

ПРИШЕЛЕЦ. Ты! (*указывая пальцем на Чопала*). А ты – Рассыльный. Вы мои Посыльный и Рассыльный. Поэтому я спрашиваю у вас, как вы допускаете, чтобы со мной разговаривали таким тоном?

ЧОПАЛ. Тела двух юношей, что мы отправили на поиски земли, выбросило на берег.

ПРИШЕЛЕЦ. Ну и что? Без потерь не обходится ни одно дело... Поиск земли – это великое дело. На этом пути будут и потери, и разочарования...

Море приняло свою жертву. Если вы готовы следовать за мной по пути поиска земли, если готовы идти к этой цели, то должны быть готовы и к смерти. Если из нас дойдет до этой цели хотя бы половина, это уже большое дело. Я прав, Посыльный?

ЧОПАЛ. Прав!

МУТАХ. Ты прав... А что мы должны делать дальше?

СТАРЕЦ. Я скажу вам, что надо делать дальше. Первым делом надо похоронить погибших. Да упокоит их души Всевышний! Да вознаградит Он их раем!

ЛЮДИ. Амин! Амин!

І МУЖЧИНА. Да одарит Всевышний их матерей и родных иманом и терпением!

ЛЮДИ. Амин! Амин!

ПРИШЕЛЕЦ. Если бы послушались меня, их не похоронили, а увезли бы на лодке далеко в море и бросили в волны. Привязав к ним камни, чтобы трупы не всплыли...

СТАРЕЦ. Что ты говоришь? Ты в своем уме? Мы никогда не поступали так с покойниками!

ПРИШЕЛЕЦ. Если и не поступали до сих пор, то когда-нибудь придется. На острове мало места. Нельзя расходовать землю на могилы.

СТАРЕЦ. Не переживай за нашу землю. Положите покойников на носилки, отнесем их на кладбище.

Люди, исполняя назму, идут на кладбище.

7 картина

Пришелец ходит по площади. Некоторые люди, возвращаясь с кладбища, сразу идут на площадь.

ПРИШЕЛЕЦ (*сам себе*). Всем живым людям придется познать смерть. Бедные люди. Слепцы вы. Вы нашли то, что искали.

ЧОПАЛ. Мы вернулись.

ПРИШЕЛЕЦ. Это хорошо. То, что они не дошли до земли, говорит о том, что я ошибся в своих расчетах. Я думал, что до земли сто километров. Я немного ошибся, до нее тысяча километров.

І МУЖЧИНА. Тысяча километров... Если это так, мы никогда не достигнем ее.

ПРИШЕЛЕЦ. Оставьте лишние разговоры. Я нашел новый путь. По моим расчетам, над островом каждые полчаса пролетает самолет. Поэтому мы должны разжечь большой костер, чтобы на него обратили внимание с самолета. Огромный костер...

АДА. По-моему, этот пришелец забыл, где мы находимся... Он сейчас несет чушь.

ПРИШЕЛЕЦ. Посыльный, Рассыльный, успокойте его!

ЧОПАЛ. Ни слова больше!

АДА. Буду говорить, что хочу. Люди, не слушайте их!

МУТАХ. Замолчи! Если не замолчишь, мы бросим тебя в море!

Повстанцы тащат Аду к морю.

ПРИШЕЛЕЦ. Подождите, не спешите. Может, он нам еще пригодится. Он посчитал, что я глупее его. Костер мы разведем в середине острова. Чтобы огонь не разошелся, будем поливать вокруг. Воды у нас кругом много.

I МУЖЧИНА. Это правда.

II МУЖЧИНА. Если костер сильно разгорится, не думаю, что мы сможем его потушить.

ЕЗИРА. Бедный мой сын! Ты зажег в моей груди неугасимое пламя.

ПРИШЕЛЕЦ. Мы должны сначала определиться. Или мы разжигаем костер, чтобы самолеты прислали нам помощь... Или же навсегда остаемся на этом острове, отдаленном от Большой Земли на тысячу километров... Пока волны разбушевавшегося моря не поглотят нас или пока не умрем от голода и жажды... Что мы выберем, разведем костер или погибнем?

ЛЮДИ. Разведем костер! Костер! Огромный костер!

ПРИШЕЛЕЦ. С высоты я видел на острове большой тополь. Костер разведем вокруг него, чтобы огонь по его стволу поднялся ввысь. Обложите его валежником, сеном.

МУТАХ. Сделаем. Пошли. Идем к тополю.

СТАРЕЦ. Подождите, подождите! Что вы такое говорите? Вы хотите сжечь самый высокий, к тому же единственный тополь нашего острова?

ПРИШЕЛЕЦ. Тополь-мополь не знаю, но костер должен быть большим, чтобы его было видно с самолета.

СТАРЕЦ. Нет... нет... Этого нельзя делать!

МУТАХ. Не переживай, старик, как только доберемся до Большой Земли, посадим много саженцев.

СТАРЕЦ. Вы не посадите ни одного саженца, оставьте хоть то, что само выросло!

ПРИШЕЛЕЦ. Прекрати пустые разговоры! Из оставшегося ствола тополя мы сделаем катапульту.

ЧОПАЛ. Катапульту?

МУТАХ. А что это?

ПРИШЕЛЕЦ. Это средство, с помощью которого можно выстрелить камнем, огнем, человеком, да чем угодно далеко-далеко. На несколько километров. А если будет ветер, то с его помощью и еще дальше.

СТАРЕЦ. Нельзя! Тот, кто сделает катапульту, пребудет в вечном огне.

ПРИШЕЛЕЦ. Собирайтесь все у тополя. Несите дрова, валежник, все, что способно гореть. Костер должен быть большим.

В это время доносится песня, которая заглушает все вокруг.

ПРИШЕЛЕЦ. Кто это?

МУТАХ. Дочь Девзига, Йисама. Она дала слово, что не слезет с дерева до тех пор, пока не вернется Сурхо, отправившийся в море.

ПРИШЕЛЕЦ. Сурхо? А это еще кто? Нет никакого Сурхо! Не медлите, быстрее поджигайте. Снимите ее с дерева.

ЧОПАЛ. Слушаюсь!

МУТАХ. Слушаюсь!

Подходит Девзиг.

ДЕВЗИГ. Подождите! Подождите! Что вы делаете? Зачем вы собрали дрова?

МУТАХ. Мы собираемся развести тут костер.

ДЕВЗИГ. Что вы говорите? Моя дочь же на тополе сидит!

ПРИШЕЛЕЦ. Скажи ей тогда, чтобы слезла! Мы спешим, не можем ждать!

ДЕВЗИГ. Йисама! Йисама! Слезай быстро, они хотят разжечь огонь вокруг дерева. Слезай...

I МУЖЧИНА. Слезай, девушка, эти сумасшедшие не знают жалости.

Йисама не отвечает, продолжая напевать.

ПРИШЕЛЕЦ. Посыльный! Рассыльный! Выполняйте мой приказ! Стащите эту девушку с дерева!

ЧОПАЛ. Сейчас.

Оба лезут на дерево.

ДЕВЗИГ. Йисама! Моя Йисама!

ЙИСАМА. Мама, прости меня!

Йисама исчезает.

ЧОПАЛ. Ее здесь нет!

II МУЖЧИНА. Как – нет? А куда она делась?

МУТАХ. Не знаю. Исчезла!

ПРИШЕЛЕЦ. Раз пропала, оставьте. Слезайте быстро! Поджигайте!

ДЕВЗИГ. Не поджигайте! Подождите! Люди! Йисама! Ты слышишь меня, моя Йисама?

Чопал и Мутax разводят костер.

8 картина

ЧОПАЛ. Твой приказ выполнен! Огонь разведен.

ПРИШЕЛЕЦ. Не дайте огню распространиться вширь, пусть пламя поднимается как можно выше.

ЧОПАЛ. Не дайте распространиться вширь, пусть пламя поднимается как можно выше.

МУТАХ. Не дайте распространиться огню вширь, пусть пламя поднимается как можно выше.

ЛЮДИ. Вот теперь поднялось. Теперь-то его невозможно не увидеть! Теперь его увидят с самолета!

II МУЖЧИНА. Огонь невозможно остановить! Пламя разбушевалось!

I ЖЕНЩИНА. Огонь уничтожит нас!

ЕЗИРА. Огонь не позволит шутить с собой!

Показывается Сурхо.

I ЖЕНЩИНА. Поднимается ветер! Огонь разгорается все сильнее! Помогите! Кто теперь нам поможет?!

СУРХО. Отходите к морю! К морю!

Сурхо видит Пришельца, который бежит от огня. Какое-то время они стоят, смотря друг другу в глаза. После этого Пришелец исчезает.

СУРХО. Становитесь в ряд. Поливайте огонь!

СТАРЕЦ. О Аллах! Ты Один всемогущ! Только у Тебя мы можем просить, только Ты нам можешь дать. Взываем к Тебе! Сегодня мы все просим Тебя! О Аллах, просим, ниспошли нам дождь! Ради маленьких детей, ради немощных стариков, которые все свое время проводят в молитвах, ради матерей, которые, оставшись без своих детей, безутешно плачут по ним днем и ночью, ниспошли нам Свой благодатный дождь, который потушит опасный огонь, разгоревшийся в наших сердцах, дождь, который исцелит наши души! Ниспошли нам дождь, который потушит пожар, бушующий вокруг нас! О Аллах, яви нам Свою милость!

II МУЖЧИНА. Алхамдуллилах! Дождь! Дождь начинается!

II ЖЕНЩИНА. Дождь тушит огонь!

I ЖЕНЩИНА. Аллах ответил на молитву Старца!

Дождь усиливается, он тушит пожар. Сурхо смотрит вокруг в поисках Йисамы.

СУРХО. А где Йисама? Где дочь Девзига? Почему не отвечаешь?

ЕЗИРА. Исчезла она, пропала.

Подходит Девзиг.

ДЕВЗИГ. Девочка моя, Йисама! Куда ты пропала? Сурхо, найди мою дочь! Она не может так просто пропасть. Если ее даже унес ветер, должна же она где-то оказаться. Так ведь, Сурхо?

СУРХО. Да, Девзиг, должна.

ДЕВЗИГ. Найди ее, Сурхо! Одна я ее растила, без отца. Бедняжка, у нее даже брата нет. Сурхо, найди ее.

СУРХО. В первую очередь я отправлюсь ее искать, Девзиг.

Сурхо уходит.

9 картина

I ЖЕНЩИНА. Нет больше нашего тополя.

МУЖЧИНА. Единственное дерево сожгли.

ДЕВЗИГ. Йисама, Йисама...

МАЛЬЧИК. О Аллах, пусть Сурхо найдет ее...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Каким суровым стало море.

ДЕВУШКА. Мы сами виноваты.

МАЛЬЧИК. Рассвело.

I МУЖЧИНА. Как хорошо, что эта ночь закончилась.

АДА. Эй, люди! Вы видели Пришельца?

ЛЮДИ. Нет, не видели.

АДА. И не увидите. Он уже сделал то, что хотел. Поэтому и скрылся.

I МУЖЧИНА. Как – исчез?.. Надо найти его и наказать!

Подходит измотанный, еле переставляющий от усталости ноги Сурхо.

СУРХО. Не старайтесь зря, не найдете...

II МУЖЧИНА. Это почему?

СУРХО. Мы не сможем поймать шайтана.

Показывается Девзиг. Она останавливается и молча смотрит на Сурхо. Тот качает головой.

ДЕВЗИГ. Ты не везде посмотрел... Море огромное, а Йисама моя маленькая... Не все ты осмотрел...

II ЖЕНЩИНА. Девзиг, как хорошо я тебя понимаю... Ты лишилась единственной дочери, а я – единственного сына... Терпения тебе, терпения...

ДЕВЗИГ. Нет, я не лишилась дочери! Йисаму найдут! Слышите, люди? Моя дочь найдется!

Девзиг падает, лишившись чувств.

II ЖЕНЩИНА. Нужно наказать тех, кто обманул нас, заявляя: «Пришелец – человек новый, он знает мир»!

ЛЮДИ. Правильно! Правильно! Надо наказать! Наказать!

СУРХО. Люди! Что случилось, то случилось! Если мы перессоримся, выявляя виновных, мы ничего не добьемся... Мы все находимся среди моря, и нам некуда деться друг от друга.

АДА. Люди, слушайте! Мы все видели, что, послушавшись человека, неизвестно откуда явившегося, мы чуть не сожгли весь остров. И только чудом, благодаря молитвам Старца, мы остались живы. А теперь, от имени всех нас, я прошу Сурхо возглавить нас... Согласны?

ЛЮДИ. Да! Согласны!

ПОЭТ. Он всегда за справедливость, и поэтому ему укажет Всевышний правильный путь.

МУТАХ. Не знаю, какой Сурхо нам укажет путь, но пожар уничтожил все наше зерно.

ЧОПАЛ. И весь наш скот.

II МУЖЧИНА. Все это произошло по вашей вине. Это вы выдвинули Пришельца в наши вожаки, заявив, что надо слушаться его.

ЧОПАЛ. Виновны не мы одни. Вы все согласились признать в нем вожака.

АДА. А где он теперь?

I ЖЕНЩИНА. Как начался пожар – исчез. Я его не видела с тех пор.

АДА. Сурхо, мы готовы слушаться тебя. Говори, что делать...

СУРХО. Что делать... В первую очередь, сменить направление, по которому движемся... С сегодняшнего дня у нас лишь одно направление. Это не восток и не запад... Это юг... Мы будем двигаться в сторону юга...

ЧОПАЛ. Долго ли мы продержимся, если у нас продуктов только на три дня, а питьевой воды – на четыре?

АДА. Не ведите разговоров, которые закладывают в души людей сомнения... Питаться будем рыбой, а вода... будем набирать дождевую воду...

МУТАХ. Посмотрим, что из этого получится.

II МУЖЧИНА. Все у нас получится, если вы не выдумаете еще какую-нибудь пакость.

СУРХО. А теперь расходитесь. Пусть каждый займется своим делом.

Люди расходятся.

ПОЭТ.

Куда ты делся, весенний легкий ветер?

Куда ты делась, утренняя роса?

Ушли вы, оставив после себя тоску,

Ушли, оставив соль морской волны.

Куда исчезла ты, дикая серна,

Что рассвет у тополя встречала?

Резвишься ли ты сегодня в чужом краю?
А там, где ты ходила, пепел лишь остался.

АДА. Сурхо, ты куда?.

СУРХО. Ада, я должен найти ее... Должен...

10 картина

Девзиг сидит у моря, что-то шепча, то взглядываясь в небо, то чертя что-то на песке. Чуть дальше стоят два Повстанца.

ЧОПАЛ. Устроили пожар, сожгли единственный тополь.

МУТАХ. Это Девзиг? Что ты там рисуешь?

ДЕВЗИГ. Схему катапульты.

ЧОПАЛ. Катапульты? Пришелец упоминал о ней.

МУТАХ. Да, он говорил, что при помощи нее можно перелететь через море.

ДЕВЗИГ. Звезды говорят, что мы выбрали неправильное направление... Мы должны идти на север...

ЧОПАЛ. А ты откуда это знаешь? Гадаешь, что ли?

ДЕВЗИГ. Душа моей единственной дочери, которую поглотило море, подсказывает мне... Земля намного ближе, чем мы думаем... Если подует ветер, то он подует в сторону севера... С помощью катапульты можно достичь Большой Земли.

ЧОПАЛ. Я готов сделать это! Чем сидеть и слушать этих болтунов...

МУТАХ. И я готов!

ДЕВЗИГ. Если готовы, начинайте делать катапульту.

ЧОПАЛ. Катапульту? Но мы не сумеем ее сделать.

ДЕВЗИГ. Сумеете, если будете слушаться меня. Главное – это сделать рогатку, и две полосы на нее... Начинайте...

Повстанцы валят ствол тополя. Потом им начинают помогать люди.

МУТАХ. Катапульты готова.

ДЕВЗИГ. Нужны помощники, чтобы натянуть полосы.

ЧОПАЛ. Кандаз! Висарг! Подойдите. Мы нашли вам работу.

Подходят Кандаз и Висарг.

КАНДАЗ. Что вы хотите сделать?

МУТАХ. Мы отправляемся к Большой Земле. Держите оба, натяните полосы.

ВИСАРГ. Получится ли у вас достичь Большой Земли? Не опасна ли ваша затея?

ЧОПАЛ. Висарг, без крови войны не бывает. Тебя с Кандазом мы

оставляем на острове вместо себя. Что дальше делать, мы потом сообщим.

ДЕВЗИГ. Усаживайтесь на катапульте поудобнее. Я чувствую, скоро поднимется ветер. Готовьтесь взлететь!

АДА. Ты направляешь людей на ложный путь... Не говори того, чего не знаешь...

МУТАХ. Не мешай, наши пути тут расходятся. Ты оставайся, рифмуя слова, ловя каждое слово Старца. Меня ветер донесет до Большой Земли.

АДА. Не делай этого, пропадешь! Хоть ты и тронулся разумом, но ты мой единокровный брат. Не становись на путь гибели!

МУТАХ. Висарг, Кандаз, натягивайте полоски!

Поднимается ветер. Он поднимает Чопала и Мутаха и уносит вдаль.

КАНДАЗ. Что, интересно, с ними случилось? Куда их ветер занес?

ДЕВЗИГ. Не переживай за них. Они там, где должны быть.

АДА. Что ты наделала?

Подходят люди.

ДЕВЗИГ. Это моя месть... Эй, люди, я отомстила за свою дочь! Все...

АДА. Твоя дочь... Еще неизвестно, что с ней... Ветер ее унес или она утонула... Чтобы мстить, должен быть виновный...

ДЕВЗИГ. Нет, я не настолько глупая, чтобы мстить ветру или морю... Я отомстила этим двум, которые ходили за Пришельцем, слушаясь его во всем. Когда они полезли на тополь, она, чтобы они до нее не дотронулись, исчезла.

Подходит Сурхо.

АДА. Ты занимаешься богопротивным делом!

ДЕВЗИГ. Я не нуждаюсь в твоих советах. Я отомстила за свою дочь. И на этом все...

АДА.

Почему ты, о безмятежнее море,
Взыграло большими волнами?
Лишился я своего единственного брата,
Не смог я убереечь его от зла,
Не смог я убереечь от злых людей.
Мою душу терзает море тоски,
И, сколько бы ни пил я воду,
Не затушить пламя в груди.

11 картина

Сурхо, задумавшись, стоит у места, где рос тополь.

СУРХО. Как красиво было это место еще неделю назад. Высокий тополь, щебечущие в его листве птицы. Густые кусты вокруг дерева. Сияние глаз той, что пряталась в этих кустах. Все это прошло... Теперь на этом месте лишь зола, почерневшая земля... Йисама, Йисама, я чувствую сияние твоих глаз. Где ты?

Появляется призрак Йисамы.

ЙИСАМА. Я здесь, Сурхо. Ты, оказывается, уже вернулся. Я не сумела сдержать свое слово, я должна была сидеть на вершине тополя, указывая тебе путь домой. Когда огонь дошел до моих ног, поднялся ветер... сильный ветер. Я взмыла ввысь с этим ветром, он унес меня далеко-далеко.

СУРХО. Йисама, а ты такая же, как и прежде. Только над твоей головой появилось свечение, которое я раньше не видел. Йисама, скажи, это все на самом деле, это не снится мне?

ЙИСАМА. То, что ты видишь, это не сон и не явь. Моя душа пришла к месту, где рос тополь. А что касается моего тела, то оно лежит на морском дне. Через неделю пройдишь по берегу моря, возможно, волны выбросят его на берег нашего острова. Похорони мои несчастные останки здесь, где рос наш тополь.

СУРХО. Йисама, Йисама, у меня была надежда, построив на холме дом, из окна которого видно море, жить в нем месте с тобой. Я бы отправлялся в море, а ты бы сидела у окна, дожидаясь моего возвращения... Мы бы наблюдали, как солнце поднимается из моря, как оно садится.

ЙИСАМА. Сурхо, ты все выдержишь. Ты же прекрасно знаешь, Сурхо, что мы на земле лишь временные гости.

Йисама исчезает.

СУРХО. Да, все в этом мире временно...

12 картина

Собирается взбудораженный народ.

ВИСАРГ. Где Сурхо?

КАНДАЗ. Все молчат, как замороженные, уставившись ему в рот.

ВИСАРГ. Я выскажу ему все, как есть!

Подходит Сурхо.

СУРХО. Кто меня спрашивает?

КАНДАЗ. Мы, Сурхо.

СУРХО. Я вас слушаю.

КАНДАЗ. Скажи ты, Висарг.

ВИСАРГ. И скажу! Прошло уже несколько месяцев, как ты заявил, что уходишь на поиски Большой Земли. Ты уходишь в море, возвращаешься, но ничего не меняется. У людей кончается терпение. Когда мы дойдем до Большой Земли?

КАНДАЗ. Люди постепенно отходят от нас. Им кажется, что их обманывают.

СУРХО. Тот, у кого кончилось терпение, должен находить его в себе еще. Что у нас изменится, если мы начнем возмущаться? Чего нам не хватает? Продуктов, чтобы приготовить пищу? Жилища, чтобы укрыться от непогоды?

II МУЖЧИНА. Люди не видят этого, они хотят достичь Большой Земли.

СУРХО. А разве я не занят ее поисками? Или кто из нас преуспеет в этом больше? Тогда пусть отправляется в путь? Хочешь, Кандаз? А ты, Висарг?

I МУЖЧИНА. Нет среди нас лучшего, чем ты, морехода, потому мы тебя и выдвинули в лидеры.

СУРХО. Мне самому уже надоели и это море, и лодка. Но тем не менее я не могу бросить это дело. Правда, я сегодня поклялся не возвращаться до тех пор, пока не достигну Большой Земли.

I МУЖЧИНА. Да поможет тебе в этом Всевышний.

I ЖЕНЩИНА. Сурхо, брат наш, мы будем молиться о тебе.

СУРХО. Спасибо вам! Я отправляюсь в путь.

ДЕВЗИГ. Не возвращайся, пока не найдешь мою дочь.

I МУЖЧИНА. Сурхо, если суждено, землю найдешь, но ты возвращайся в любом случае.

Сурхо уходит.

13 картина

Начинается снегопад, чего на острове никогда до этого не было. Люди, не зная, что это такое, очень удивлены. Ловят руками снежинки.

I МУЖЧИНА. Странные дела... Чего только нам не довелось увидеть?!

I ЖЕНЩИНА. Море волнуется... Ветер поднялся...

II МУЖЧИНА. Народ возмущается...

ЕЗИРА. Мой сын, отправившийся на поиски земли, нашел свою смерть... и его товарищ пропал точно так же...

ДЕВЗИГ. И моя Йисама пропала...

КАНДАЗ. И Чопал и Мутах с помощью катапульты взлетели над морем и пропали...

I ДЕВОЧКА. Откуда эта вата?

II ДЕВОЧКА. И правда, мягкая, как вата.

3 ДЕВОЧКА. Похожи на голубиные перышки.

I ЖЕНЩИНА. (*протягивая несколько снежинок*). Холодноватая эта вата. Смотрите, она превратилась в воду!

ВИСАРГ. Это Пришелец. Кружа над островом на самолете, он разбросал эту вату, давая нам знать, что вернулся. Ведь говорили же, что наступит время, когда с неба будет падать вата. Тогда люди будут жить в достатке, ни в чем не нуждаясь. Не слышали разве?

I МУЖЧИНА. Я не слышал.

II МУЖЧИНА. И я не слышал.

КАНДАЗ. Да ладно тебе, Висарг. Этот Незнакомец больше никогда не вернется.

ВИСАРГ. А я верю, что он вернется.

Появляется Старец.

КАНДАЗ. Самый старый житель нашего острова идет. Он должен знать, что это.

ВИСАРГ. Скажи, старик, что это?

СТАРЕЦ. Это снег.

ВИСАРГ. А что такое снег?

СТАРЕЦ. А вот что: это Божья благодать снисходит на нас.

I МУЖЧИНА. А для чего он?

СТАРЕЦ. Это то же самое, что и дождь. Во время холодов дождинки замерзают и превращаются в снежинки. Если собрать снежинки, они, как только выглянет солнце, превратятся в воду. Целебную воду, которую послал Всевышний. Снег это. Снег. Покайтесь, пока снег не растает! Покайтесь, а то поздно будет!

Подходит Девзиг.

I ЖЕНЩИНА. Люди! Беда! О Аллах, помоги нам!

АДА. Что случилось?

I ЖЕНЩИНА. Большая беда! Лодку Сурхо выбросило волной на наш берег! Она лежит там, перевернутая!

АДА. А он сам?

ДЕВЗИГ. А его нет, и трупа его нет. (*Сама себе*). Он присоединился в Йисаме... Теперь они вместе...

Поднимается шум.

СТАРЕЦ. Да упокоит его душу Всевышний!

ЛЮДИ. Амин! Амин!

I МУЖЧИНА. Что теперь будем делать? Кто нас возглавит? Кто отправится на поиски Большой Земли?

Все стоят, застыв на месте.

II МУЖЧИНА. Остались мы теперь одни, без защиты...

АДА. Сурхо был надеждой народа. Теперь и этой надежды нет.

СТАРЕЦ. Все в этом мире временно. Все когда-нибудь покинут этот мир.

АДА. Я продолжу дело Сурхо. Я отправлюсь в море.

СТАРЕЦ. Нет. Никто туда не пойдет.

АДА. А что мы скажем людям?

СТАРЕЦ. Правду.

АДА. Правду?

СТАРЕЦ. Да, правду. Пришло время открыть истину...

АДА. Прекратите шуметь! Говори, Старец!

Нарушая тишину, заговаривает Старец.

СТАРЕЦ. Не нужно искать Большую Землю...

ЛЮДИ. *(Начинают кричать)*. Как не нужно?! Если не искать, как мы ее найдем?!

СТАРЕЦ. Мы должны искать Большую Землю не в море.

КАНДАЗ. Что ты такое говоришь, Старец?

I ЖЕНЩИНА. Да сгорит этот мир синим пламенем, каким же тесным он оказался для нас...

ЕЗИРА. Как мы будем жить без надежды?

ВИСАРГ. Как мы будем жить без веры?

СТАРЕЦ. Вера у человека должна быть всегда, вера во Всевышнего. Мы должны укрепить свою веру в Бога. Для этого нужно принести обет. Мы должны выйти из омута грехов на озаренную светом Большую Землю.

ЛЮДИ. Правильно! Кончилась эпоха катапульта! Надо принести обет!

СТАРЕЦ. *İaİyuzubillaħİiminaşaytİonirojıym bismillaħİirroħma-nirroħım. Aşħİadu Алла Иллаħİa Иллалаħİy, ва Аşħİadu анна Мухьаммадаррасуллуллаħİ. Аşħİadu – я свидетельствую – Ан Лаилаħİa – что нет иного Бога, достойного поклонения – Иллалаħİy – кроме Аллаха. – Ва Аşħİadu – Я также свидетельствую – Анна Мухьаммадан – что Мухаммад – İабдуħİy – раб Аллаха – ва Расулуħİy – и посланник Аллаха. Аманту – Я признаю – Биллаħİи – Аллаха – ва Маликатиħİи – ангелов Аллаха – ва Кутубиħİи – святыя Писания – ва Русулиħİи – посланников Аллаха – Вал-йовмильАхири – Судный день – ва Бил-Кьодари – всемогущество Аллаха – Хойриħİи ва-şарриħİи миналаħİи таİала – я верю, что все на земле, и хорошее, и плохое, происходит по воле Аллаха. – Астаğİфируллаħİ, Астаğİфируллаħİ, Астаğİфируллаħİ, тубту Илаллаħİ варажаİту Илаллаħİ тобатаннасуħьа. – Я приношу обет поклоняться Аллаhu. – Астаğİфируллаħİ, – я каюсь во всех плохих, запрещенных мне Аллахом,*

поступках, совершенных мною, в дальнейшем обязуюсь не делать ничего из того, что запретил Аллах, и выполнять все то, что обязал меня делать Аллах. Да примет Всевышний наш обет!

ЛЮДИ. Амин!

II МУЖЧИНА. Люди, я вижу землю!

КАНДАЗ. Где ты ее видишь?

II МУЖЧИНА. Вон, посмотрите на восток!

ВИСАРГ. И я вижу землю! Посмотрите на запад!

I МУЖЧИНА. Нет, посмотрите в другую сторону! Я вижу землю там!

I ЖЕНЩИНА. Я вижу землю на юге!

АДА. Посмотрите назад! Земля там!

I МУЖЧИНА. Нет, на востоке!

II МУЖЧИНА. Нет! Нет!

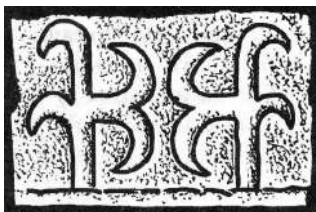
I ЖЕНЩИНА. Да! Да!

СТАРЕЦ. Слушайте, люди! Мы все обрели долгожданный берег, который столько искали!

Мелодия. Назма.

Конец.

Перевод Сулимана Мусаева.

Голоса друзей

Марета Тамбиева

Республика Ингушетия

Марета Руслановна Тамбиева родилась в Чечено-Ингушской АССР. В 1985 году окончила ЧИГУ. Работает в ГБОУ «Гимназия №1 г. Малгобек им. С. Чахкиева» заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Стихи начала писать еще в студенческие годы. Публиковалась в журнале «Нана».

Пишу на осеннем листочке...

Маме

Я тороплюсь твои глаза увидеть –
И не успеть боюсь,
И опозданием обидеть.
Я тороплюсь сказать слова любви
Тебе, любимая, одной, на визави,
Чтоб не нарушить
хрупкий миг признанья
В несчетный раз.
Всегда одно желанье:
В твоих ладонях спрятаться лицом,
Согреться снова ангельским теплом,
И долго-долго ни о чем молчать,
И никогда тебя не огорчать.
Я тороплюсь твои глаза увидеть,
Читать в них нежность
И добро предвидеть.
Все, что мы ищем в жизни,
Мы находим в них,
Рай рядом с нами:
Он в глазах твоих.

Здравствуй, милая осень!
Опять тебя все ругают.
У кого-то на сердце проседь,
И в этом, прости, обвиняют.
Я-то тебя понимаю:
Ты просто пришла по сроку.

Но птицы опять улетают,
И лезет тоска в берлогу.
Ты не сердись, родная,
Что людям весна дороже,
С тобою мы так похожи,
Как в октябре березы.
Но в песнях твоих дождливых
Читаю я тайные строчки:
Они всем ветром гонимым
Над «i» расставляют точки.
Еще раз прости, дорогая,
За образ разлуки венчальной,
Зачем-то иду по дороге я,
Тебя и себя печальней.
Пишу на осеннем листочке,
Под ноги мои упавшем:
«Считай меня своей дочкой,
Тебя до конца узнавшей».

Одиночество – истина жизни.
Не примите слова за пророчество!
Остывающей крови капризы
Мы возводим порой до высочества.
Вверх по лестнице к чувствам новым,
Задыхаясь, идти не хочется.
Легче вниз, спускаясь в прошлое,
Веря мыслям, как маркам почтовым,
Не считая ступени горечи,
Вернуться к дорогам заброшенным.

И тогда в своем одиночестве,
Пыльных книг отрывая корки,
Мы вычитываем сосредоточенно
Только нам дорогие строки.

У прошлого глаза печали.
И радуга – как выброшенный смайл.
И те, кого когда-то предавали,
Не верят больше в обновленный май.
И встречи, не меняющие судьбы,
И избегающие взгляды,
Чувствам вопреки,
Уже грустней, чем обещающие речи,
Опасней рыхлых берегов реки.
Всегда напрасны поиски былого.
Еще больней себя в нем потерять.
И, отыскав забытого кого-то,
Жестoko его дважды предавать.
И прошлые глаза в своей печали
Всего дороже, ярче дальних звёзд.
В них то, что мы по жизни растеряли,
В них радуги далёких юных грез.

Врываясь жалом острым в сердце,
Жестокость правды
поворачивает нож.
Счастливым номер,
прикрепленный к дверце,
– пустая ложка, пустая ложка.
Песнь колыбельная про сказку
дитя уложит.
Ну и что ж?!
Чудес на свете не бывает.
Закономерность!
Все поймешь!
Еще прозрачны сновидения,
И врет Ютуб,
Но в этом мире
Обновления ждет жизнелюб.
И легкость фразы,
сиянием стразов
слетая с губ,
Опять обманет,
Пообещает, лаская слух.
А Мир – без правил!
В нем то и дело –
борьба страстей.
И ложка, и правда.
И ложка, и правда.
Что же больней?!

Перекрещенные чувства
Разливаются лавой внутри,
И, считая на раз, два, три,
Снова горечь слетает с уст.
Нет ни радости, ни покоя!
Что-то рвется наружу,
Скрипя.
Как по стеклам разбитой посуды,
Наступая, иду и я.
Но еще не забыв о солнце,
До него дотянуться хочу.
Оглянитесь, счастья потомки!
Это я за вами иду.
Как же хочется в
Вечность верить!
Как же хочется верить в Мечту!
Но нет парусника!
Сломали!
И мачту кто-то согнул.
И стою я у самого края.
Бьются волны, брызжа слюной.
Не плыву и не знаю покоя.
Забелеет ли парусник мой?

Ко мне в окно ворвался ветер,
Хрустальный звон
разбрызгал детский страх.
Еще не зная, что ему ответить,
Держу осколки в раненых руках.
Зачем тревожишь тихий образ мысли?!
Зачем напомнил то, что не вернешь?!
Все сроки пониманья вышли,
Не воскресив увянувшую кровь?!
В руках стекло,
Но сердце боль не слышит.
Прошло давно!
«И это все пройдет!»
Опять воркуют голуби на крыше
Про старый соलोмонов анекдот.

Как нависающая туча,
Боль давит,
Но хочу дышать.
И грому эта боль созвучна,
И жалобе ночного соловья.
И я хочу разжать ладони,
Чтоб выпустить,
Как птицу,
Боль.

Но мне в глаза луна смеется
 Пиратским срезанным лицом.
 И, сожалея о бессилии,
 О прожитом,
 О злом былом,
 Свое душевное насилие
 Скрываю под ушедшим днем.
 – Ну хватит, туча!
 Можешь плакать?
 Полейся что ли...
 Или разойдись...
 Туманной дымкой
 безвозвратной
 На небосклоне растворишься!
 Чтоб я вздохнула облегченно,
 Цветок-кулак распухнет,
 А я
 Смогу под тихое
 твое журчанье
 Шептать бессмысленно:
 «А я...?»

Уходит поколение старушек,
 Которые вязали по ночам.
 И век веселых
 детских погремушек
 Давно уже сменен на инстаграм.
 Не книги наши полки занимают:
 Наушники, зарядники, чехлы.
 И утро мы с зарядки начинаем:
 С проверки батарейной полноты.
 Мы все – селфисты,
 все телефонисты,
 Мир захватившие
 Безумные радисты.
 Мы добровольные рабы
 своих проблем,
 Забывшие реальность,
 Как Эдем.
 Ну, где же вы,
 любимые старушки?!
 Где ваши вышивки,
 салфетки и подушки?!
 Пыляться книги у холодных,
 грустных стен,
 С надеждой ожидая перемен.

Из Ростова

Виолончель звучит тревожно.
 Неведомо откуда наплывает грусть.
 Я не хочу, чтоб снова стало больно...
 Пусть Дон уносит все, что было,
 Пусть!
 За каждой нотой – капелька былого,
 За фразой – растекается печаль.
 И ждать не хочется теперь иного,
 И прошлого теперь не жаль...
 Не стоило мечтать так много!
 Не стоило испытывать судьбу!
 Себе я рисовала все другое,
 И почему банально все решилось?
 Не пойму.
 Сегодня я на острие печали.
 Виолончель – виновница всему,
 И музыкант на берегу играет странно,
 Покусывая губы под игру.

Росток и Камень

Хотел росток из-под земли пробиться,
 Но камень повстречался на пути.
 И день и ночь малыш трудился,
 Но понял, что беду не обойти.
 Тогда просить он стал громаду,
 Чтоб тот дорогу уступил.
 Но не давал ворчун пощады,
 Он силу показать любил.
 – Куда тебе со мной тягаться?!
 Твердил, качая головой:
 – И под землей тепло и сладко,
 Сиди, молчи, пока живой!
 Росток притих, умолк надолго:
 – Чего еще от камня ждать?!
 Но стал отчаянно молиться:
 Пошли, Всевышний, благодать!
 Просил несчастный так усердно,
 Что не расслышал гром небес.
 А дождь всю ночь на землю лился,
 Смывая камни.
 И валун исчез.

Не радуйтесь, что кто-то вас слабее.
 Всегда найдется кто-нибудь сильнее.
 У слабых есть защитник помудрее.
 Сильнее веры не найти камней.

Асламбек Якубов

**Чтоб быть чеченцем,
мало им родиться...**

Дружба не терпит весов,
она не взаимный расчет,
дружба, как та же любовь –
больше дает, чем берет!

Мы не потомки янычаров,
не викингов и не орды –
а предков наших звон кинжалов
ответом был на лязг беды.

В жизни все сложнее гораздо –
сразу не понять всего.
Предвкушенья счастья часто
лучше счастья самого.

Чтоб быть чеченцем, мало им родиться,
как мало на чеченском говорить.
Чеченец к одному всегда стремится –
во всем достойно жизнь свою прожить.

Он ни за что другого не унизит,
и ни на чью он не наступит грудь,
придет на помощь, немощным уступит,
но злу всегда он перекроет путь.

В самой природе каждого чеченца
почтенье к старшим и послушность им.
Ведь для него, гор мудрых уроженца,
постыдно и позорно быть другим.

В нем благородство, честь и состраданье
не делимы с щедростью души.
Он в сотворении добра, как в состязаньи,
стремится к покорению вершин.

И никогда для гостя стол не скуден:
чеченцу гостю услужить за честь;
и тесный дом его гостям уютен,
всех домочадцев душ теплом согрет.

В чеченце мужество, отвага, скромность –
портрет его бесхитростен и прост:
врожденная, в чеченце каждой гордость
становится в лишениях во весь рост.

Ни перед кем он не склонял колени:
угодничество, лесть не про него.
И только перед Господом, в моленьи,
в священном трепете душа его!

М. А.

В судьбе у нас с тобой, мой друг,
так много резких слов: «как вдруг»,
и синусоиды пестрят
в краю, где коршуны парят.

И «ныне» в споре с «прошлым» так,
что просто разуму – никак.
И все лекала, схемы все
перетрамбованы в шоссе.

Судьба у всех у нас, мой друг,
как аритмичный сердца стук –
то вверх, то вниз – поди, пойми
и обстоятельства уйми.

И не сказать ведь, что бардак –
порой, когда разжат кулак,

тогда, когда и ночи тень
тебе, как яркий летний день.

Судьба такая, слышишь, друг –
что весь по жизни нашей круг,
нередко с горем через край,
и есть, наверно, путь наш в рай!

Б. С. Л

Твой образ скромного чеченца
времен ушедших – яркий штрих.
Он проникает в душу, сердце –
и покоряет разом их.

Звучат слова неторопливо,
стекая родниками гор,
сверкая юмором игриво,
где глубина и где простор.

Не надломили ни разруха,
ни череда жестоких бед...
В основе нрава – сила духа,
в основе нрава – мудрость лет.

Не изменился мир столетий –
и вряд ли времена согнут
того, в ком вера, кодекс чести
в душе с отрочества живут.

Адаты с нормами ислама –
сплав, что вовек не разделить.
И, есть ли в жизни этой драма –
чтоб стержень кьонаха сломить?!

*Посвящается
Дениеву Сайд-Мохьмаду*

Сияет солнце, теплым взглядом
скользя по улицам, домам,
размеренным, спокойным шагом
к мечети следует имам.

Поникнут взор, но в своих мыслях
он обращен весь к небесам,
и каждый шаг его осмыслен –
и тверд, и верен, как он сам.

На страже он границы вечной,
где бытие с небытием,
начальной жизни и конечной –
всех вех ее на страже он.

Он знает фарз, он знает сунну
и учит праведности нас;
в ряды выстраивает умму
и созывает на намаз.

Приставлен к умме он Всевышним,
имам в обязанностях строг –
следя за тем, чтоб в этой жизни
свой долг исполнить каждый мог.

От хутбы к хутбе неуклонно
растит надежно в нас иман,
благочестивый и достойный,
любимый всеми, наш имам!

Не обманись текущим положеньем,
Оно, поверь, изменчиво весьма,
Не удручайся горьким пораженьем
И от успехов не сходи с ума.

Твоя судьба твоим трудом плетется,
И ты ее добром лишь наполняй,
И верь всегда, что все тебе зачтется –
Про бумеранг, прошу, не забывай.

Уверен будь, что жизнь –
лишь испытанье,
Где каждый проверяется из нас.
Придешь на помощь
ближним в их страданье –
И Бог тебе поможет
в трудный час!

Все в этом мире призрачно и зыбко,
Зовут вперед – и цели, и мечта.
Не увлекись в азарте ими шибко,
Коль требуется в жертву доброта.

Не возомни ты о себе, не надо –
Умчат года, и осознаешь, брат,
Что все мечты опали листопадом,
И финиш твой все там же,
где и старт.

Машар Айдамирова

Талисман гор

Роман

*Окончание.**Начало в №№ 1 – 4 (2018), 1 (2019), 1, 2 (2020).*

Глава XI

Гора Отцов

Боевая крепость на горе Темболат ждала своих турпалов.

Военный совет тщательно отбирал ее защитников, и после долгих споров и дискуссий доверил оборону крепости лучшим из лучших.

В их числе оказались и наши герои.

Мехкарий настойчиво просили Астамара разрешить им остаться в крепости Темболат, но он был непреклонен:

– Нет, нельзя, и думать об этом забудьте! Вы и так сделали больше, чем мы все, вместе взятые. Идите на заслуженный отдых, при необходимости мы позовем вас. Еще неизвестно, сколько времени понадобится для обороны крепости, думаю, не один год.

Астамар оберегал девушек, заботился о них, поэтому был так категоричен. Малх-Азни вместе с мехкарий, а с ними Аза и Фатима, уехали в свой замок.

Откуда было знать суровому военачальнику, что происходит в душах молодых сурхоев, каким пламенем любви объаты их сердца?! Он даже не заметил немую, отчаянную мольбу в глазах молодых людей.

Бесполезно стучаться в сердце Астамара – оно было глухо. Холодное сердце, еще не познавшее сладких мук любви, поэтому он не сумел прочесть ее в растерянных лицах влюбленных, опечаленных предстоящей разлукой.

Да и Ширдагу чужд любовный недуг, он тоже, как и Астамар, абсолютный невежда в этой сложной науке.

Ширдаг с трудом отыскал друзей – они отдыхали под прохладой раскидистого дерева. Подошел ближе, но они не подавали никаких признаков жизни. Подумал, заснули, тоже хотел прилечь, и тут только заметил, что они лежат с открытыми глазами, уставившись в одну точку.

Ширдаг тихо присвистнул:

– Черт меня побери! Я много раз слышал, что любовь – это чудо небесное, исцеляет и вдохновляет на великие подвиги. А здесь, я чувствую, она дала побочный эффект. Пока вы, влюбленные мои, тут разлеживаетесь, наш дорогой Муртаз орудует в горах!

– Что?! – хором вскричали сурхой, мечтательность как ветром сдуло.

Ширдаг напустил на себя невозмутимый вид, затем неторопливыми движениями снял доспехи, отложил в сторону тяжелый меч, лук с колчаном, отпил студеную воду из родника и с наслаждением растянулся на густой траве.

Друзья неотступно следили за каждым его движением, прекрасно понимая, что тот испытывает их терпение. А тот все молчал, бросил в речку камень и следил за быстрой зыбью в воде.

Кюри, изнемогая от нетерпения, придвинулся к нему и громко заорал в ухо:

– Откуда и что ты знаешь?

Ширдаг от неожиданности вскочил.

– Ты чего орешь? Прямо уши заложил! – буркнул он, еле сдерживая приступ хохота – лица друзей от любопытства смешно вытянулись.

– Ну, так ты же нас не слышишь!

– Говори, Ширдаг, мы внимательно слушаем, – сказал Леча.

Ширдаг оставил игривый тон, вмиг посерьезнел:

– Я видел Муртаза собственными глазами. Сначала подумал: показалось, и решил ничего вам не говорить, пока сам не удостоверюсь. Начал поиски, оказалось, не привиделось – наш рок судьбы засветился в Цхай-Пхеде. Он тайком подбирался к городу мертвых, но его вспугнули стражи, охранявшие покой мертвых. Я узнавал у местного жреца, по описаниям – точно он.

– Я ничуть не сомневаюсь, где-то рядом вертится и Айбак, – Кюри вскочил, нервно забегал. – Послушай, этот твой родственничек стал всем поперек горла. Ты не можешь убить его, прослынешь дядеубийцей, так разреши нам свести с ним счеты. Мы бы ему показали...

Арзу невесело улыбнулся:

– Поступайте, как считаете нужным. Но, что бы ни говорили Солта и другие, я не верю, что это дьявольское отродье придется мне родным дядей... Это просто невозможно!

Леча тяжело вздохнул:

– Все возможно. Возьмите Шамшука, никто ни за что не поверит, что он кровный сын благороднейшего Алдама, чья безукоризненная репутация как святыня Нашхи. Мне искренне жаль правителя, каково иметь такого низкого отпрыска?!

Ширдаг вспомнил последнюю встречу с правителем, как он побледнел, узнав горькую правду о сыне, его страдальческий стон, вырвавшийся из опустошенной груди.

– Интересно узнать, что Муртаз позабыл в старых могильниках Цхай-Пхеды? – как бы сам себе задал вопрос Леча.

– Надо туда наведаться и узнать все на месте... – нетерпеливый Кюри загорелся, как факел.

Никто не ответил. Тогда заговорил Тархан.

– Мы через три дня должны быть в крепости Темболат, – напомнил он друзьям. – И еще – вряд ли Астамар одобрит нашу затею, он не любит самостоятельности.

– Ламха идет сюда, – Алмаз прервал его рассуждения, издали завидев мудрого старца.

– Вот и разрешилась наша проблема, – обрадованно переглянулись друзья. – Ламха подскажет, что нам делать дальше.

Ламха поочередно тепло обнял каждого сурхо.

– Очень рад вас видеть живыми и невредимыми, дети мои, – он снова и снова прижимал их к широкой груди. – Я так за вас волновался, но был уверен, что вы просто так не сдадитесь капризам судьбы. Малх-Азни сообщила мне добрую весть о вашем благополучном возвращении на родину. Виделся с Маккалом и Зелимханом, но не успели поговорить по душам, боялся вас не застать... А ну-ка, дайте-ка еще раз взглянуть на вас! Какие же вы турпалы!

Молодые воины поделились своими воспоминаниями. Ламха с интересом слушал их, то и дело восторгаясь мужеством и стойкостью своих подопечных. Но они еще больше удивили старца, протянув ему обереги из железной пластины.

– Как они оказались у вас? – оторопело спросил он.

– Они принадлежат мне и моей сестре, – объяснил Арзу. – Возможно, эти вещи сделаны, чтобы уберечь нас от бед, но они оказали нам злую услугу и стали причиной всех наших бед.

Глаза Ламхи засияли, по его просветлевшему лицу было нетрудно догадаться, что он только что нашел счастливый ответ на вопрос, который столько времени терзал его.

Леча обратился к старцу за советом:

– Есть люди, которые видели Муртаза в окрестностях Малхисты, он почему-то рвется в городище мертвецов. Мы бы хотели разузнать, чего он там рыщет, но для этого нам необходимо отпроситься у Астамара. Ты можешь нам как-то помочь, Ламха?

– Нет, мои юные друзья, вы отправляйтесь в свою боевую крепость, а я сам разберусь с Муртазом, – улыбнулся Ламха. – У нас с ним одно незаконченное дело, надо его завершить.

– Ты тоже его знаешь? – удивились юноши.

– Как же не знать, эту бешеную собаку я знаю лучше, чем кто-либо... А эти обереги, с вашего позволения, пусть пока побудут у меня. Вы не возражаете?

– Нет, конечно, ты быстрее нас разгадаешь их тайну, – Арзу даже вздохнул от облегчения.

Перед тем как попрощаться, Ламха напутствовал их добрыми советами. Снова обнял каждого, и когда очередь дошла до Алмаза, он задержал взгляд на его плече:

– Молодой человек, ты сильно ранен! И ты весь горишь!

Алмаз попытался скрыть свое тяжелое состояние, всю ночь его лихорадило, терпел, как мог.

– Нет, ничего страшного.

Но Тархан выдал его:

– Ламха, он говорит неправду, рана глубокая, мы лечили, испробовали все средства, но никаких улучшений. Наоборот, с каждым днем все хуже и хуже.

– Покажи, – властным голосом, не терпящим возражения, приказал Ламха. – Я видел множество ран, владею кое-какими секретами лечения.

Алмаз, не без помощи Тархана, обнажил плечо, на котором зияла колотая рана. Потрясенный Ламха отступил на шаг. Но его потрясение было вызвано не тяжелой раной, а родимым пятном на богатырском плече – темно-коричневой печатью с ярко выраженным рисунком звезды с полумесяцем.

– Скажи, юноша, кто твои родители?

– Я не помню, – Алмаз потупил взор.

– Как это, не помнишь? – Ламха стал расспрашивать его, обследуя его рану.

– Я был маленьким ребенком, когда потерялся в лесу. Меня нашли алмазы, окружили заботой, воспитали как собственного сына.

– А ты ничего не помнишь из своего детства? – выпытывал Ламха.

– Нет, ничего.

Рана действительно оказалась опасной, еще чуть-чуть, и началась бы гангрена. Ламха довольно долго повозился с ней, очистил от грязной крови, намазал своей чудодейственной мазью, сказал, как дальше лечить.

– Оставьте мазь себе, она вам еще пригодится, – передал он баночку Тархану. – А теперь прощайте и берегите себя! Вы мне очень скоро понадобится! Будьте свободны! И славных вам подвигов!

* * *

Ерди-Корта...

Его следовало бы назвать по другому – Къанойн-Корта (Вершина Старейшин), оно бы точно объяснило роль и значение этой, поистине, судьбоносной вершины. Здесь в самых экстремальных ситуациях собирались старейшины родов, их здравомыслие и мудрая политика стали залогом мира и процветания всех племен, живущих в лоне природы северокавказских гор.

Старцы наставляли...

Живите единым целым...

Гоните прочь жестокость, творите добро...

Долгие столетия народ следовал мудрым советам старцев, наделенных сакральной памятью великих предков. У молодости глаза блестят, а очи старости излучают свет. Светлый взор горских старцев обладал магической силой – он умиротворял, заряжал уверенностью в завтрашнем дне и надеждой на будущее.

Так было всегда, и никто не смел покуситься на неприкосновенность кодекса чести, что так скрупулезно создавался тысячелетней цивилизацией нахов.

Впервые в истории нахов Шамшук сделал попытку перевернуть все вверх дном.

Он напрочь забыл свои корни, стремление к власти подавили в нем чувство благодарности всем тем, кому он был обязан своей жизнью, заботой – он предал родную землю, опозорил отца, пренебрег адатами, презрение к старейшинам и собственное превосходство затуманили его разум. Чтобы заслужить высокое звание – Къонах, не требуется обладать исполинской силой, взбираться на вершину Башлама и снять с него снежную папаху. Чтобы доказать свою причастность к этой высшей категории, нет надобности преодолевать преграды Млечного Пути и достигать врат семи небес. Человечность и чистая совесть – вот движущаяся сила настоящего Къонаха, заслужить эту корону чести не так уж и трудно, а вот удержать ее намного сложнее. Героем можно стать в один миг, а для того, чтобы стать Къонахом, порой и жизни не хватает.

Шамшук взбунтовался, как в свое время восстал фараон Эхнатон. Но с той лишь разницей, что он хотел разрушить вековую башню, возведенную предками на основе человечности, и на ее месте воздвигнуть новую, выложенную из другого, неблагородного материала, пропитанного жестокостью, коварством, ненасытной алчностью, чужими нравами и адатами.

Эх, Шамшук, голова бедовая! Как же он горько ошибался, думая, что знал страну, в которой он родился и вырос. Парень, что носил такое громкое имя – Шамшук – Сын Солнца, возомнил себя всемогущим. Утвердиться в этой пагубной самоуверенности помогли ему матарши и муртазы. Подстрекаемый их многообещающими увещаниями, властолюбивый Шамшук развернул широкомасштабные действия, он использовал все способы для достижения своей цели: ложь, клевету, подкуп, убийство неугодных ему людей. Наемные убийцы, набранные из диких кочевников, чинили расправу над непокорными горцами – они стали карающей силой Шамшука. Нашествие монголов и начавшаяся война сыграли ему на руку, основная военная сила была брошена на фронт, и тыловое пространство досталась ему.

Кто мог ему противостоять? Кто осмелится ослушаться?

Шамшук вкусил сладость власти, безнаказанность развязала ему руки.

Проливные дожди в горах – страшная сила. Черные тучи-скакуны, подгоняемые хлестким ветром, с бешеной скоростью несутся на пушистые облака. Белые кораблики небесной стихии спешно распускают свои воздушные паруса, но не успевают увернуться от шторма грозных скакунов, за считанные секунды они оказываются в клокочущей пасти разъяренной тучи. Синее небо, только что убаюканное теплыми воздушными потоками и изнеженное солнечными лучами, оказывается в плену у разбушевавшейся природы. Раскатисто грянул гром, сверкнула молния, небо испуганно охнуло, затем вскрикнуло от боли, расколосось вдребезги и осыпалось горькими слезами. Дождь хлынул вниз студеной струей, пробежался по оторопевшей земле холодными мурашками, скрутил зеленые долины, глубокие ущелья, забарабанил, завертелся волчком, нырнул в каждую трещину, разбудил и наполнил донные источники. Переполненные реки выскочили из берегов, теперь речные скакуны, ничуть не уступая небесным мустангам, с необузданной прытью понеслись вперед, сметая все на своем пути. Солнце больше не выдержало и решило положить конец этой вакханалии – оно прожгло черную завесу туч своими лучами, его горячий диск ярким прожектором вновь осветил землю. И небесные, и земные скакуны сбавили свой разгоряченный бег, ветер-разбойник утихомирил свой нор и скрылся в горных пещерах. Увлеченные азартными скачками наперегонки, реки опомнились, отхлынули в свои русла, ушли в подземные царства и затаились.

И воцарилась тишина, как будто ничего не произошло. Лишь затопленные поля, сваленные деревья, разбитые крыши домов, выброшенный быстрыми течениями желтый, липкий ил и серая грязь напоминали о только что разыгравшейся буре. Но невозможно найти и назвать виновника разрушений, не с кого спросить – стихийное бедствие не подвластно человеку.

Но Шамшуку не так повезло. Ему придется ответить за все, что он натворил. А натворил он бед ничуть не меньше той стихии, что в мгновение ока пронеслась по земле разрушительной лавиной.

Шамшук с презрительной усмешкой следил за решениями Совета старейшин, которых никогда всерьез не воспринимал, и считал их старцами, выжившими из ума. Как же иначе, если они противники смертной казни и какого-либо физического наказания и строго придерживаются этих канонов на протяжении стольких лет? И как им удалось управлять обществом такими примитивными способами воздействия, как кодекс нравственности, просто уму непостижимо?!

Едва он вступил на вершину Ерди-Корт, как мысли Шамшука смешались, они хаотично перескакивали по извилинам воспаленного мозга. В последнее время удача сопутствовала ему в осуществлении его мечты, вскружила голову, в сердце закралась гордыня, и сыну Алдама с высоты своего величия аулы, башни показались незначительными муравейниками, сородичи – насекомыми, а старейшины рода – пустоголовыми чучелами.

Появление Ламхи обрезало крылья Шамшука, нацеленные для высокого полета, высокомерие сменилось смущением.

Обманчивая пелена, затянувшая глаза, мгновенно спала: башни, что в муравейник, возвысились до небес, как стелы к его могиле, соплеменники, казавшиеся ему такими мелкими, вдруг превратились в богатырей, а старцы, которых он причислил к безмозглым чучелам – грозными палачами, готовыми вынести ему смертный приговор.

Зычный голос Ламхи звучал сурово:

– Сын Алдама Шамшук виновен не только перед родом-тукумом, аулом, он предал свой народ, страну. Он совершил неслыханные преступления. Во-первых, продался нашим врагам и выставил на торги нашу честь и достоинство – Талисман Гор Иштар. Во-вторых, совершил покушение на жизнь старейшин рода, наших и соседних племен, на священной горе Нашха. В-третьих, вместо того, чтобы встать против внешнего врага, он перешел на его сторону и пытался привести его в самое сердце нахов. Распускал ложные слухи, сеял раздор и вражду между соплеменниками, высмеивал Совет старейшин и его устав. Нет оправдания его диким поступкам. Сказать, что он молод и не ведал, что творил, тоже нельзя – он осознанно совершал преступления против своей страны – Даймохк. Шамшук, сын Алдама, преследовал далеко идущую цель – стать единовластным правителем всей Нашхи...

На площади поднялся насмешливый хохот.

– У нас во главе всегда были мужественные баччи-правители, был и есть Мехк-Кхиэл, чтобы обратиться за мудрым советом. Ни те, ни другие никогда не искали для себя ни славы, ни богатства – они ставили на весы честь и достоинство. Они бескорыстно служили стране, и самым большим счастьем для себя считали доверие народа, его благосостояние, мир и свободу на своей земле. А о чем мечтал Шамшук? Чего он добивался? Жестокость и алчность – вот его ценности, его божество, которому он поклонялся. Он стремился установить на нашей священной земле диктатуру! Наш народ, нахи, за всю свою историю никогда не устанавливали тиранию ни у себя дома, ни над другими народами, и на протяжении веков нам хватило мудрости и сознания, чтобы среди нас не взрастить тирана... Шамшук, ты не оправдал надежды своего отца, достопочтенного и всеми уважаемого Алдама, и опозорил его на старости лет... Ты плюнул на славные корни своих предков и, без всякого зазрения совести, разделил постыдную участь ублюдка...

Шамшук довольно спокойно выслушал обвинения, озвученные Мехк-Кхиэл, словно все перечисленные преступления его вовсе и не касались. Его голова была занята другими мыслями. Нет, тяжелую ношу этих самых духовных ценностей, о которых так глагольствуют эти старцы и возносят до небес, он не намерен возложить на свои плечи, ни насильно, ни, тем более, добровольно. Он видел и перевидал тех счастливицков, что взвалили на себя этот драгоценный груз. Что ни на есть бедолаги, кроме своих седин и

длинных белоснежных бород, так ничего и не нажили. Мимо их носа проходит шелковый путь – торговый караван с несметными богатствами, а они и бровью не ведут. Видите ли, духовные ценности не позволяют зариться на чужое добро, это ниже их достоинства. Говорят, раньше этот торговый путь проходил через другие страны, но из-за постоянных набегов и ограблений купцы были вынуждены проложить новый путь. Теперь он проходит через самое сердце страны нахов. И правильно сделали, таких дураков, как нахов, днем с огнем не сыщешь! Не то, что заполучить выгоду, эти старые хрычи еще выставили им охрану из отборных дружин для их безопасности... Сколько он ни пытался, так и не смог разгадать тайну Горы Отцов – доступ к горе был возможен только через согласие Ламхи. А разве добьешься у этого бессмертного дьявола этого пропуска?! Он одним своим огненным взором испепелит тебя и даже не взглянет на твой ничтожный прах. Оказывается, его сознание еще вышло на тот уровень, что задали его прашуры, и он не готов к великому таинству! Лучше бы так и сказали: мол, мы тебе не доверяем, или, что еще точнее, ты не достоин высокого звания хранителя священной горы! Нет, он давно достиг того уровня, что устанавливали его предки, и превосходно распорядился бы этой сокровищницей, не то, что эти дряхлые глашатаи... Слепые глупцы!

Из горьких дум его вывел громкий голос Ламхи, задавший вопрос участникам публичного суда:

– Какой приговор мы вынесем этому предателю?

Майдан огласилась многоголосыми выкриками:

– Изгнать из страны!

– Предать его анафеме!

– Привязать к позорному столбу!

– Проклясть его по седьмое колено!

– Выжечь на лбу позорное клеймо!

– Водрузить на голову колпак шута!

Ламха поднял руку, призывая к порядку:

– Внимание, братья! Сейчас мы выслушаем решение Мехк-Кхиэл!

Старейшинам не понадобилось много времени, чтобы вынести окончательный приговор преступнику.

– Сын Алдама Шамшук лишается права жить среди своих соплеменников и навсегда изгоняется из нашей страны! Все согласны с этим решением?

Чей-то голос опередил всех остальных:

– Я против!

Шамшук вздрогнул, услышав до боли знакомый голос.

Все удивленно замерли, люди начали озираться вокруг, выискивая человека, озвучившего свой протест.

Народ расступился, уступая дорогу всаднику. Он медленно приближался к старейшинам, остановился и, опершись на плечи двух своих попутчиков, сошел с коня. Сразу бросалось в глаза, сколько труда и мучений стоил ему этот долгий путь.

– Да это же Алдам!

– Отец Шамшука!

– Я слышал, что тяжелая болезнь приковала правителя к постели!

– Да, я тоже слышал, что он на грани смерти!

– Значит, правитель выздоровел! Хвала Всевышнему!

Алдам коротко приветствовал старейшин Мехк-Кхиэл.

– Да, вы не ослышались, уважаемые старейшины, я против такого решения!
– решительно заявил он.

На майдане воцарилась мертвая тишина. Всем понятно душевное состояние великого правителя, они поникли головой, выражая искреннее сочувствие горю старого отца. Даже старцы в смятении, не знают, как дальше вести слушание дела обвиняемого, сына Алдама.

– Этому злу нет места ни дома, ни вне его, – собравшись силами, с трудом произнес Алдам. – Это зло надлежит уничтожить... Виновник заслуживает смерти!

Старый правитель не может долго говорить, он изо всех сил пытается унять дрожь в голосе, исхудавшие руки слегка трясутся, ноги подкашиваются. Он походил на смертельно раненного льва, доживающего последние минуты жизни.

Рана кровоточила, вызывая мучительную боль, душа разрывалась на части. Но эта рана, что так болела и ныла, не от меча и не от стрелы, отравленной смертельным ядом. Нет рубца, не видно крови.

Но, Бог ты мой, как же она, эта рана, тяжела и невыносима! И ничто ее не исцелит, нет такого снадобья, его просто не существует на свете!

Ведь эту рану нанесло ему дитя из его плоти и крови!

Для всех преступник, злоумышленник, но в его глазах все тот же несмышленный ребенок. Малый ребенок, в чьих ушах еще не умолкла колыбельная песня матери, то самое беспомощное дитя, которое он держал за маленькую ручку и учил делать первые шаги.

Он прожил долгую жизнь с гордо поднятой головой, но сегодня пришлось ее склонить под тяжестью позора.

Он никогда не знал страха, только теперь почувствовал дрожь в коленях.

Он никогда, ни при каких ситуациях не терял самообладания, но сегодня до крови закусил губу, чтобы не закричать и не потопить весь белый свет своим горем и болью.

Откуда взять силы, чтобы вынести такое испытание? Он всего лишь смертный человек! Как можно вот так, хладнокровно, своими собственными руками убить последнюю надежду и опору, что всю жизнь лелеял в глубине души? От этих горьких мыслей старого Алдама охватили дрожь и холод, словно уже смерть простерла над ним свой покров. Лучше бы и этот сложил голову на поле брани, как его старшие сыновья. И со словами: «Твой сын пал геройской смертью!» – понесли бы его на кладбище, и он не проронил бы ни одной слезинки, понес бы барам (носилки) сам, на своих плечах, с гордо поднятой головой.

Каждый отец мечтает, чтобы его сын в смертный час закрыл ему глаза. Но его сын вместо этого выколол ему глаза, вырвал сердце из груди еще живого отца.

Душа старого отца обмякла, словно воск, но при вынесении приговора голос правителя прозвучал сурово и беспристрастно:

– До сегодняшнего дня, за всю историю Мехк-Кхиэл, не было случая вынесения смертного приговора. В том не было необходимости – нахи ценили честь во стократ больше своей жизни! Но нет оправдания тому, кто предал свой народ, навлек на свою страну горе и страдания. Дабы искоренить такое зло, его надобно уничтожить в самом зародыше. Смертная казнь! Вот мое последнее слово!

Шамшук задрожал всем телом. Правда медленно вползала в сердце, наливая тело холодом. Позор обволакивал его всего, растекаясь грязью по коже. Мысли метались, словно собаки, что выискивают след.

С заходом солнца оборвалась жизнь Шамшука, сына правителя.

Со смертью Шамшука – Сына Солнца – прекратились молитвы с воздетыми к солнцу руками.

* * *

Извилистая река пенится, урчит, грохочет, быстрое течение несется вперед без оглядки, словно за ним кто-то гонится, или оно кого-то преследует. Гранитные стражи пытаются усмирить необузданный характер своенравной реки, они устрашающе обнажили острые клыки, каменные исполины угрожающе оскалились над неугомонной водой, норovia своими заостренными зубьями схватить ее за пузырьчатый вихор и сбавить ее бешеный бег. Но она лишь дразнит грозных стражей: закружится в танце, с размаху раскроет объятия, одарит студеным поцелуем. Оторопевшие стражи пропускают кокетку через свои теснины, река вырывается на свободу, разделяется надвое и две сестры – Меши-Хи и Баьста-Хи – весело продолжают свою одиссею.

Вот здесь, у левых притоков Чанты-Аргуна, в бассейнах Меши-Хи и Баьста-Хи, и расположилась Малхиста.

На юге она граничит с Грузией, на северной стороне – с нахскими обществами Кей и Терлой, на востоке к ущелью подходят отроги Тюлой-Лам и Темболат-Лам.

Малхиста означает – Страна Солнца. Здесь солнцепоклонники молились с особым усердием. Казалось, солнце нашло в этой сказочной долине свою обитель – оно ярко светило и щедро одаривало окружающих теплом.

В Солнечной Стране находится город мертвых – Цхай-Пхеда, где находились солнечные склепы, куда клали покойников в полном боевом вооружении и с пищей. Мыс, занятый поселением мертвых, омывает справа Чанты-Аргун, а слева – Меши-Хи. При подходе к этому городку стоят два столпообразных сооружения из сланца – божество Селинг, возле которого совершались жертвоприношения. Восточнее склепов стоит башня Кошун-Бов – Башня Кладбищ, она воздвигнута здесь, чтобы охранять склепы от злоумышленников-соседей, которые в целях отмщения за обиды могли осквернить могилу предка. На башне всегда несли сторожевую службу.

Но сегодня они почему-то потеряли свою хваленую бдительность и не заметили человека, тайком пробравшегося в один из склепов.

Довольный тем, что ему удалось незамеченным проскользнуть мимо стражи, человек юркнул в расщелину и облегченно вздохнул.

В кромешной темноте глаза ничего не различали. Заученными движениями он пошарил рукой в левом углу, нащупал огниво, зажег свечу. Узкое пространство склепа озарилось светом, высветив несколько дощатых этажей, на которых возлежали скелеты усопших – большие и маленькие. Женщины и дети лежат особняком, на них нарядные одежды, рядом разные украшения, угощения, глиняная посуда утонченной работы.

Но посетитель даже не взглянул в их сторону. Его глаза прикованы к широкой гробнице прямо посередине склепа. При бледном мерцающем огне блеснул единственный глаз, он сверкнул бесновато-алчным взглядом. Человек воровато съежился, осторожно, словно боясь нарушить сон покойного в гробнице,

обошел его стороной, встал на четвереньки и начал разгребать хлам в углу. В пылу поисков нечаянно задел свечу, холодный склеп снова погрузился в темноту. Человек чертыхнулся, сердито буркнул что-то под нос, отполз назад, вернулся за огнивом, снова зажег свечу.

– Добро пожаловать, Муртаз!

Напуганный до смерти, человек резко вскочил, выронил свечу, чуть не завопил от ужаса. Но, скованный страхом, так и застыл на месте. Вор затаился в темноте, как кошка, его начало знобить, он весь скукожился, челюсть зашла чечеткой, лязгая зубами. В это время кто-то зажег факел, его пламя вырвало из тьмы убогое пристанище мертвых.

Перед ним возник Ламха.

Потрясенный вор на минуту опешил, затем, опомнившись, бросился к выходу, начал лихорадочно толкать дверцу, но она никак не поддавалась – склеп был закрыт снаружи.

– Зря стараешься, Муртаз, далеко не убежишь! Ты многим копал ямы, расставлял капканы, достаточно плел паутины вокруг своей добычи. Довольно, теперь настал твой черед. Не всегда же играть твоей дуде!

Муртаз молчал в ответ, слышно было только его учащенное дыхание. Да, он попал в смертельную ловушку, расставленную оберегом гор, Ламхой, который был беспощаден к таким подонкам, как он. Такого печального конца он не ожидал.

– Ты пришел навестить фамильный склеп, чтобы просить прощения у своих сородичей? Загорелся желанием почтить память благородного Амирхана?

Муртаз словно окаменел и молчал.

Перед оберегом гор он был бессилен, изворачиваться и оправдываться перед ним было бессмысленно – Ламху не проведешь. Под его пронзительным, всевидящим оком изошренная ложь рассыплется на мелкие кусочки, оголяя отвратительную сущность его правды.

– Ты ничуть не изменился, Муртаз, все такой же коварный, подлый! Ненасытная жажда власти и богатства сгубила тебя. Я мог бы закрыть глаза на твое прошлое, если бы ты хоть чуть раскаялся в содеянном. Но нет, ты одержим дьяволом, осатанел пуще прежнего... Ты до сих пор не утолил жажду мести, решил расправиться со своими родными племянниками?

– Если бы захотел убить, их давно не было бы на свете, – Муртаз, наконец, осмелился подать голос.

– И ты оставил им жизнь, отправив их на невольничий рынок? Твоя доброта не имеет границ! – Ламха расхохотался.

От этого хохота Муртазу стало жутко. Ему померещилось, будто склеп задрожал от подземного толчка, и что все покойные родичи вдруг все разом ожили и присоединились к безудержному смеху Ламхи. То ли на него подействовал удушливый запах обители мертвых, то ли его обуял страх, у него потемнело в глазах, его нестерпимо затошнило и чуть не вырвало. Резкий голос Ламхи привел его в чувство.

– Ты хотел разузнать тайну этих талисманов? – Ламха ткнул ему под нос две знакомые пластины.

Затем схватил за шиворот напуганного Муртаза и почти что потащил к гробнице, где возлежало бездыханное тело Амирхана. Муртаз так и оцепенел от увиденного. Прошло девятнадцать лет со дня его смерти, но покойный

брат будто забылся летаргическим сном: те же черные, смоляные волосы, усы и борода, широкий, красивый лоб без единой морщинки, глаза закрыты, и щеки... нет, не мертвенно бледные, – на них играл румянец, и губы алые.

– Взгляни на него, видишь, он как живой?! И почему до сих пор не растлел? Вот где загадка кроется, вот над чем ты должен был ломать голову. Мужество, благородство, великодушие, милосердие – вот ключи и сакральные знаки к сокровищнице человеческой вселенной! Вот из чего ты должен был сколотить свое состояние... В этих талисманах ты не найдешь того, что так долго искал, Муртаз. Ты никогда не узнаешь эту тайну. Предчувствуя скорую смерть, мой друг Амирхан попытался спасти свою семью и направил их ко мне, а ты погнался за ними, чтобы уничтожить его жену Зару и близнецов, Арзу и Азу...

Услышав имя Зары, Муртаз взревел с лютой ненавистью:

– Зара... Я любил ее... любил безумно! А он украл мою любовь!

– Амирхан ни у кого ничего не крал, и ты Зару не любил! Ты никого не любил, кроме себя! Тобою овладела черная зависть, а не любовь! – гневно прикрикнул на него Ламха. – Деньги, золото, богатство, состояние, власть – вот и вся твоя любовь!

– Нет, Ламха, меня поймет лишь тот, кто испытал все муки любви...

– Муртаз, ты путаешь любовь с чем-то другим, более изменным и нечистоплотным. Любовь – это дар божий, а божественный дар не может быть пропитан коварством и ненавистью, она дает жизнь, а не отнимает.

Ламха сильным движением руки рывком повернул его лицом к себе. Муртаз охнул, но не посмел даже шелохнуться. Оберег гор прожег его пронзительным взглядом и прошептал на ухо:

– Я прочел твою книгу жизни и увидел все твои мысли и деяния. Я также знаю, что тебя ждет на этом самом месте...

Муртаз задрожал всем телом, он свято верил в существование третьего глаза у этого древнего старца. Лицо Ламхи пылало, глаза сверкнули странным светом, он почувствовал, что вот-вот сгорит дотла под этим пылающим взором.

– Ты не мог знать, Зара носила еще одного ребенка под сердцем, но ты прервал сразу две жизни. А этот неродившийся ребенок должен был стать ключевым звеном тайны Амирхана. Ты в последний раз женился на рабыне, которая была очень похожа на убитую тобой Зару, но она умерла во время родов. Так знай же: твоя жена, Зулейха, была родной сестрой Зары, ее похитили ребенком, а ты купил ее на невольничьем рынке. Так вот, твой сын, Шовхал, как раз и станет тем ключом к разгадке. Волею судьбы им предначертано встретиться, и я это исполню, доведу дело до конца.

Потрясенный услышанным, Муртаз стоял как вкопанный. Мысли путались, голова гудела, он глотал воздух, как рыба, выброшенная на сушу: «Нет, этот старый джинн хочет свести меня с ума, только в сказках бывает то, что он тут мне наплел. Но что может связывать моего сына с этой загадкой?! Нет, нет, он просто хочет посмеяться надо мной!»

– Эту загадку ты не успеешь разгадать, Муртаз, а вот узелок твоих злодеяний уже развязался, – прочел его мысли Ламха. – Кончилась твоя сказка, которую ты так полюбовно писал для себя... А вот то, что ты здесь искал, и это твой конец!

Глаза Муртаза вспыхнули диким огнем – в руках Ламхи засверкал меч необычайной красоты. На фоне мерцающего огня он переливался всеми цветами радуги, драгоценные камни излучали завораживающее сияние. Это

был тот самый знаменитый меч Хорезмшаха Мухаммада, что достался Джебе после падения правителя, а он не удержался и выкрал его у самого полководца.

Сердце Муртаза учащенно забилося, его дрожащие руки автоматически, сами по себе, потянулись к драгоценному оружию.

Ламха с полным презрением следил за его движением.

– Отрубить бы тебе этим мечом руки, обгаренные по локоть человеческой кровью, – с отвращением произнес он. – В тебе ничего человеческого не осталось, собакой был, собакой и остался. Как ты мог спрятать ворованную вещь в своем родовом склепе и оскорбить души усопших?! Но нет худа без добра, ты сам хранил оружие своей смерти, и сам же пришел принять свою смерть... Но я не могу осквернить это святилище, пролив твою грязную кровь – здесь покоятся благородные души! Идем наружу, там я разделаюсь с тобой!

Муртаз встrepенулся, отчаянно схватился за руку разгневанного палача:

– Ламха, умоляю тебя, не убивай меня!

Но тот был неумолим:

– Иди вперед!

Они выбрались из подземного царства мертвых на божий свет, на мгновение солнечные лучи больно ослепили глаза. Ламха оттащил Муртаза в сторону и, не раздумывая, занес меч над его головой.

Тот с мольбой простер руки кверху и громко вскричал:

– Ламха, выслушай меня! Я прошу у тебя жизнь в обмен на другую жизнь! Иштар грозит опасность! – обреченно выкрикнул он.

Ламха опустил меч.

– Говори!

– Сначала обещаю, что оставишь меня в живых!

– Я слушаю тебя, – оберег гор вложил меч в ножны, что означало согласие.

Меч правителя Хорезмшаха Мухаммада засиял еще ярче на солнечном свету. Муртаз с трудом оторвал единственный глаз от драгоценных камней.

– Монгольский хан Кадан и Айбак нашли дорогу к Горе Отцов, и они направляются туда короткими путями... И еще им стало известно, что военная крепость на горе Темболат хранит сокровища нахов...

– Кто им помог собрать такую информацию?

Муртаз опустил голову.

Ламха снова схватился за меч, но вспомнил данное обещание и со злостью бросил меч на землю. Рукоять меча и ножны засверкали, солнечные зайчики заиграли на камнях, отражаясь жемчужным спектром. Муртаз бросился на него, как голодный пес на обглоданную кость.

Ламха быстрыми шагами зашагал прочь из города мертвых. Но не успел далеко уйти, как до его ушей донесся душераздирающий вопль Муртаза.

Он вернулся, и его глазам предстала странная картина.

Муртаз лежал там, где он его оставил. Огромная змея окольцевала его и сжимала в своих смертельных объятиях. Завидев старца, она выпрямилась, и их взгляды встретились. Глаза удава замерцали, как камни на мече, что крепко прижимал к своей груди Муртаз.

Они поняли друг друга. Она несколько раз качнулась, затем медленно освободила свою добычу из своих стальных колец и уползла обратно в склеп.

Муртаз был мертв.

* * *

Гора Отцов!

Даже в голову не приходило, что чья-то чужая нога ступит на эту священную гору. А время, как девушка, от которой никакими ухищрениями не добьешься откровенности, скрывает то, что нас ждет впереди. Может, оно право, и нам не следует заранее знать правду о вечно ускользающем от нас завтра. Вероятно, оно и само не понимает, чего мы от него ожидаем, вот и бежит впереди нас ровно на двадцать четыре часа. И не догонишь, и не остановишь, только пыль от его пяток глотаешь.

Иштар поднялась на самую вершину горы, чтобы зарядиться лучами восходящего солнца и набраться новой энергией от утренней росы, успевшей за ночь напоить своим волшебным нектаром всю зеленую лужайку.

Иштар сильно соскучилась по этим местам, где протекало ее безоблачное детство, и только вчера ступила на землю священной горы. Ночь прошла в тревожных снах, она до самого рассвета беспокойно ворочалась в постели, вскакивала от страшных сновидений – прошлое не отпускало, оно вновь и вновь возвращало ее во времена тяжелых испытаний.

За такой короткий период на их долю выпало столько несчастий, что при каждом воспоминании о них у нее до сих пор перехватывает дыхание. Коварство и предательство на каждом шагу, невольничий рынок, мытарства на чужбине, кровавое представление на цирковой арене, бегство из плена. Затем – возвращение на родину, снова борьба за жизнь и свободу. Случилось столько всего, что и не перечислишь.

И как им удалось все это вынести, пережить?!

Но трудности еще не закончились – враг бросил всю свою военную мощь к границам горной Алании, горцы всего северокавказского края дружно ополчились против общего врага. Совсем скоро к ним присоединятся и мехкарий, вместе с ними и Иштар. А пока она решила немного побыть под сводами священной горы пращуров.

Этой ночью ей приснился страшный сон, будто ее любимое озеро, такое чистое и спокойное, вдруг начало закипать кровью, она пыталась выбраться из кровавого месива, но озеро не отпускало и тянуло ее вниз, где донный омут подготовил ей смертный одр. Этот жуткий сон измотал всю ее душу, смутная тревога сковала маленькое сердечко.

К чему бы это? Что может означать этот кошмар? И Ламхи нет рядом, он бы растолковал этот бессвязный сон.

Нет, нет, это просто сказывается усталость после пережитых тревог. Вот и все. Что еще может случиться, хватит с нее трагических событий последних двух лет.

Рассвет вступал в свои права.

Солнце медленно пробуждалось и, цепляясь за заспанный колючий горизонт, лениво подкатило к воздушному старту, моргнуло единственным глазом, солнечные реснички задрожали, несколько раз встрепенулись, упившись жаром раскаленного жернова, вспыхнули огоньками и волнами отхлынули от солнечного ока.

Иштар раскрыла глаза навстречу первым вспышкам солнечных потоков, и очи Талисмана Гор засверкали лучистым светом. Вот отчего, оказывается, прекрасные глаза Иштар всегда излучали такой неземной свет – они подвергались целительному воздействию утреннего солнца!

Не только одна Иштар почтительно приветствовала животворящие лучи солнца – все живое вокруг с трепетом ожидало величественный восход огненной звезды. Зеленая листва радостно засверкала блестками утренней росы, на которой солнечные зайчики завели свой веселый хоровод. Навязчивые тени, уснувшие крепким сном, вывалились из своих ночлежек и растянулись по земле, взлохмаченные и озябшие от ночной прохлады. Целомудренные бутоны цветов оробели под влюбленным взглядом небесного светила, ароматные лепестки смущенно затрепетали от его теплого прикосновения и кокетливо расплылись в счастливой улыбке, наполняя мир своей неповторимой красотой. Крылатые певцы переливчатым хором дружно распели свой утренний гимн во славу нового дня.

Иштар торжественно возвела руки к солнцу, словно собираясь взлететь и прокатиться на его огненной колеснице.

Наступил новый день.

Девушка собралась уйти, но не успела повернуться, как стрела со свистом вонзилась в морщинистую кору дерева, у которого она стояла.

Иштар побледнела. Но не от страха.

Нет!

Она узнала знакомые перья на конце стрелы – такими пользовался только Биберд. Взмолвленная девушка быстро оглянулась, ища глазами меткого лучника. Да, это был он, Биберд.

К счастью, теперь их разделял не безбрежный океан, а лазурное озеро. На другом берегу, прямо перед ней, стоял гость из далекого Египта. Он размахивал руками и что-то отчаянно выкрикивал, пытаясь перебить шум водопада. Сердце Иштар замерло, вспомнился вещий сон, Талисман Гор почувствовала всем своим существом: над Горой Отцов нависла смертельная опасность.

Неужели сну суждено стать явью?!

Иштар поспешила навстречу Биберду.

Они встретились глазами, и эти глаза сказали все, даже больше, чем могли высказать слова. Но, как всегда, времени для личного счастья у них не было.

– Биберд, как ты нашел дорогу к Горе Отцов? – спросила встревоженная Иштар.

Биберд изменился до неузнаваемости: всегда ухоженное лицо теперь обросло густой бородой, одежда висит лохмотьями, глаза глубоко ввалились от усталости. Храбрый мамлюк, который давно потерял надежду вновь увидеть прекрасную Иштар, молча любовался красотой и величием Талисмана Гор.

– Долго объяснять, Иштар, у нас мало времени. Я не знаю, кто указал Айбаку дорогу на священную гору, но он вступил в сговор с одним из монгольских полководцев и...они скоро будут здесь. Они пошли на уловку, стянули войска к границе, чтобы отвлечь нахов и облегчить свой путь к главной цели – захватить Гору Отцов.

Иштар изменилась в лице:

– Защитников горы, можно сказать, почти не осталось – сурхои ушли на фронт, уверенные в полной безопасности Горы Отцов. Силами своих воительниц нам не удержаться. Может, послать гонца за подмогой?

– Нет, Иштар, это бессмысленная трата времени. Враги придут сюда самое большее через три-четыре часа. Прости, я не смог их опередить на большее время! – Биберд виновато опустил голову.

– Ты сделал все, что смог, Биберд, пусть Бог вознаградит тебя за твою преданность! А теперь уходи, тебе нельзя здесь больше оставаться, и, прошу тебя, как можно скорее и дальше отсюда.

– Почему?

– Может произойти непоправимое, а я не хочу, чтобы ты пострадал.

Талисман Гор в минуту опасности собралась духом, дальше она должна действовать быстро и хладнокровно. Но в глазах застыл крик помощи.

Мамлюк вскинул голову, гневно сверкнул глазами.

– Я мчался сюда не для того, чтобы бежать обратно! – укоризненно произнес он.

Как и предполагал Биберд, захватчики, так алчущие сказочных сокровищ нахов, прибыли ровно через четыре часа. Густой лес запестрел воинами из монголов и мамлюков, два полководца встали у подножия загадочной горы, в глазах у обоих заиграл недобрый знак дьявола – огонь ненасытной алчности. Теперь, когда они достигли своей цели и сокровища находятся прямо у них в руках, каждого из них охватило желание завладеть несметным богатством самому, никто не хотел делиться.

Иштар отправила всех, кто находился на Горе Отцов, в безопасное место, а сама осталась, чтобы завершить то, что должна была сделать.

– Что там снаружи? – спросила она девушек, которые стояли в ожидании ее дальнейших указаний.

– Там происходит что-то странное – враги бросились друг на друга и яростно сражаются у самого озера.

Иштар ликовала:

– Жадность одержала победу над ними! Вот и хорошо, теперь они будут знать смысл мудрого изречения: «Кто возжелал большего, лишился и малого», – удовлетворенно воскликнула она.

А снаружи развернулась настоящая битва за золотую гору. Айбак и Кадан схватились за мечи и яростно наносили удар за ударом, кругом такая же ненависть, сыплются булатные искры, лязг сабель о щиты, вопли, хруст костей, орудуют мечами, словно лес рубят. Тихое озеро, спавшее бирюзовым сном, всколыхнулось от непривычного грохота, оно еле успевало поглощать тела раненых и мертвых воинов. Озеро обезумело от человеческого безумия, оно раздулось и вскипело кровавой накипью, испуская пузырьки человеческих душ.

Иштар бросила на них презрительный взгляд и спустилась в пещеру.

– Выбирайтесь отсюда, да поживее, идите по тайной тропинке, поднимайтесь как можно выше. На самой верхушке горы вы будете в полной безопасности, – наставляла она воительниц.

– А как же ты? Мы без тебя и шагу не сделаем! – хором вскричали те.

– Обо мне не беспокойтесь, я присоединюсь к вам... чуть позже. А теперь поторапливайтесь, времени у нас в обрез. Бегом, бегом! – она насильно вытолкнула упирающихся девушек к выходу и захлопнула дверь изнутри.

Биберд ждал снаружи, он помог им выбраться наверх. Среди них не оказалось его любимой.

– А где Иштар? – с тревогой спросил он.

Но испуганные девушки не успели ответить, как задрожала земля, загудела пещера, грохот от камнепада заложил уши, почва под ногами начала проваливаться вниз.

Кругом поднялся переполох.

– Гора рушится! Землетрясение!

И действительно, гора простонала, изверглась гранитными слезами, поднимая огромный столп пыльного дыма, и на глазах у потрясенного мамлюка начала медленно опускаться куда-то вниз, в свои подземные лабиринты.

Биберд, не раздумывая, бросился к пещере, где осталась Иштар.

– Иштар! Иштар! Иштар! – все громче и громче взывал он к любимой, кидаясь во все стороны в поисках девушки. Он даже не замечал, что с каждой минутой уходит под землю, как на тонущем корабле на дно океана.

– Биберд! – откуда-то снизу раздался отчаянный крик Иштар.

Мамлюк что есть мочи помчался на ее зов.

Иштар стояла на странном выступе стены и изо всех сил старалась перевернуть какой-то рычаг, пытаясь привести в движение причудливые механизмы, перетянутые по всему каменному своду.

– Дай мне, – юноша оттолкнул девушку, сам ухватился за рычаг. – Говори, что делать!

– Постой, Биберд, – остановила она его. – Ты должен знать: как только мы повернем этот рычаг, Гора Отцов очень скоро навсегда закроется в подземных водах. Наши предки завещали потомкам, чтобы в случае крайней опасности укрыть священную гору в подземных источниках. Такой час наступил...

– Я понял, понял... Так в какую сторону повернуть рычаг! – Биберд собрал всю свою богатырскую силу и приготовился открыть шлюзы подземных вод.

– Биберд, ты не понял меня, мы не сможем отсюда выбраться живыми!

– Что ж, пусть мы... наша любовь... тоже станет частью тайны Горы Отцов!

Биберд первый раз открыто взглянул в очи Иштар и озвучил вслух свою сердечную тайну:

– Иштар, я люблю тебя больше жизни! Раз мне не суждено быть с тобой, то позволь хотя бы умереть рядом с тобой!

Иштар лишь благодарно взглянула на любимого, решительно, без тени страха, ступила на порог небытия.

Раздался пронзительный скрежет железных зубьев, заржавевших за время вековой спячки, запущенная машина исполнила свою миссию, возложенную на нее ее изобретателями.

Вода, столько веков проведенная в подземной тюрьме, вырвалась из заключения, сбросила оковы, сдерживающие ее безудержную волю к свободе, и со страшной силой хлынула в темную бездну, захватив в охапку влюбленную пару.

Грянул гром, вслед блеснула молния, небеса треснули и дождевым ливнем провалились на сотрясающуюся землю.

Страшный день подошел к концу.

Тишина в растерянности зависла над долиной. На месте Горы Отцов образовалось глубокое озеро, за считанные секунды оно проглотило все живое вокруг. Лишь деревья на склонах гор, немые свидетели небесной кары, горестно взирали на трагедию Горы Отцов, их могучие кроны бессильно повисли, словно желая дотронуться до земли и выразить ей свое сочувствие. Плакучие ивы выплакали все слезы – ее тоненькие веточки судорожно вздрагивали по нервной глади отходившей стихии.

Прозрачная тишина до того напряглась, что малейшее дуновение ветерка пугало ее, она тихим вскриком кидалась к затаившемуся эху.

Совсем недавно здесь плескалось ласковое, нежное озеро, перебирая своими лазурными струнами. Теперь на его месте зеленой змейкой растянулось бездонное озеро, сокрыв в своих мутных глубинах великую тайну нахов. И получило название – Кезеной-Ам.

Озеро отмерило свои размеры – в длину, в ширину и в глубину, успокоилось, лишь иногда пуская отрыжки от сытного жертвоприношения, преподнесенного ему на алтарь дьяволом-искусителем.

Ламха опоздал на кровавый пир.

Он не хотел верить в случившееся, не допускал мысль о гибели Иштар. За всю свою долгую жизнь он не был так разбит и подавлен, как сейчас. Да, он понимал, что такое может произойти – заработает инстинкт самосохранения, и Гора Отцов скроется на неопределенное время, чтобы снова восстать из глубин и напомнить нахам о своем былом величии.

Но сколько же времени пройдет и удастся ли нахам сохранить свою генетическую память?

Не потеряется ли благородное племя в напластованиях истории?

Хватит ли им мудрости своих пращуров, чтобы не растерять духовные ценности в лабиринтах времени?

Опустошенный и раздавленный, он упал на колени и воздел руки к небу.

– Во-о-о Дела! – крик души вырвался из иссохшей груди, переключаясь с болью сердца. – Как можно потерять тысячелетнее достояние за такой короткий миг?! Мы всегда следовали Твоим главным истинам, сохранили человечность, что Ты заложил в нас при перворождении! Мы не позволили гордыне возобладать над собою, были милосердны ко всему живому, не считали себя ни ниже и ни выше других! Я прошу Тебя, умоляю, верни самое ценное из сокровищниц, что ушли в глубину веков, заложи его кодом скрижалей генетической памяти моего народа, чтобы он смог выстоять перед лавиной человеческого безумия и сохранить тот божественный свет, что Ты вложил в них – Честь и Совесть! Избавь мой народ от несчастной судьбы манкурта!

Внезапно небо озарилось радужной улыбкой – точки спектров высветили семь цветов палитры и изогнулись в изящном полукруге.

Радуга упала на зеркальную гладь новорожденного озера, нырнула в его бурные объятия. Вдруг озеро встрепенулось, раскрыло свое чрево и вытолкнуло наверх человека.

Это была Иштар – Талисман Гор.

А вслед за ней выплыл и Биберд, храбрый мамлюк из Египта.

* * *

Алдам умирал.

Правитель Нашхи оставлял этот мир, с каждой минутой сердце замедляло свое биение, душа медленно уходила из благородного тела, как мельчайшие гранулы песка проскальзывают сквозь пальцы плотно сжатого кулака. Он не боялся смерти и ждал ее как самого желанного гостя. Но что-то еще удерживало его на этом брэнном свете, в глазах затаилась вселенская боль, и не с кем ею поделиться, некому душу излить напоследок. И Ламхи нет рядом,

Астамар куда-то запропастился. Они что, не понимают, как они ему сейчас необходимы?

Алдам открыл глаза, невидящим взором уставился на дверь.

Почему так задерживается его друг и брат Ламха? И Астамар, что заменил ему сына, что могло ему помешать встать у изголовья умирающего отца?

Что могло еще случиться? Неужели он отойдет в мир иной вот так, в полном одиночестве и с невысказанной болью?! Смерть единственного сына, непутевого Шамшука, тяжким бременем легла на измученную душу отца. Какой печальный конец великой родословной! Неужели обрублено по корень столь могучее древо?!

Ламха появился в дверях, словно услышал отчаянный зов истерзанной души умирающего друга. И Астамар с ним. Алдам облегченно вздохнул: наконец-то можно спокойно умереть.

Ламха с первого взгляда понял, что так гложет старого Алдама.

– Мой друг, у меня радостная весть для тебя, – сказал он, наклонился и тихо что-то прошептал ему на ухо.

Лицо умирающего вдруг просветлело, как солнце в ненастный день.

Потускневший взгляд загорелся огнем, он чуть приподнял голову и с нетерпением уставился на массивную дверь. Ждать пришлось недолго, через минуту в открытых дверях появился его... старший сын Сурхо. Высокий, статный, крепкого телосложения богатырь, густые черные брови вскинуты в орлином полете, глаза небесной синевы излучают доброту, они с грустью глядят на больного старца... Двадцать лет назад отец последний раз видел своего сына, когда тот уходил на войну с монголами, точно с таким же выражением лица.

Алдам так и впился глазами в родные черты, болезнь на мгновение отступила, он забыл обо всем на свете и боялся одного – как бы не исчезло это чудесное видение. А может, это действительно видение, выдаваемое его больным воображением? Или это проделки Ламхи, пытающегося успокоить его душу перед смертью?

– Это твой внук Нуха, сын Сурхо, которого мы потеряли в трехлетнем возрасте – думали, ребенок погиб в дремучем лесу, и потеряли всякую надежду найти его живым, – Ламха был не менее счастлив, чем Алдам, устроив невероятную встречу деда с внуком.

– А помнишь, мой друг, мои слова, когда он только родился на свет: «Ребенок, родившийся с родимым пятном со знаком звезды с полумесяцем на правом плече – это божественное предзнаменование!»

В подтверждение своих слов он подошел к смущенному юноше, обнажил его мускулистое плечо и показал Алдаму отметину – на нем отчетливо были выведены звезда с полумесяцем. Алдам был счастлив, нахи перестанут поклоняться солнцу и заживут под лучезарной сенью ислама!

– Правитель, ты можешь гордиться своим внуком – Нуха в столь молодом возрасте успел покрыть себя славой воина, доказал свою преданность родной земле, проявил недюжинный ум и находчивость. Алмаз, обними своего деда!

Алдам тихо ушел из жизни на рассвете. Уснул навечно с умиротворенным лицом, на котором сияла блаженная улыбка.

Правителя проводили в последний путь и похоронили со всеми почестями. Похороны длились ровно три дня. Алмаз, теперь Нуха, принимал

соболезнования родных и земляков. Друзья неотлучно находились рядом и разделяли его горе.

Затем в честь усопшего правителя провели военные состязания и игры, в которых принимали участие молодые воины всей Нашхи.

Малх-Азни тоже здесь, она сегодня счастлива как никогда – Иштар отправила ее на заслуженный отдых и передала пост предводительницы воительниц Дике. Но это не значит, что она полностью освобождалась от всех обязательств, военных и бытовых.

Нет.

Малх-Азни будет присматривать за своими юными подопечными. И теперь самая главная забота всей ее оставшейся жизни – Шовхал, к которому она привязалась всем сердцем.

Ребенок восторженно наблюдал за военными играми сурхоев, его черные глаза блестели, как звездочки в ночном небе, он то и дело радостно вскакивал с места, хлопал в ладошки.

Ламха заметил Малх-Азни, подошел к ней, поздоровался, затем поднял на свои могучие плечи развеселившегося малыша.

– Скажи, Шовхал, ты хочешь стать таким же сурхо?

– Хочу, хочу! – завизжал ребенок, будто оказавшись на седьмом небе от счастья. Он начал воинственно размахивать деревянной саблей, а Ламха забегал вокруг лошадей, ржал, подпрыгивал под восторженный смех малыша.

Малх-Азни не удержалась и тоже присоединилась к веселью.

– Да ты настоящий воин, мой юный друг! А ну-ка, побегай еще, – он поставил ребенка на землю и присел рядом с Малх-Азни.

– Ну что, Малх-Азни, ты довольна своими мехкарий?

– Конечно, ведь их обучала я!

– Это правда, разве у такой наставницы могут быть плохие воительницы?

– Теперь у меня остался один единственный ученик – Шовхал! – женщина с нежностью провела рукой по кудряшкам ребенка и поцеловала в щечку.

– Нет, Малх-Азни, Дела уготовил ему другую судьбу.

От этих слов сердце воительницы затрепетало:

– Это значит, что он не может остаться со мной?!

– Да, ты верно подумала.

Она отпустила резвившегося малыша:

– Шовхал, иди, поиграй, и не уходи далеко! – Малх-Азни в упор взглянула Ламхе в глаза: – И как это понимать, Ламха, ты мне не доверишь жизнь этого мальчика или есть другая причина?

– Что ты говоришь, Малх-Азни? Нахи доверяли тебе сотни своих дочерей, ты воспитала их, обучила, и они стали символом чести и отваги нашей страны, лицом нашего народа!

Ламха рассказал ей о том, что ему удалось узнать о судьбе маленького Шовхала. Ламхе не пришлось убеждать женщину в правдивости своих слов, ведь она тоже принадлежала к избранным и владела тайной священной Горы Отцов.

Ламха показал ей обереги Арзу и Азы и достал из-за пазухи третий. Первые два были половинками от одного целого медальона, а третий – в форме стрелки от циферболата.

– Неделю назад я побывал в склепе у тела Амирхана. Прямо на моих глазах из его руки выпала вот эта магнитная стрелка. Я слышал: когда его хоронили, не смогли разжать его кулак, вот, оказывается, что он сжимал мертвой хваткой... Он дал мне понять, что этот оберег предназначался ребенку, которому Муртаз помешал родиться на свет... Понимаешь, Малх-Азни, Шовхал – двоюродный брат не только по отцу, но и по матери Арзу и Азы – он сын младшей сестры Зары.

Над полем показательных выступлений раздался победный клич воинов, публика громкими овациями приветствовала триумфальное шествие конницы. Шовхал вместе с другими детьми побежал за всадниками, он размахивал мечом, что-то звонко кричал.

– Мы испытаем Шовхала, – Ламха кивнул головой в сторону сурхоев. – Посмотрим, почувствует ли он родную кровь – Арзу и Азу? Если да, то это будет знаком свыше.

– А если он узнает их, что будет дальше?

– Они всегда должны быть вместе.

Ламха взглянул на притихшую Малх-Азни – из ее глаз струились слезы, словно она прощалась с сердечной привязанностью.

– Малх-Азни, я понимаю, тебе трудно расстаться с ребенком, да и он привалялся к тебе, как к матери. Но эти трое связаны общей тайной, их нельзя разделять. Когда Шовхалу исполнится ровно девять лет, время откроет свои ворота, и они выполнят свою миссию.

На вопросительный взгляд женщины провидец дал исчерпывающий ответ:

– Подсказкой мне послужили мои вещие сны, видения донесли мне отрывки будущего!

Воинов построили в два ряда. По одну сторону – мехкарий, по другую – сурхой. Лица всех скрыты под забралами шлемов.

Малх-Азни взяла Шовхала за маленькую ручку и подвела к выстроенным воинам.

– Смотри, малыш, ты должен выбрать из этих воинов двух, и они станут твоими лучшими друзьями.

– Это такая игра, да? – глаза мальчика оживленно заблестели.

– Да, ты угадал, – улыбнулась женщина. – Ты же у меня такой умница и такой смелый, мой маленький львеночек!

– Но как я могу выбирать себе друзей, если я не буду видеть их лица? – озабоченно озирался тот.

– А ты пройдишь по рядам, выбери того, на кого твое сердце укажет.

– Ладно.

Шовхал не спеша прошелся по ряду сурхоев, взял за руку одного. Затем подошел к мехкарий, потянул за руку одну из них.

– Все, я выбрал! – радостно воскликнул малыш и подвел их к наставнице.

– Откройте свои лица! – попросил Ламха.

Они послушно сняли шлемы. Перед ними стояли Арзу и Аза.

На высокой горе Темболат высится неприступная боевая крепость.

Лишь орлам доступны остроконечные зубья бойниц этого великолепного замка, который стал навязчивой мечтой захватчиков на долгие годы. Снизу, с подножия горы, его редко можно видеть во всем своем величии

– он скрывается или в белых дымках облаков, или утопает в непроглядном тумане, постоянно витающем в склонах горной эпопеи.

Врата навсегда захлопнулись за храбрыми защитниками, присягнувшими родной земле держать оборону замка и не пропустить врага через этот горный перевал, служивший единственным проходом в страну нахов – Нашха.

Но сегодня им пришлось в последний раз открыть ворота и впустить новых воинов-защитников крепости, которых Астамар обещал направить в ближайшее время.

Тархан распахнул железные ворота.

Вечерние сумерки не позволяли рассмотреть лица вновь прибывших. Впереди выступал всадник могучего телосложения.

– Тархан, что это у вас так мрачно и невесело... сидите, словно заключенные! – пробасил кто-то в темноте.

У Тархана перехватило дыхание – он узнал голос друга.

– Биберд!

На шум выскочили сурхой, окружили гостей.

– Добрый вечер, Леча! Где мой брат, почему его не видно?

– Аза? – поспешил навстречу сестре Арзу.

– Арзу, друг, я тоже здесь! – послышался тоненький детский голосок.

– Шовхал, нам как раз не хватало одного сурхо, и именно тебя! – Арзу раскрыл объятия, малыш прыгнул с лошади ему прямо на грудь.

Леча, как всегда, растерялся от неожиданной встречи с Азой.

– Откуда вы взялись? – не нашелся что сказать суровый воин.

– Мы приехали поддержать ваш дух! – вместо нее ответила другая.

– Иштар! – обрадовался Леча.

– А Кюри где? – послышался нетерпеливый голос.

Услышав свое имя и узнав, чьими устами оно произнесено, тот стремглав бросился вперед и чуть не прыгнул с бойницы высокой стены.

– Спокойно, молодой человек, не так быстро, – засмеялась Фатима. – Мне нужен сильный воин, а не калека...

– А где Ширдаг, почему он не с вами?

– Он уехал в Китай вместе с войском Аслана!

Тархан замер в ожидании родного голоса и внимательно вглядывался в сумрачную мглу.

– Мой друг, как вы могли даже подумать, что вы тут справитесь без нас?! – он оказался в чьих-то стальных объятиях. Он еле вырвался из могучих тисков, радостно воскликнул:

– Алмаз, это ты?! Или как тебя, Нуха?

– Мне ближе имя, каким меня нарекла Дика, называй меня как раньше!

– Ты почему здесь?

– Как почему? За тем, что и вы – защищать крепость! Не вам же одним становиться легендой века!

– А как же государственные дела?

– Какой из меня государственный муж? – махнул тот рукой. – Ламха и Астамар прекрасно справятся даже с дюжиной таких стран, как Нашха, – Алмаз тяжело выдохнул, будто освободился от непосильной ноши.

– Тархан, не верь ему, наш друг чуть не остался в стенах дворца, – наконец-

то слышался родной голос любимой. – Белокурая красавица вскружила голову нашему славному герою.

Не было человека счастливее Тархана, он еле сдерживал свою радость встречи.

– А почему же оставили ее дома, захватили бы и ее с собой?

– Предложили, но она не согласилась, – улыбнулась Дика.

– Почему?

– Сказала, что будет ждать дома.

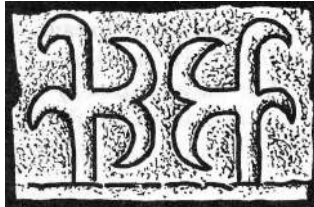
– А она хоть знает, сколько ей придется ждать?

Этого пока еще никто не знал.

Долгие годы защитники героически обороняли боевую крепость, загородив захватчикам путь к сердцевине Нашхи. Монголы до первых снегов осаждали неприступную гору, уходили и вновь возвращались с весенним потеплением.

Крепость на горе Темболат и его защитники оставили неизгладимый след в анналах истории, мужество и отвагу воинов народ воспел в своем героическом эпосе.

Но это уже другая история!

Дебют

Мохдан Цураев

Я чувствую, жизнь поменяется...

Родился 13 июня 1997 года в селе Ачхой-Мартан. В 2014 году окончил среднюю школу села Ачхой-Мартан и поступил в Чеченский государственный университет. Писать стихи Мохдан начал с 15 лет. Несмотря на юношеский максимализм, его поэзия очень искренна и наполнена философским смыслом. Не в последнюю очередь благодаря именно этим качествам, она нашла своих читателей – при подведении итогов литературного конкурса среди молодых писателей (в рамках Ежегодного

народного творчества «Беноевская весна – 2019») Мохдан Цураев стал одним из победителей: за лучшее литературное произведение на русском языке ему было присвоено 3-е место.

Я сегодня решил позвонить тебе, друг:
 Может, в гости к тебе и развеять печаль.
 Говорить обо всем, что творится вокруг,
 Поделиться печалью, так, невзначай.

Разговор по душам: про
 бескрайности бед,
 Про проблемы о личном и
 даже в семье...
 Обо всем, что имеем, о том, чего нет,
 И о жизни несладкой

на этой земле.

Впрочем, как и всегда:
 ты послушаешь все,
 А потом помолчишь, не скрывая печаль.
 После этого ты,
 посмотрев мне в лицо,
 С грустным взглядом расскажешь,
 как ты по ночам

От бессонницы тяжелой
 не можешь уснуть,
 Как бредешь в своих думах
 До утра шести –

размышляя про сложный
 жизненный путь...
 Как мечтаешь ты счастье
 в мирском обрести.

Как устал от всего: от ударов судьбы
 И от тягостных дней,
 разбивающих жизнь.
 Убивая грехи – от извечной борьбы,
 От друзей лицемерных,
 от фальши и лжи.

Ты поделишься всем, что тревожит тебя,
 Ведь кто делится грустью –
 уменьшит ее.
 Мы поддержим друг друга –
 на то и друзья,
 Чтобы вместе бок о бок
 прошли через все.

Разговор обо всем, что творится вокруг,
 Наш подходит к концу...
 Расцветает рассвет...
 Я сегодня решил позвонить тебе, друг,
 Позабыв, что тебя на земле уже нет...

Я гражданин-поэт непрекословный,
Но, безусловно, срок мой безусловный:
Пожизненно я – заточенный в клетку
Поэзии, играющей в рулетку.

И как же быть? Как выбраться отсюда?
Вся жизнь несется в ожидании чуда.
Израненный, иду я от депрессии,
Ведь каждый шаг с ней –
 словно бег по лезвию.

Мечтая стать известным, знаменитым –
Нырять в Лету, ставши позабытым.
Желая быть живым, неумертвленным –
Я становлюсь толпою осужденным!

...Но смысла жизни не ищу я больше,
Я понял: вера в Бога всех дороже –
Всех благ земных – и власти, и
богатства!
Я понял, что лишь у Него есть Царство!

И быть судьбою сломленным –
 так низко,
Что ниже не стоит самоубийство,
Что даже раб – сильнее духом павших!
Господь! О, упокой все души павших!..

Я буду жить! И до последней капли
Прогнившей крови, наступив на грабли,
Я буду знать, что это просто опыт –
Что лично мною несомненно добыт!

И я не сдамся! «Не из тех, кто сразу же
Готов сбежать при первой же
 опасности»!
И лишь в могиле я найду пристанище,
Я успокоюсь только лишь
 на кладбище!..

Звезды – на осколки, вдребезги.
В небе – шаровые молнии.
Это – результат неверности,
Ревности и хладнокровия.

Дождь идет, смеясь над августом,
Тихо, пасмурно и ветрено –

Это я, прощаясь с радостью,
Сердце убиваю медленно.

Мир перевернулся – в голову
Не ползет все безумие.
Это просто стало все равно –
Чувство, что неопишимо.

Почему же нет понятия –
Ни принятия, ни понимания –
Это чувство неприятия
Плавно переходит в манию.

О любовь моя ушедшая,
А точнее – уходящая!
Почему я думал – Вечная,
Был уверен – Настоящая?!

Как же ты была в непрочности
Крепкою любовь, что временна!
Это и конец – ведь в точности
Так взрывается Вселенная!..

Я чувствую, жизнь поменяется
 только к лучшему:

Я верил всегда
и всегда продолжал надеяться –
И раз опустил до дна я,
 то камень жемчужины
Находится здесь – и я вижу, как светится!

Я знал, что смогу исправиться,
а после – и справиться.
Причина и следствие –
главный закон в пространстве.
Фортуна теперь улыбается –
 больше не скалится.
И мне абсолютно без разницы –
 сколько препятствий!..

Смотрю я вокруг, и я вижу:
 как жизнь восхитительна!
И в образе нежной девицы –
 улыбкою тянет,
И здесь, и сейчас я почувствовал –
 счастье действительно,
И хочется верить,
 что больше меня не обманет!..

Мой кот болеет. Третий день уже
Он ничего не ест – и еле пьет.
Мой кот болеет. У меня в душе
Засела плотно боль – и там живет...

Мне очень жалко своего зверька:
Лежит и спит, скрутившись в клубок.
Опухла вдруг вся левая щека,
И глаз сочится – у него отек.

Еще неделю раньше – он ходил,
Он бегал, прыгал и,
как конь, скакал.
Сегодня мало в нем осталось сил,
Сегодня он неистово устал.

Мой рыжий кот.
Любимец мой. Мой друг.
Прошу, пошевелись, прошу, не спи.
Не спи, как будто ты жалеешь ног,
Прошу тебя, вставай! Прошу, живи!

Питомец мой. Мой наилучший друг,
Хозяин дома, царственный, как лев!
Ну, покажи могущественный дух,
Вставай! Иди! И не копи свой гнев.

Ты потерпи. Нас ждет ветеринар,
Он выпишет лекарства.
Все пройдет
К утру. При том – ты ведь совсем
еще не стар,

Ты молод – будет скоро год,

И жизнь стоит лишь
на рассвете дней.

Не говори молчаньем: «Ухожу...»
Не говори же утренней звезде
И мне: «Прощай» – ведь я не отпущу!

Ты сильный, – я уверен,
Ты сильней,
Чем Симба и Муфаса – короли.
Прошу я, выздоравливай скорей,
Прошу тебя, прошу тебя, живи!..

А внутри тебя целая гипервселенная,
А внутри тебя – космос,
и звезды, галактики...
Их объемы, масштабы и их измерения
Не понять геометрии и математике.

А внутри тебя солнце сияет, естественно,
А внутри тебя – горы и реки равнинные,
А внутри тебя – жизнь,
и она, соответственно,
Убивает все смерти во мне ощутимые.

А внутри тебя сотни
богатств ископаемых:
Бриллиант настроенья,
спокойствия – золото,
Утешенье души
для сердечно израненных:
Доброта, если злобно,
тепло – если холодно.

А внутри тебя все: океан удовольствия,
И забота, и ласка,
и нежность, и женственность...
И, как будто бы
ночью мерцание звездное –
Безграничное счастье,
и верность, и преданность.

А внутри меня – ты.
Мое сердце и разум мой –
Твоим разумом, сердцем
навсегда украдены.
О, как много Тебе адресовано, сказано!
О, как много в одной лишь тебе
меня найдено!..

До чего же способна
тебя довести эта жизнь,
Если ты проклинаешь
ночами грядущее утро,
Если вывести может и
выбесить только лишь мысль –
Что до самой кончины ты
вынужден жить безрассудно!

До чего же способна
тебя довести тишина –
Если каждая ночь,
как источник летального яда,
Что и в малых количествах
выбьет тебя из ума,
Ну, а если достаточно –
можешь идти за лопатой.

До чего же способна
тебя довести темнота,
Если ты представляешь могилу,
где ты после смерти
Заведешь диалог, чтоб узнать –
а в какие Врата
Приведешь ты себя, лишь на пару
вопросов ответив?!

До чего же способна
тебя довести эта жизнь –
Если ты, как отравленный
самым безжалостным ядом?
А доводит до этого мигом
одна только мысль:
«А какую же участь ты выбрал
меж Раем и Адом?!»

Наступает такой переломный
момент, когда
Отношения, бурлившие лавой –
становятся льдиной.
Несмотря на прошедшие
вместе друг с другом года –
Тот оазис любви превращается
вмиг в пустыню.
И одна только память хранит
в себе тайны двоих –
В настоящем вы ходите с тем,
что оставили в прошлом.

И молчанье эмоций сгущается
в бешеный крик,
Что безудержно рвется наружу –
из бледной кожи.

Холод ломится в сердце
без стука, ломая замки.
Холодеет душа и не важно –
июнь или август.
Те, кто раньше безумно любили –
сейчас, как враги.
Это просто судьба по ошибке
сменила свой ракурс.

До чего же доводит печаль!
Разве можно винить,
Позабыв про свои же грехи –
и судьбу, и фортуны?!
Если сам не сумел уберечь и
до смерти любить,
То других обвинять – безответственно,
как и безумно.

Перед бурей – затишье всегда,
но потом сполна
Ожиряешь блокнот, и твой почерк
корявый дырявит.

До чего же способна тебя
довести тишина,
Раз и даже до гроба тебя
довести она вправе?!

И в ночной тишине, среди тьмы,
где белеет луна,
Что скопилось внутри –
вырывается лавой, с корнями.
И тебя успокоит не шум,
а одна тишина,
Раз тебя очень громко уже
закидали камнями!..

Мы, как раньше, уже не встречаемся больше в «Союзе»,
Каждый занят по жизни: работа, учеба, проблемы.
И от этого вмиг накрывает потоками грусти,
Потому что не целы – отдельные части системы.

Мы давно разделились: на левый и правый берег.
Кто-то любит писать на чеченском, а кто-то – на русском.
И друг в друга из нас, если честно – никто и не верит,
Потому что у каждого – разного рода «искусство».

Мы не можем понять ни душевных признаний, ни важность
Актуальностей тем, и их значимость – тоже не ценим.
Кто любовную лирику пишет, а кто – про продажность.
Кто о смерти, о жизни, а кто-то – как вскрыть себе вены.

Кто-то пишет про радость, а кто-то – про «старость – не радость»...
Кто коверкает русский, а кто-то – родной изувечил.
Кто-то строки рифмует про жизненную усталость,
Ну а кто-то – о том, как этилом сгубить себе печень.

Нам друг друга никак не понять, ведь как будто на разных
Полюсах мы стоим – супротив, в поэтическом шаре –
И он лопнуть готов, и взорваться на мелкие части,
Чтоб сгорели дотла и стихи, и грехи при пожаре.

Поэтический шар переполнен отравленным газом
Безнадежности и безысходности в жизни Вселенной,
И нам нечем дышать, потому что всем разом в разум
Проникает угар, и мы в обморок падаем нервно.

Но мы все еще живы – мы просто теперь без сознания,
Но стараться друг другу помочь – бесполезное дело.
Друг у друга никак, никогда не найти пониманья,
Ведь у каждого – своя душа, ровно так же, как тело.

Ровно так же, как будет могила! Как будут допросы,
Ровно так же, как будут ответы на эти вопросы.
Ровно так же, как мир в голове – он у каждого личный,
Ну а каждый ли хочет, как есть, его выдать публично?!

Мы, как раньше, уже не встречаемся больше в «Союзе».
Мне от этого грустно. Хотелось бы снова, как прежде,
Чтоб шутили, смеялись, делились, давились искусством
И дивились тому, как мы в гроб закрываем надежды.

Не встречаемся. Да. И вот как бы сказать, не обидев?!
Оправданий – не надо! Желание – все, уясните:
Приходите же, ну! Занятые, вы все, деловые!
Приходите в «Союз» – и увидим мы, кто мы такие!

Проза

Муса Арсанукаев

В пороховом дыму

Повесть

Жителям Дади-Юрта, героически павшим, защищая свое село, посвящаяю.

Пролог

Коршун долго кружил в ясном осеннем небе, высматривая себе добычу на земле. Он на какое-то время зависал в одном месте, затем, как бы нехотя, летел дальше и, раскинув широкие крылья, замирал в небесной синеве. С добычей ему явно не везло, за долгое время он так и не упал камнем на землю, чтобы схватить в свои острые лапы зазевавшегося петуха или даже маленького цыпленка. Куры, чувствуя беду, попрятались и не смели высунуть клюва из своих укрытий. Но коршун продолжал упорно кружить над селом в надежде на удачу.

– Ты посмотри на него, каков стервятник! Кружит и кружит над головой. Чего ты над селом завис? Разве мало в степи добычи? Уйди отсюда, мерзкая птица! – сказал в сердцах старый Айдамир, глядя в небо из-под ладони. Он разговаривал с птицей, как будто она могла его услышать.

Старик сидел под навесом на треногом стуле. Сегодня он встал на утренний намаз, а после него так и не ложился, томимый тревожными и смутными мыслями. Солнце давно уже поднялось над дальними горами, наступило утро, и кругом началась спокойная размеренная жизнь сельчан. Пастух еще на рассвете угнал стадо на дальнее пастбище, а отары овец ушли на северные холмы. Жизнь села текла в привычном русле. Уже был убран урожай с полей, расположенных за селом, кое-кто из тех, кто еще не успел, подвозил скирды кукурузных стеблей, фрукты из дальних садов, снопы льна, тыкву, водруженную яркими горками на телеги. Люди понемногу готовились к долгой и суровой зиме.

– Лечи, это ты? Что это ты поднялся так рано? Поспал бы еще, – сказал Айдамир трехлетнему внуку, который только что вышел на крыльцо и потирал ручонками слипающиеся после сна глаза.

– Дада, я не хочу спать, можно я побуду с тобой? – ответил малыш.

– Конечно, иди сюда, мой хороший!

Лечи подошел к деду, все еще потирая глаза. Дед обнял его и погладил по голове:

– Ты, наверное, проголодался? Кушать хочешь?

– Нет, я не голоден.

– Это как же так? Всю ночь спал и не проголодался? Сейчас скажу твоей маме, чтобы она тебя покормила! Кашу хочешь?

Мальш улыбнулся и кивнул. Неожиданно перед ними на траву упала маленькая птичка. Она совершенно выбилась из сил и отчаянно махала крыльями, но не могла взлететь. В это время над двором низко пролетел коршун, затем, сделав круг, он взмыл вверх.

– Вот стервятник! Это он на бедную пичужку охотился. Лечи, иди, возьми птичку.

Мальчик подошел к птице и взял ее в руки. Та встрепенулась в маленьких ручонках малыша и успокоилась, словно почувствовала, что ей ничего не угрожает.

– Дада, а почему она так дрожит?

– Ей было очень страшно, она еле успела уйти от злого коршуна и еще не пришла в себя.

– Дада, а коршун хотел ее съесть?

– Да, малыш, он пытался ее поймать и съесть.

– И птичка умерла бы?

– Да, ее не стало бы.

– А мы тоже... умрем?

– Да... но тебе не надо об этом думать, мой хороший. Ты будешь жить долго и счастливо.

1

День клонился к закату, солнце коснулось дальнего горизонта и стало медленно сползать за его линию. Еще один день в жизни села Дади-Юрт подходил к концу. День как день, ничем особенным он не отличался от других дней начала осени в этих краях. Кому-то он принес радость, кому-то – огорчение. Село погружалось в сумерки. Где-то мычали коровы, еще не доенные нерасторопными хозяйками, лаяли собаки, устраивалась на ночлег домашняя птица, для которой уже наступило время покоя, по селу и его окраинам в поисках запоздавшей домой скотины, выкрикивая клички своих бестолковых пеструшек, бегали мальчишки, в сердцах проклиная этих глупых и ненасытных созданий.

Село Дади-Юрт было основано выходцем из села Цонтарой, Дади. Он первый осел вместе с братьями и близкими родственниками на этом благодатном месте на берегу Терека. Земля здесь была плодородная, давала хорошие урожаи, пастбища, где скот мог пастись до поздней осени, были с обильной и сочной травой. Сельчане построили добротные дома, посадили сады, провели по селу канавы с водой, проложили хорошие дороги. Село разрослось, стало большим, в нем было уже более двухсот домов или, как в те времена говорили, «дымов». Жили дружно, строго соблюдая дедовские обычаи, чтя старших, воспитывая молодежь в строгих правилах чеченских адатов, оберегая женщин и детей. Село считалось зажиточным, люди в нем жили в достатке, имели много крупного и мелкого скота, лошадей. Дружно помогали соседям строиться, убирать урожай, заготавливать дрова на зиму. Молодые люди старались жениться на девушках своего села, чтобы укрепить родство и стать ближе друг другу. Каждый мужчина, да и юноша, вступающий во взрослую жизнь, считал своим долгом завести хорошего скакуна и оружие. А оружие для чеченца, как, впрочем, и для всех кавказцев, считалось предметом особой гордости, оно было необходимо для защиты чести и достоинства горца и всего, что касалось его семьи, села и родины.

Так люди жили испокон веков во всех селах Чечни, жили по своим непреложным законам – адатам, идущим из глубин веков, а также по шариату, который они считали главнее всех остальных правил и законов.

А сегодня во дворе основателя этого села, уважаемого всеми Дади, весело играла гармошка и слышались громкие восклицания, которыми молодые люди подбадривали танцующих. Это молодежь после того, как помогла хозяевам вылущить большую кучу белой крупной кукурузы, устроила вечеринку. Девушки сидели на лавках и стульях, напротив них устроились парни, а юные ребята, как это положено у чеченцев, соблюдая обычай, стояли позади них. Вечеринка была в разгаре, юноши и девушки обменивались взглядами, делая тайные, не заметные окружающим знаки, которыми выражали свои чувства друг к другу. Молодой человек, поймав взгляд красавицы, к которой был неравнодушен, прикасался рукой к сердцу и кивал в сторону девушки. Этот жест означал: «ты в моем сердце», на что юная красавица отрицательно качала головой: «не верю», мол. Тогда молодой человек жестами пытался ее убедить, что это правда. В конце концов, девушка осторожно кивала в знак согласия: «хорошо, так и быть, поверю тебе», вызывая своим жестом бурю восторга в юноше, которому и так трудно было сдерживать свой бурный темперамент.

– Пусть Мюстарг станцует с Зазой, – сказала дочь хозяев, прекрасная Альбика, которая на правах хозяйки руководила девушками на вечеринке. Всем это предложение понравилось, поскольку все село знало, что скоро должна состояться свадьба Мюстарга и Зазы. Мюстарг не заставил себя упрашивать и вышел в круг. Стройный, высокий, с широкими и сильными плечами, он был одним из самых красивых и достойных молодых людей в селе. Редко кто мог сравниться с ним в отваге и умении вести себя, в знании и соблюдении чеченского этикета и обычаев. «Хорошего парня выбрала себе Заза, самого лучшего в селе», – говорили меж собой девушки, с завистью смотря на эту пару, когда они встречались у родника, куда девушки приходили за водой.

Заза медленно вошла в круг и, раскинув изящные и легкие руки, поплыла в танце. Она была очаровательна в своем светлом платье, подчеркивающим ее статную и стройную фигуру. Мюстарг пошел рядом, вскинув за ее головой правую руку и медленно скользя по траве легким пружинистым шагом. Это была самая красивая пара не только на этой вечеринке, не только в этом большом и дружном селе, но и во всей округе. Ими любовались все: молодежь и те, кто постарше, которые наблюдали за танцующими со стороны, и вездесущая детвора, которая плотным кольцом окружила молодых и ревниво следила за ними, ведь среди них были их братья и сестры, и ребятам так хотелось, чтобы их близкие были самыми лучшими и красивыми на этой вечеринке.

Сделав в танце еще один большой круг, Заза быстро развернулась вокруг себя, когда Мюстарг подвел ее к своим друзьям, которые бешено хлопали, не жалея рук. В развороте длинные косы девушки взметнулись вверх, как крылья большой птицы, вызвав бурю восторга у тех, кто с любовью смотрел на эту пару. Заза опять пошла по кругу и остановилась около девушек, кивком головы поблагодарив Мюстарга за танец. Она прикрыла скромным и изящным движением нижнюю часть лица краем шифона, спадающего с ее плеч, и взглянула на юношу взглядом, полным нежности и внимания. На секунду задержавшись около девушки, Мюстарг продолжил свой танец, успев поймать взгляд Зазы и в ответ так же выразить ей свою любовь и нежность. Он плавно подошел к друзьям и, сделав несколько резких танцевальных движений, вышел из круга.

Молодежь веселилась дотемна, никто из них не хотел расходиться, веселье продолжалось до сумерек. Но вскоре пришедшие за дочерьми мамы, тети, снохи стали потихоньку забирать своих красавиц домой, и веселье пошло на убыль. Альбика и ее мать, стоя у ворот, благодарили всех, кто принял участие в помощи по очистке кукурузы. Последние гости, попрощавшись, ушли, и мать с дочерью пошли отдыхать.

– Был бы жив отец, как бы он радовался сегодня: столько людей пришло нам помочь, – сказала старая Неби, обнимая дочь.

– Да, отец очень любил односельчан... – согласилась Альбика. – Жаль, что он не дожил до наших дней, а ведь был еще не старей.

Мать и дочь зашли в дом, решив доделать оставшие дела завтра с утра.

2

Стоял сентябрь 1819 года, когда в крепости Грозной, в ставке генерала Ермолова, назначенного царем Александром Первым главнокомандующим Кавказской армией три года назад, собрался военный совет. Присутствовали генералы, штабные офицеры, командиры воинских подразделений. Все расположились вокруг большого стола, на котором лежала карта местности.

Вскинув крупный подбородок на мясистом лице, Ермолов начал речь, привлекая внимание собравшихся хрипловатым голосом:

– Господа, я пригласил вас на совет, чтобы обсудить положение дел с местным населением, разобраться в этом и принять надлежащие меры. Нам стало известно о новых нападениях туземцев на наши обозы и дозоры. Вынужден признать, что мы не должным образом отвечаем на дерзкие вылазки горцев. Особенно нам досаждают чеченцы с верховьев рек Сунжа и Аргун. Но и местные, притеречные их сородичи, коих ошибочно принято считать мирными, проявляют неповиновение и в отдельных случаях совершают вероломные нападения на наши военные склады, дозоры и казачьи станицы. Подобное терпеть далее невозможно! В связи с изложенным, приказываю провести ряд карательных мер в отношении туземцев, не откладывая сие в долгий ящик. Прошу высказаться по этому поводу. Василий Алексеевич, что Вы думаете об этом?

Он обратился к генерал-майору Сысоеву, опытному военачальнику, герою Отечественной войны 1812 года.

– Полностью с Вами согласен, Ваше Превосходительство! Давно назрела пора наказать туземцев оружием, это крайне необходимая мера для их усмирения, и я уверен, она даст нужный результат, – поддержал Ермолова Сысоев.

– Вот именно – наказать оружием! И в связи с этим у меня сложился конкретный план. Давайте взглянем на карту, я поясню, – Ермолов указал на большую военно-стратегическую карту, развернутую на столе. – Господа, возможно, некоторые из вас слышали об ауле Дади-Юрт. Там, как известно, живут самые отъявленные разбойники, которые хитро прячут следы своих преступлений в воду. Не так давно они похитили лошадей одного из наших полков на Кавказкой линии. Это же какая наглость! Средь бела дня из-под носа увести коней воинского подразделения! Так вот-с, господа, суть моего плана в окружении и уничтожении сего аула. Для исполнения намеченной акции предлагаю выступить не позднее трех дней. Командующим карательной

операцией назначаю генерал-майора Сысоева Василия Алексеевича.

Офицеры высказались по поводу ситуации на Кавказской линии и о злодеяниях чеченцев, которые с каждым днем усиливают свой натиск на позиции русской армии. Все согласились с планом Ермолова и назначением генерала Сысоева.

Затем, отпустив собравшихся на совет, Ермолов задержал генерала Сысоева и назначенного его заместителем полковника Бекович-Черкасского для обсуждения деталей плана.

– Василий Алексеевич, я не ограничиваю Вас в живой силе и пушках. Возьмите столько, сколько посчитаете нужным. Даю Вам в помощники Ефима Александровича Бекович-Черкасского как знатока местных жителей. Он хорошо знает их обычаи, нравы. Да, вот еще, возьмите переводчиков, знающих их язык, авось пригодятся. Помните, господа, аул должен быть подвергнут огню и разрушению. Если туземцы окажут сопротивление, никого не щадить, ни единой души! Пусть их наказание будет в назидание остальным. Горцы должны испытать на своей шкуре силу русского оружия. Мы пришли на Кавказ навсегда, это наша земля, и туземцы должны с этим смириться, а всех, кто выйдет против нас с оружием, уничтожать без всякой жалости!

3

Мюстарг с другом Наа возвращался с вечеринки домой. Он успел сделать знак Зазе, что завтра будет ждать ее у родника. Девушка улыбнулась, показав белоснежные зубы, и кивнула в ответ. Сейчас юноша шел и думал о любимой, о том, что она скоро станет его женой, что их ждет огромное, неизмеримое счастье, от которого дух захватывает. Наа говорил о чем-то, но Мюстарг слушал его вполуха, занятый мыслями о своем будущем.

– Друг, ты, кажется, меня не слушаешь? А-а, догадываюсь, где твои мысли! Где-то рядом с Зазой? Угадал?

– Почти. Но я тебя слушал, ты говорил о кремневом ружье, которое тебе подарил дядя, брат твоей матери.

– Да, точно, я говорил про ружье, дядином подарке, но я был уверен, что ты меня не слушаешь...

Крик с Терека прервал его речь:

– Эй, Дади-Юртовцы, завтра нападут на вас, уходите из села! Ваши дома будут разрушены! Войска стоят недалеко от вас, – кричал кто-то с реки на чеченском языке.

– Ты слышишь? Кто-то кричит с реки, – прислушался Наа.

– Да, слышу... по-моему, я даже узнал этот голос. Мне кажется, это Тихон, наш кунак, кричит, – отозвался Мюстарг.

– Слушай, он говорит, что наше село будет разрушено, что войска за селом!

– Да, но это надо проверить! Давай сходим на окраину села и посмотрим, что там творится.

– Баркалла, друг! Мы услышали тебя! – крикнул в ответ Мюстарг, он не стал называть имени казака, пришедшего их предупредить. Это могло навредить человеку, который, рискуя жизнью, приплыл через Терек на лодке, чтобы предупредить кунаков из Дади-Юрта о готовящемся нападении на село.

Друзья решили осмотреть окрестности села, чтобы проверить, где находятся войска. Выйдя в поле, они заметили вдали костры, вокруг которых было много

солдат. Их было очень много. Слышалось ржание лошадей, голоса, шум передвигаемых телег, выкрики командиров...

– Все, что сказал Тихон, правда, – сказал Мюстарг, – они собираются напасть на село. Надо поспешить сообщить об этом односельчанам!

Молодые люди быстро вернулись в село и сообщили о том, что услышали и увидели. Весть мгновенно разошлась по домам, и вскоре все – и стар и млад – высыпали на улицу. Село гудело, как пчелиный улей, у многих в руках горели факелы, чтобы осветить дорогу и людей, которые собирались к центру села, к мечети.

– Русские войска рядом с селом! Вы слышали, люди? Что им надо от нас?

– Уж поверь, ничего хорошего от них ждать не придется!

– Они пойдут штурмом на нас, такое много раз бывало...

– Надо решить, что будем делать, время идет.

– Пусть старейшины скажут, что будем делать, мы согласны с любым их решением.

– Да, да, пусть старейшины решат, как быть.

А старейшины уже собрались в доме имама села – старого и мудрого Берса-Хаджи, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Здесь были самые уважаемые главы всех родов Дади-Юрта. Все сидели молча, понимая, что от их решения во многом зависит судьба села и жизнь каждого его обитателя.

– Берса-Хаджи, ты уже слышал, наверное, что происходит рядом с нашим селом? Мы находимся в окружении. Скажи, как нам быть, что делать? – обратился к мудрецу уважаемый в селе Ибрагим-Хаджи.

– Ибрагим-Хаджи, я знаю, что сейчас происходит вокруг нас, мне об этом недавно сообщили молодые люди Бахадин Мюстарг и Расулан Наа. Русские пришли, чтобы разорить село и уничтожить нас. Но мы не вправе решать за других, ибо жизнь каждого дана Аллахом, и только Он может ею распоряжаться. Пусть каждый решит для себя: остаться и защищать село или уйти, чтобы спасти свою жизнь. А вот женщин и детей нужно отправить из села – пока есть время.

– Ты прав, Берса-Хаджи, мы должны спросить у людей, что они будут делать и что выберут для себя.

Старики вышли к людям. Перед домом Берса-Хаджи собралась большая толпа, в свете факелов видны были суровые лица мужчин, готовых сражаться с врагом. Многие были вооружены кремневыми ружьями и пистолетами. Люди были возбуждены, слышались выкрики, призывы немедленно выступить против русских. Увидев стариков, все замолчали в ожидании их решения.

– Односельчане, – обратился к ним имам, – вы знаете, что нас окружил враг, который никого не пощадит, если пойдет с огнем и мечом на село. Вы слышали о них, и многие из вас видели их жестокость и коварство... Для нас сегодня настал тяжелый час, мы должны решить, как нам быть. Я не имею права перед Аллахом решать за вас, потому что вашими жизнями может распоряжаться только Он, наш Создатель. Поступайте так, как велит ваше сердце: уйти или остаться. Помните: о том, что нас ждет, знает лишь один Всемогущий Аллах. Я не осуждаю тех, кто захочет уйти, чтобы спасти свою жизнь и жизни своих близких. Это их право... Лучше, если они это сделают сегодня же, пока есть время. Но для себя я решил: я останусь в селе, чтобы защищать его, насколько у меня хватит сил. Завтра на рассвете после утреннего намаза всех, кто останется на защиту Дади-Юрта, прошу собраться на площади перед мечетью – нам нужно принять газават. Руководить защитой села мы решили поручить Махме,

как наиболее опытному из нас в военном деле... А теперь расходитесь, идите отдыхать, завтрашний день будет тяжелым...

Люди стали расходиться, никто не стал что-то говорить, доказывать, призывать к чему-то – все понимали серьезность ситуации, и слова здесь были лишними. Предстоял извечный для чеченцев выбор: свобода или смерть. Ради свободы и независимости сражались испокон веков их отцы, и сейчас настал их черед. Дади-юртовцам предстоял тяжелый день, для многих из них последний в их жизни на этой земле.

4

Махма был еще крепкий мужчина, который, несмотря на свои преклонные годы, был очень активным и деятельным. Он и жизни своей не пожалел бы, если от нее зависело чье-то здоровье и благополучие.

В молодые годы он участвовал в сражениях под руководством Шейха Мансура, был его активным сторонником. Махма многократно выступал в боях против русских, несколько раз был ранен и очень хорошо знал военную тактику врага.

Ночью в его дворе собралось много молодых людей, для которых предстоящее завтра сражение было первым в их жизни. Поэтому Махма стал их учить военному делу, хотя времени для этого было очень мало. Многих юношей из села он и раньше учил, они прекрасно стреляли, хорошо владели холодным оружием в ближнем бою. Но они были неопытны и могли совершить много ошибок в предстоящем бою. Некоторые из них были еще совсем юные, им не приходилось применять оружие и сражаться за свою жизнь. Но в их мужестве старый Махма не сомневался, он знал, что в них будет говорить горячая кровь их отцов. Трусов земля чеченская не терпела, они здесь просто не выживали. Быть трусом для чеченца означало быть живым мертвецом, с которым никто не общался и никто не замечал, все равно как будто его и не было. Поэтому трусов, готовых сбежать, оставив родных и близких на произвол судьбы, среди мужчин села не было и быть не могло. Махма хорошо знал об этом, но он как никто другой знал также, какое тяжелое сражение им завтра предстоит. Чеченцам не было равных в рукопашном бою, но против пушек они были бессильны.

– Вот смотрите, как быстро и правильно нужно заряжать кремневое ружье, ну-ка посветите мне, – обратился Махма к молодым людям. Высоко подняв над головой факелы, двое-трое юношей приблизились к нему. Махма показал, как нужно заряжать ружье. – Вот, видите? Ничего сложного здесь нет, нужно все делать быстро и правильно. А теперь кто-нибудь из вас повторите то же самое, что я сделал.

Юноши умели заряжать оружие, и многие из них неплохо стреляли, но из-за уважения к Махму они не стали говорить, что все это им знакомо. Затем старый воин учил их тактике боя, когда и как нужно стрелять в бою, как нужно прятаться от пушечного обстрела, что делать против нападения врага со штыком. Обучение затянулось допоздна.

– Идите, отдохните до утра, дозоры за селом я уже выставил. Если что, поднимем тревогу, тогда соберемся перед мечетью.

Все разошлись, поблагодарив Махму за ценный урок, от усвоения которого зависело многое в завтрашнем бою.

Мюстарг пришел домой поздно. Его, как наиболее опытного воина, Махма

отправил выставить дозоры на окраине села. Мюстарг поставил на охрану села самых лучших и ответственных ребят, которые в случае внезапного нападения врага смогли бы не растеряться и поднять тревогу. Побыв допоздна с ними в дозоре, Мюстарг по их настоянию ушел домой. Мать не спала с тех пор, как услышала об окружении села, тревога за сына не покидала ее. Она знала, что сын будет в самом опасном месте и не пожалеет себя, своей жизни, чтобы защитить односельчан. Так он был воспитан, в самых строгих чеченских правилах. Отец не простил бы ему и малейшей слабости, потому что и сам никогда не проявлял ее. Мать не ложилась и ждала сына, приготовив его любимую еду.

Осторожно войдя, чтобы не разбудить спящих, Мюстарг снял с себя оружие, черкеску, умылся и сел поесть, чтобы не обидеть мать, хотя совсем не хотел кушать. Отец уже спал в своей комнате, как всегда, громко храпя. К его храпу в доме все уже привыкли и не представляли себе дом, его уют без отца и его привычек.

– Дага (так мать ласково называла Мюстарга, своего единственного и горячо любимого сына. Она знала, что он не любит нежностей, и поэтому старалась их не проявлять), иди ложись, отдохни. Да бережет тебя и всех нас Всемогущий Аллах!

Поблагодарив мать за ужин, сын ушел к себе в комнату. Он крепко уснул, как только его голова коснулась подушки. Мать пришла, села у его изголовья и стала гладить край подушки, боясь, что может его разбудить, если прикоснется к нему.

– Дага, сердце мое, как же я тебя сберегу от беды? Как я смогу уберечь тебя, единственного моего? Ведь ты наша с отцом надежда и опора... мы так хотели увидеть тебя женатого, хотели нянчить внуков... Мальчик мой, душа моя...

Она разразилась рыданиями, но, спохватившись, вышла из комнаты, чтобы не разбудить сына.

5

На рассвете, после утреннего намаза, жители Дади-Юрта узнали, что их село окружено русскими войсками. К ним уже прислали парламентаров, которые предложили всем жителям покинуть село. Но дади-юртовцы отказались наотрез. Пришедшие на переговоры не стали их долго упрашивать, но заявили, что их ждет смерть, если сельчане немедленно не начнут покидать свои дома. Чеченцы вновь ответили отказом.

Все мужчины села – и стар и млад – после намаза собрались перед мечетью. Стало известно, что ни один человек за ночь села не покинул, отказались уйти с детьми и женщины. Но имам Берса-Хаджи еще раз затронул эту тему, выступая этим утром перед односельчанами:

– Для нас наступило очень тревожное время, мы не знаем, что нас ждет сегодня. Если враги пойдут на штурм села, будут жертвы... они никого не пощадят, поэтому я призываю женщин взять детей и уйти из села, пока еще есть время. А все мужчины, готовые драться за мусульманскую веру, за свои семьи, честь, свободу и чеченскую землю, повторите за мной слова молитвы.

Он стал читать молитву, призывающую к Газавату. Все повторяли за ним ее слова.

– Отныне мы в Газавате, если нам суждено умереть сегодня, то мы будем в Раю, – сказал имам и призвал всех взять оружие в руки и занять свои места.

Женщины отказались уйти из села. «Если суждено умереть, то умрем вместе», – таким был их ответ на слова имама.

Защитники села заняли круговую оборону, как их расставил Махма. Свободной была сторона, выходящая к Тереку, там войск не было. У чеченцев были кремневые ружья, достаточно пуль и пороха и сердца, готовые сражаться до конца. Против них стояли шесть рот Кабардинского полка регулярной русской армии, семьсот казаков и шесть пушек. И вся эта армия понадобилась генералу Сысоеву, чтобы взять мирное чеченское село с плохо вооруженными горами, у которых даже кремневых ружей не было на всех.

Первый выстрел из пушки по селу оказался неожиданным. Сельчане не ожидали, что русские начнут так быстро. Ядро упало на середину улицы и разрушило два дома, стоящих рядом друг к другу.

– Берегись! Женщины, прячьтесь с детьми за стенами! – кричал старый Махма, охваченный азартом предстоящего боя. – Же яма! Крепитесь, молодцы! Приготовить ружья! Зря не стрелять! Беречь заряды, они нам пригодятся, когда эти гяуры пойдут в атаку! – кричал он односельчанам.

Второе ядро оказалось более точным – оно попало в дом в центре села. Появились первые жертвы. Стали истошно кричать женщины и плакать дети – им было страшно. Ведь на войне страшно всем, и если мужчины умеют побороть страх, то женщинам на это не хватает сил.

– Эй, кто там рядом? Успокойте женщин и детей! Враг не должен услышать наш плач, не должен увидеть наш страх! Помните: мы будем в Раю! – закричал Берса-Хаджи, оказавшийся недалеко от разрыва.

Вскоре посыпались еще ядра, принесшие новые жертвы и разрушения. На этот раз не было слышно истошных воплей и криков, только глухие рыдания и стоны раненых. Женщины пытались оказать помощь раненым, перевязать и занести их в дома.

Стреляли все шесть пушек русских, одна за другой, а иногда и залпом по две и три вместе. Огонь шел по домам, густо расположенным в этом красивейшем селе на правом берегу Терека. Под обстрелом пушек страдали дома и развесистые, густые сады сельчан, гордость их села.

Чеченцы не стреляли, из их ружей нельзя было достать врагов, а те пока стреляли из пушек, готовясь к атаке. Неожиданно обстрел прекратился, наступила тишина. Только пороховой дым, стоящий над селом, еще не разошелся, его едкий и неприятный запах чувствовался повсюду.

Неожиданно с восточной стороны села, со стана врагов, где их было особенно много, на коне выехал всадник.

– Эй, чеченские собаки, кто хочет со мной сразиться на саблях? Есть среди вас настоящие джигиты? Выходи, кто смелый! – закричал широкобородый рыжий казак, вызывая на бой чеченцев.

Многие в Дади-Юрте, проживая рядом с терскими казаками и общаясь с ними, понимали язык и неплохо говорили по-русски. Поэтому несколько молодых людей сразу же схватилось за оружие и бросилось к коням. Но вперед вышел Мюстарг, он властно окрикнул юношей:

– Назад! Остановитесь! Вы не знаете их повадок, они хитры и коварны. Драться буду я.

С ним спорить никто не стал, он был лучшим из них, и все об этом знали. Предстоял бой, в котором враги участвовали один на один. Удача в таком бою зависела от личного мужества, ловкости и опыта участника. Мюстаргу приходилось принимать участие в таких единоборствах, несмотря на свою молодость. Он был отважен, умен и силен и как никто другой подходил для этой схватки.

Юноша взял горскую шашку, два пистолета заткнул сзади за пояс и быстро выехал навстречу казаку. Тот в ожидании стоял недалеко от своих. Увидев Мюстарга, он криво усмехнулся и бросился навстречу чеченцу. Казак мчался на быстроногом коне, выставив вперед руку со сверкающей в утренних лучах солнца саблей, уверенный в себе и непоколебимый. Мюстарг спокойно ехал ему навстречу, предугадывая заранее, какой удар нанесет ему противник. Подлетев к чеченцу, казак замахнулся от плеча своей саблей, но Мюстарг ловко подставил шашку и отбил его удар. Они стали кружиться на конях, нанося друг другу удары и отбиваясь. Неожиданно казак перехватил саблю в левую руку, пытаясь нанести врагу удар по незащищенной стороне. Но Мюстарг словно ожидал этот прием, он тоже перехватил почти одновременно с ним шашку в левую руку и отбил удар. Казак от неожиданности замер и в ту же секунду, перекинув шашку в правую руку, Мюстарг нанес ему сокрушительный удар, разрубив от плеча до пояса. Казак уронил саблю, в его глазах мелькнули ужас и удивление, он начал медленно падать с коня. Мюстарг, тяжело дыша, повернул коня и не спеша направился в сторону села. За их боем с огромным напряжением следили с обеих сторон, словно от его исхода зависело, кто одержит сегодня победу. Кучка казаков с криками кинулась к Мюстаргу, чтобы зарубить его. Юноша спокойно вытащил два пистолета и направил их в сторону скачущих казаков. А в это время со стороны чеченцев уже мчались ему на помощь джигиты, впереди всех скакал Наа, погоняя и без того несущегося во весь опор коня. Его друг был в смертельной опасности, и Наа мчался стремительно, как бешеный ветер, чтобы его спасти.

Мюстарг выстрелами из обоих пистолетов уложил первых двоих приблизившихся к нему казаков. Он вытащил шашку, готовясь отразить атаку следующего нападавшего, но Наа, налетевший в этот же миг, зарубил казака. Подоспели и другие односельчане, которые сходу врубились в толпу нападавших. Началась жестокая рубка. Не выдержав бешеного натиска чеченцев, казаки повернули коней. Только троим из них удалось уйти, остальные остались лежать на жухлой осенней траве, в лужах собственной крови. Мюстарг и его друзья спокойно ускакали в село.

Увидев, как горцы расправились с хваленными казаками, генерал Сысоев наорал на их командира:

– И это твои герои-казаки? Чудо-богатыри? Позор! Кучка горцев-голодранцев разбила и обратила их в бегство! Прочь с моих глаз со своими казачками!

Командир казачьего полка поспешил уйти подальше от генерала, который в сердцах мог еще наговорить грубостей похлеще.

6

Заа совсем не ложилась спать в эту тревожную для их села ночь. Она переживала, думала о женихе: «Где он? Как он?» Она знала, что Мюстарг в трудную для односельчан минуту не будет себя беречь и окажется в самом опасном месте. «Хоть бы он поберег себя! Я не вынесу, если с ним что-то случится! Как бы ему передать, чтобы он был осторожен? – думала она, хотя прекрасно знала, что Мюстарг не проявит малодушия, не станет прятаться за чужие спины. – Он весь на виду, впереди всех, и самое трудное всегда берет на себя. Милый, береги себя ради нашего будущего!»

Она долго смотрела на свое свадебное платье, которое сшила ей известная

в округе портниха. Белое, из тонкого шелка, оно ей так шло. До свадьбы оставалось две недели, и тут эта беда – нападение на село.

«Со свадьбой придется повременить, не время сейчас... ведь неизвестно, что будет, чем все закончится», – она со слезами на глазах уложила свое свадебное платье в сундук и опустила тяжелую крышку. – Если судьба быть нам вместе, мы будем вместе. На все воля Аллаха, и я согласна на любое Его решение».

Рассвело, когда она, закончив дела в доме, вошла к матери. Та только что поднялась и готовилась к намазу. Заза принесла ей воды, приготовила тазик для омовения.

– Нана, что с нами будет? Мне так страшно за нас всех!

– Заза, девочка моя, когда ты была маленькой, ты очень боялась грозы. Где бы ни была, ты прибегала и прижималась ко мне, прося укрыть тебя... Сейчас предстоит гроза страшней. Может, будет самая страшная гроза в нашей жизни... Доченька, если бы я могла укрыть тебя, как тогда, когда ты была маленькой... – мать обняла Зазу и горько заплакала.

Успокоив мать, Заза вышла во двор: нужно было подоить коров, накормить птицу, принести утренней свежей воды. В это время сельские петухи уже заканчивали свою громкую утреннюю переключку, изо всех сил стараясь перекричать друг друга. День начинался как обычно: мирно и тихо, как будто вовсе и не было над селом смертельной опасности. Будто эта тихая, размеренная и благодатная жизнь никогда не изменится и не придет на эту землю враг, чтобы уничтожить здесь все живое. Но он уже стоял у околицы, направив свои смертоносные орудия на дома и людей. Многие об этом не знали, как не знала и Заза. Дозорные заметили, как русские стали приближаться к селу. Они немедленно сообщили об этом Махме и его помощникам. Войска остановились на расстоянии пушечного выстрела и стали ждать рассвета, чтобы начать карательную операцию по уничтожению села.

В это время защитники села уже находились на своих боевых позициях, готовые биться с врагом насмерть. Они были плохо вооружены – в основном шашками и кинжалами и кремневыми ружьями. Да и что можно сделать с таким ружьем, если враг бьет по тебе из пушек? Но главным оружием дади-юртовцев был их боевой непоколебимый дух, который нельзя было сломить никакими пушками и ружьями.

Заза шла с кувшином за водой, когда неожиданно из-за поворота показался Мюстарг на коне. Он решил встретиться с ней и поговорить напоследок, увидеть глаза любимой и поддержать ее в столь суровый для них час.

– Заза, хорошо, что я встретил тебя здесь. Нет времени для долгих разговоров, иди домой и посиди с матерью и отцом. Враг у нашего села, мы окружены. Помни, что бы ни случилось, я буду рядом и найду тебя!

– Мюстарг, спасибо за добрые слова! Мы не знаем, что будет и что нам принесет сегодняшний день, но я буду тебя ждать несмотря ни на что... Иди, береги тебя Аллах!

Юноша, развернул коня и, махнув на прощание рукой, скрылся за поворотом. Заза набрала воды из родника в конце улицы и быстро пошла домой. Как только она вступила во двор, раздался первый выстрел из пушки, на соседней улице разорвалось ядро и послышались крики и плач женщин.

В это время старый и не совсем здоровый отец Зазы Амар вышел из дома с ружьем и шашкой на боку.

– Дада, ты куда собрался? Ты болен, тебе лежать нужно, пойдем в дом, – кинулась она к нему.

– Сегодня я здоров, как никогда! Я должен быть там, где мои односельчане! Не проси, дочка, не удерживай меня, это ни к чему... Береги мать... Если на то будет воля Аллаха, увидимся. Я хочу тебе сказать, Заза, ты самая лучшая дочь на свете, о которой может мечтать любой отец, – он поцеловал ее в голову и обнял, словно прощался навсегда. Крупные слезы текли из глаз дочери, она еле сдерживала рыдания, чтобы не расстроить отца. Он ушел, не оборачиваясь, чтобы дочь не видела набежавшую слезу из старых отцовских глаз.

«Два близких мне человека ушли сражаться с врагом. Ушли, чтобы защитить нас, женщин, детей и немощных стариков. Но чем же я могу помочь? Я не могу сидеть взаперти, – думала Заза, глядя вслед отцу, который, несмотря на свой преклонный возраст, довольно бодро направился на окраину села к тем, кто сегодня встал на защиту Дади-Юрта.

7

Обстрел села продолжался, нанося жителям все больше и больше вреда. Уже горели легкие сараи и загоны для скота, скирды кукурузы и сена, пожар полыхал и в некоторых домах. Жители старались его потушить, но не хватало ни рук, ни воды. Все село было в огне и дыму. От едкого порохового дыма, который смешался с дымом от пожарищ, задыхались люди и мечущаяся в страхе за свою жизнь скотина. По улицам бегали с блеянием десятки овец, металась домашняя птица, взлетая на воздух после каждого разрыва ядра. И в этом кровавом и горящем аду ежеминутно гибли и калечились люди: беззащитные дети, женщины, старики и те, кто с оружием встал на защиту села.

Вскоре четыре роты русских солдат пошли в атаку со штыками наперевес, с барабанным боем, шеренга за шеренгой. Они шли с северной и восточной стороны села, а на юге ждал приказа о наступлении казачий полк, который должен был выступить в последнюю очередь, чтобы окончательно сломить дух защитников села. Еще две роты пехоты Сысоев придержал в резерве, чтобы сохранить на всякий случай свежие силы. Командиры, бодро шагающие впереди солдат, выкрикивали команды, стараясь повести солдат стройными рядами, чтобы эти чеченские голодранцы, пытающиеся им противостоять, в страхе убежали от их мощи и натиска. Но здесь они явно просчитались – чеченцы не собирались убежать. Никто из них не сделал даже шагу назад. Как только враг приблизился на ружейный выстрел, на его голову посыпались мощные залпы. Стреляли чеченцы из черкесских кремневых ружей, заряженных крупными пулями, наносившими страшные раны, от которых практически никто не выживал. Это был тактический ход, придуманный Махмой. Он знал, что сердце любого солдата дрогнет, увидев, какую ужасную рану нанесла горская пуля его товарищу, идущему рядом. И вряд ли он после увиденного будет спокоен и уверен в себе. А ружья чеченцев стреляли гораздо дальше русских штуцеров и имели нарезные стволы. Это было, пожалуй, единственное преимущество горцев в этом бою, хотя нет – главным преимуществом был боевой дух, святая вера в Аллаха и непоколебимая вера в свою правоту.

После боя с казаком Мюстарг стал самым настоящим лидером среди обороняющих село, к нему подходили молодые люди со словами одобрения и

восхищения. Мюстарг реагировал на это спокойно, как и следовало настоящему горцу, как будто все это касалось вовсе не его, а кого-то другого.

– Ничего особенного, любой из вас смог бы сделать то же самое, – отвечал он на слова одобрения своего поступка. Его отец Бахадар тоже был среди защитников села. Рано утром, сняв со стены свое старое, выдавшее виды, но хорошо очищенное и надежное ружье, он сказал: «Ну что, мой друг, послужим селу, покажем, на что мы способны?» Несмотря на уговоры Мюстарга, Бахадар отправился на передовую. «Я еще не так стар, чтобы не удержать в руках ружье и шашку! Идем, нет времени на разговоры!» Жена не смела сказать ни слова против его решения, таков был удел женщины в доме горца. Она лишь сказала: «Храни вас Аллах!»

Бахадар видел поединка сына с казаком. Он лежал за укрытием, сжимая в руках старое ружье, готовый выстрелить во врага, если с сыном что-то случится. Вдох облегчения вырвался у него, когда он увидел, как Мюстарг и его друзья возвращались к ним, победив врагов в опасном сражении. «Хорошо, сын, хорошо, вот так их, гауров, надо уничтожать!» – мысленно одобрил старик действие сына, хотя вслух об этом не сказал бы никому – не к лицу горцу хвалить сына.

А Мюстарг сейчас, лежа за каменным забором, высматривал в его отверстие цель в цепи наступающих солдат. Его выстрелы разили врагов наповал. Он быстро заряжал ружье и вновь готовился к выстрелу. Недалеко от него находился верный друг Наа, тоже меткими выстрелами укладывающий «гауров», как он их называл.

– Мюстарг, еще один гаур ушел на тот свет, видел?

– Да, видел. Это то ружье, что дядя подарил?

– Да, это его подарок. К месту пришелся подарок, как никогда, а?

– Да, это верно, что к месту... Ну-ка, глянь на того раздетого офицера в высокой шапке, сейчас я его...

Мюстарг стреляет – офицер падает навзничь.

– Ну, что скажешь, Наа? Хороший выстрел?

– Да, и стреляешь ты хорошо, и на шашках дерешься отменно! Мюстарг, тебе бы армией командовать, хороший командир бы из тебя получился.

– Ну что же, хорошая мысль, я подумаю, как мы гауров прогоним...

В рядах наступающих возник хаос. Когда из-за гибели многих солдат расстроились ровные шеренги, стали слышны ужасные вопли умирающих и крики о помощи. Уже погибло несколько командиров из низших и высших чинов, все смешалось, красивая и победоносная атака сорвалась, крики командиров не были слышны в общем хаосе. Солдаты, некоторые из которых были прославленными гренадерами, героями войны с французами 1812 года, залегли под пулями горцев, которых они вначале даже всерьез не воспринимали. Они лежали, уткнувшись в стылую осеннюю землю, не имея возможности поднять голов из-за обрушивающегося на них меткого огня недооцененного врага. Огонь их ружей, который они начали вести вначале, не достигал противника, их выстрелы для дальнего боя были бесполезны.

Но тут на помощь атакующим пришла артиллерия. Она вновь начала мощный обстрел села. Разрушения были сильными, и потери в живой силе стали более значительными.

– Прячьтесь за укрытия! Ложитесь, когда летит ядро! – иступленно кричал старый Махма своим бойцам. – Берегите заряды, скоро русские пойдут в атаку! Привяжите лошадей, уложите их на землю!

Забыв о своем возрасте, он бегал, как юноша, между защитниками, отдавая приказы, посылая с распоряжениями своих помощников к тем, кто находился на других сторонах села.

– Эй, молодежь, поднесите чаны сюда, к нам поближе, скоро нам понадобятся факелы, – отдал он еще одно распоряжение юношам, чтобы те поднесли чаны с нефтью, которую он намеревался использовать против врагов, поджигая факелы с ней. Это тоже был один из его приемов в бою против лютого врага. Чеченцы использовали нефть для смазки колес своих арб. Они знали, что она хорошо горит, и сейчас нефть могла пригодиться.

Несмотря на сильный артиллерийский обстрел, сельчане оборонялись очень мужественно и активно. Враг был остановлен, четыре роты лежали на земле среди убитых и раненых, солдаты не смели подняться, потому что каждый, кто приподнимался, тут же падал, сраженный пулей горцев. Напрасно офицеры пытались повести их в атаку, напрасно угрожали им расправой перед строем за трусость. Нет, ничего не действовало, никому не хотелось умирать от страшных ран, наносимых чеченскими ружьями. Солдаты лежали, укрывая головы, многие шептали молитву: «Господи, спаси и помилуй раба твоего, ибо настал для него смертный час!»

В это время на крыше мечети стали раздаваться громкие звуки от ударов во что-то металлическое. Они разносились далеко по селу, призывая сельчан к бою, ободряя их и вселяя в них бодрость духа. Это был призыв, набат, который жег сердца обороняющихся и не давал им быть подавленными и сломленными! Звуки притягивали к себе внимание сельчан и уже не отпускали их, поднимали дух в этом кровавом и беспощадном сражении не на жизнь, а на смерть.

Девушка на крыше мечети била в большой медный поднос – чару. Частые и ритмичные звуки звонко разносились в осеннем легком воздухе. Заза, а это была она, решила таким образом поднять дух односельчан, призвать их к борьбе за свободу, не склонить головы перед врагом. Это пришло ей в голову неожиданно. Схватив висевшую на стене чару, она выбежала из дома, крикнув матери: «Нана, я скоро вернусь!» Бедная старушка лежала без сил на топчане, не в силах что-то ей сказать, она лишь с отчаянием в глазах посмотрела ей вслед...

Подняв чару над головой, Заза била рукой в ее ровную и гладкую поверхность. Она поворачивалась в разные стороны, чтобы ее было слышно кругом.

Вездесущий Наа узнал, что на крыше мечети находится Заза, это она призывно стучит в чару. Он сообщил об этом Мюстаргу, решив: пусть друг узнает об этом от него, чем от кого-нибудь другого.

– Это Заза там, на крыше мечети...

– Да, я так и подумал, что это она... Спасибо, что сказал.

Мюстарг был рад за любимую, за ее смелость, которую она проявила в смертельный час, но его сердце сжималось от беспокойства за нее, хотелось, чтобы она ушла отсюда побыстрее и спряталась в далеком недоступном для врага месте. Наа посмотрел на побелевшее лицо друга и сказал:

– Хочешь, я пойду и скажу ей, чтобы она ушла с крыши?

– Не надо, она не уйдет, ведь ты ее знаешь – она упрямая.

– Да, это так, она не уйдет... Храни ее Аллах!

Бой продолжался. Русские предприняли еще одну попытку атаки, они придвинулись на некоторое расстояние к селу. Но вновь зазвучали громовые выстрелы из ружей обороняющихся, и наступление, как и раньше, сорвалось. Пушки молчали. Лишь редкие выстрелы оглашали окраину села.

Генерал Сысоев был вне себя от ярости за бестолковость своих подчиненных, он не понимал, как можно так опозориться в столь малом деле. И главное – в бою против кого?

– Против кого мы воюем? Против регулярной, хорошо обученной армии? Может, враг вооружен пушками и превосходит нас числом? Мы вот уже битых три часа не можем справиться с горсткой чеченских разбойников! Это позор! Такого унижения я никогда не испытывал за всю свою жизнь! – вот такую его тираду выслушивали офицеры, стоящие рядом и молча ожидающие его приказов.

Генерал смотрел в подзорную трубу, высматривая позиции противника. В ней он видел горцев, которые из своих укрытий вели прицельный и меткий огонь по солдатам.

Нет, ничего особенного в их обороне он не заметил: лежат, укрывшись, стреляют, но стреляют каналы метко! Как только наш поднимет голову, тут же падает сраженный. Господи, ну что это за напасть? Так, пора задействовать резерв или еще подождать? В это время его внимание привлекли какие-то странные равномерные звуки, вылетающие из села, словно били во что-то звенящее, металлическое.

– Что это? Вы слышите? – обратился он к подчиненным.

– Да, ваше превосходительство... Это звуки от чего-то металлического, – сказал подскочивший к нему адъютант.

– Ну это я понял, что звук от металла. Но для чего? Призыв?

– Да, возможно-с, – согласился адъютант.

– Черт их побери, этих дикарей! Не поймешь их повадок. Так, резерву передайте: готовиться к штурму по моему приказу! Казакам спешиться и идти в атаку со всеми!

Адъютант побежал исполнять приказ.

Генералу стало любопытно, кто же бьет в эту штуку, которая звенит на всю округу. Он поднес трубу к глазу и стал высматривать виновника этого переполоха. На крыше каменной сакли он заметил девушку, которая была в большой, сверкающий на солнце ярким пламенем, поднос. «Ах, вон откуда эти звуки! Вот чертовка, куда забралась! – подумал он, разглядывая девушку на крыше дома. – А ведь она в них дух боевой поднимает, на бой зовет! Ах ты, чертова ведьма! Убить ее, мерзавку, немедленно!»

Генерал понял, насколько силен звон этого подноса, по которому бьет девушка, в нем сила, ибо он поднимает дух этих дикарей, поэтому они не сдаются, не отступают в страхе. Он передал адъютанту, стоящему в ожидании нового приказа:

– Вот что, поручик! Передай артиллеристам мой приказ: прицельным огнем уничтожить дом, откуда бьют по этой звенящей штуке, не знаю, что это, таз или поднос. Тому, кто остановит звук, обещаю рубль серебром от себя лично. Выполняй!

– Слушаюсь, ваше превосходительство! – адъютант тут же исчез.

Через некоторое время по селу вновь стали стрелять пушки – теперь они вели прицельный огонь по мечети, на крыше которой находилась Заза. Когда совсем рядом разорвалось ядро и его осколки со свистом полетели над головой, девушка невольно присела и заслонилась чарой, но в ту же минуту она взяла себя в руки

и стала вновь бить по звенящей поверхности посуды. Звон вновь разошелся по селу и окраинам. Снова прогремел выстрел, через короткое время разрыв, тишина – и опять звон чары. Так продолжалось некоторое время. Чара звучала вновь и вновь, раздражая врагов и вдохновляя сельчан. Но долго так продолжаться не могло, девушка рисковала жизнью. Прибежав к мечети, люди стали упрашивать Зазу сойти с крыши. Она никого не слышала, объятая страшной игрой со смертью.

– Односельчане, не сдавайтесь! Мы один раз рождены и один раз умрем! Бейте врагов, бейте! Смерть гаурам! – кричала она сквозь звон металла.

Девушка играла со смертью, она понимала, что стала объектом для вражеского обстрела. Но она не думала отступить, сдаться и сойти на землю.

Прозвучали еще два выстрела, одно ядро упало рядом с мечетью, а другое попало прямо в здание. Оно рухнуло, погребя под собой смелую девушку. Люди, те, кто уцелел после взрывов, стали быстро разбирать завалы. Им удалось вытащить Зазу из-под обломов дома, она еще дышала, но ее взор был затуманен и губы что-то шептали. Оказавшаяся рядом Альбика наклонилась к ее лицу, роня крупные слезы на тело подруги.

– Заза, Заза, не умирай... – шептала она, сжимая в руках ее холодеющее тело.

– Нане скажи... я прошу меня простить... Мюстаргу скажи... моя любовь к нему... не умрет, – она взглянула в глаза подруги, и легкая улыбка скользнула по ее бледнеющему лицу.

Заза скончалась на руках у Альбики. Когда перестала звучать чара, односельчане поняли, что случилось непоправимое.

– Заза погибла! – разнеслось по рядам защитников, и вскоре пришедшие от разрушенной мечети подтвердили это. Все, кто был рядом, стали выражать соболезнование старому Амару. Старик спокойно принял весть о кончине дочери, лицо его стало суровым и бледным:

– Пусть Аллах будет вами доволен! Все мы смертны в этом мире...

Мюстраг не находил себе места, узнав о гибели любимой. Он решил пойти в село, чтобы увидеть ее. Наа он не пустил, сказав, что здесь он нужнее. Придя к мечети, он увидел плачущих женщин и Альбику среди них. Заза лежала, накрытая тканью, тут же во дворе. Мюстарг сделал доа и сказал, не глядя ни на кого:

– Да благословит тебя Аллах! Я не думал, что мне придется когда-нибудь сделать доа над тобой.

К нему подошла Альбика.

– Мюстарг, она просила передать тебе, что ее любовь к тебе никогда не умрет, – сказала она со слезами на глазах, еле сдерживая рыдания.

Юноша кивнул и, поблагодарив Альбику, подошел к телу любимой, чтобы в последний раз взглянуть на нее. И в смерти она была прекрасна: ее белое лицо украшали черные брови, удивительно правильной и красивой формы, длинные ресницы закрытых глаз не потеряли своей красоты, чуть пухлые красивые губы слегка открыты. Казалось, будто она спала, уснула легким девичьим сном, сейчас проснется и встанет... Нет, не встанет уже никогда! Умерла твоя любимая, твоя душа, Мюстарг, все, ради чего ты жил и надеялся, умерло, в один миг ты лишился счастья...

Он тихо прошептал: «Прости меня, любимая, что не сберег тебя! Прости... На земле нам не суждено было быть вместе, но в ахирате, в вечной жизни, Аллах нас соединит! До встречи там, возлюбленная сердцем!»

Он ушел туда, где его ждал долг перед Аллахом, перед близкими, родными, возлюбленной и перед селом...

Бой продолжался, враг приближался все ближе. По приказу своих командиров солдаты стали ползком подбираться к позициям дади-юртовцев. Теперь их ружья достигали цели, и защитникам села приходилось туго. Они старались бить по-прежнему прицельно, но это было очень сложно, поскольку противник передвигался ползком и был почти не видим для прицела.

Неожиданно из села вырвался всадник и помчался в сторону русских. Раздались возгласы:

– Эй, ты что делаешь?

– Куда ты? Эй! Стой!

– Остановись! Ты с ума сошел?

– Кто это? – спрашивали они друг у друга, но так никто и не узнал его.

А тот тем временем влетел в ошеломленную толпу солдат, уложил шашкой двоих-троих человек и помчался в сторону пушек. По нему начали стрелять. Беспорядочно и почти не целясь. С поднятой шашкой он влетел на командный пункт генерала Сысоева, но сраженный встречными пулями упал с коня. Падая, всадник уронил большую баранью шапку с головы, и перед изумленными офицерами и солдатами оказалась совсем юная девушка с длинными косами в мужской одежде. Она лежала с открытыми глазами, алая струйка крови стекала из края ее нежного рта и прекрасные черные косы раскинулись вдоль тела.

Ее губы что-то шептали. Генерал приказал позвать толмача.

– Алтухова к генералу! – быстро передали по цепи. Толмач прибежал, запыхавшись:

– Рядовой Алтухов прибыл, ваше превосходительство!

– Алтухов, узнай, что она говорит, – генерал указал на умирающую.

Толмач встал на колени перед девушкой и склонил ухо к ее рту.

– Ас бекхам би! – произнесла девушка еле слышно и умерла.

Алтухов встал и сказал, глядя в сторону:

– Ваше превосходительство, она сказала: «Я отомстила».

Генерал молча смотрел на девушку.

– Да, отомстила, это верно... Что это за люди, господа? У них даже юные девушки воюют! Уму непостижимо!.. Передайте по цепи: объявляется перемирие на полчаса. Тело сей девицы доставьте в аул. Я снимаю шляпу перед ней. Она достойна высших почестей! Упокойся с миром, девочка! – генерал снял шляпу, и офицеры последовали его примеру.

Вскоре парламентары с белым флагом понесли тело погибшей в село. Оттуда навстречу им вышло несколько человек, которые переложили девушку с носилок на бурку и понесли к себе.

Односельчане, конечно же, узнали юную Хеди, дочь Жабраила, который погиб вместе с сыном во время обстрела. Она, оказывается, взяла из дома одежду брата, его оружие, коня и направилась в стан врагов.

– Она и не могла иначе, такой у нее характер, отомстила за отца и брата... Благослови тебя Аллах! – сказал ее сосед Арби, стоя над телом убитой. Хеди занесли в дом, сказав, что сейчас о похоронах говорить не приходится. Мать и соседки стали ее оплакивать.

Появилось много жертв среди сельчан. Более всего погибших было из-за артиллерийского обстрела. Жители старались потушить пожары, убрать трупы, успокоить ревущую от страха скотину, спрятать детей хоть куда-нибудь, чтобы их не достали взрывы смертоносных ядер.

В этот осенний день жители Дади-Юрта сполна вкусили горький плод ада на земле, когда не знаешь, куда деваться от огня, когда чувствуешь, как земля горит под ногами и она тебя не спасает, и ничего тебя не спасает. Кругом смерть! Ее смрадное дыхание чувствуется во всем: и в пороховом дыму, который с раннего утра лежит над селом, и в зловеще напряженной тишине между взрывами, и в огне горящих домов, и в столах раненых, и в плаче несчастных матерей, жен и сестер, оплакивающих своих близких. Но ужасу разорения и убийства противостоял непоколебимый чеченский дух, который нельзя было сломить всеми этими обстрелами, огнем и мечом. Этот дух был заложен у них в крови, он со дня их появления на свет и до последнего вздоха оставался с ними и не покидал их никогда. Генерал Сысоев, кажется, это понял. Он был поражен тем, с каким отчаянием сопротивляются эти безумцы, обреченные на смерть. Что движет ими? Почему не отдаются на милость победителя и не смиряются со своей участью? Неужели героическая смерть для них предпочтительней жизни? И дикари, как он их называл, стали для него достойными уважения, хотя и оставались лютыми врагами.

Альбика и ее близкая подруга Жансига взяли ружья и присоединились к защитникам села. Махма не стал возражать против их участия, потому что каждый, кто умел стрелять, был сейчас на вес золота.

Генерал сдержал слово, и объявленный им перерыв продолжился ровно один час. Затем он направил к нападавшим оставшиеся в резерве две роты и спешившихся казаков. Сейчас у них было многократное численное превосходство и свежие силы. При таком стечении обстоятельств противник не мог, как казалось Сысоеву, более сопротивляться. Однако он ошибался: дади-юртовцы яростно защищались, расходуя последние заряды. А дальше русских ждал жестокий и беспощадный рукопашный бой, в котором чеченцы дрались, как львы. Об этом знали сам Сысоев, его помощник полковник Бекович-Черкасский, которому не раз приходилось сталкиваться с чеченцами в боях, да и некоторые офицеры из окружения генерала тоже участвовали ранее в боях с туземцами. Поэтому генерал постарался увеличить число нападавших в надежде на скорую и менее кровопролитную победу.

9

Старый Айдамир не мог стрелять, как в молодые и зрелые годы – глаз не тот, да и рука не очень хорошо слушалась старика. Но заряжать ружья он еще не разучился, и у него хватало сил, чтобы заложить порох, пулю и крепко забить заряд. Да этим он и занимался на передовой. Его сын Ахмад стрелял из одного ружья, а Айдамир заряжал тем временем другое. Дома с матерью остался маленький Лечи, а трое старших внуков были здесь, оказывали помощь взрослым, помогали, чем могли. Здесь не было тех, кто не нужен, кто мешал, кто был лишним. Нет, нужны были все, потому что каждый из них – и стар и млад – защищал свое село, свой дом, отца и мать, брата и сестру, соседей и односельчан. Все они, дади-юртовцы, сегодня, в час смертельной опасности, были одной семьей, спаянные и сцепленные вместе, как пальцы, в один кулак. Сейчас перед ними стоял вопрос: быть или не быть им и их селу, и они не могли отступить, бросить все и сдаться на милость врагу. У них не было выбора: свобода или смерть – вот что они решили для себя.

Предстоял рукопашный бой, в котором решалась судьба села, его будущее. Махма распределил оставшиеся силы на передовой в равномерном порядке и приказал приготовиться к бою:

– Мужчины! Как только они приблизятся к селу, забрасываем их горящими факелами и бросаемся в атаку. Пусть почувствуют остроту наших кинжалов! Бежим им навстречу, на поле! Всем приготовиться, зажечь факелы!

Коней решено было отпустить за село, сейчас от них не было пользы. Напуганные взрывами, они рвались с поводков и дико ржали, готовые убежать на простор, где нет этих страшных грохотов и пожаров.

– Отпустите лошадей и скотину к Тереку! Гоните их из села! – закричали из рядов обороняющих село.

Скотина и так сама убежала, как только начались частые обстрелы. Хозяева не стали удерживать своих коров, быков и овец и сами стали их выгонять из села.

Мальчишки, которые были рядом с воюющими, развязали всех лошадей и погнали их за село в сторону Терека. Пусть уходят – если им суждено, то выживут.

Мюстарг с грустью смотрел вслед своему коню, который был ему дорог, как друг. Бывало, когда он ехал на свидание к Зазе, он чистил и прихорашивал своего любимца. Конь быстро привык к Зазе, брал из ее рук сладости, которыми она его часто угощала. А иногда даже проявлял неповиновение, когда Мюстарг отодвигал его от девушки. Мюстарг шутил: «Эй, друг, ты что, хочешь девушку у меня отбить? Не получится!» Заза смеялась над его шуткой, в ее больших и карих глазах сверкали веселые искорки. А белые, как жемчужины, зубы сияли на прекрасном лице. В эти минуты Мюстарг забывал обо всем на свете, его сердце билось учащенно, и он не мог оторвать глаз от любимой! Это были самые счастливые мгновения их жизни, когда им казалось, что жизнь существует только для них двоих, и солнце светит для них, и птицы свои звонкие песни поют только для них, и счастье никогда не кончится. Но оно кончилось со взрывом пушечных ядер, свистом пуль и с этой непоправимой бедой, что пришла в их село.

На поле со стороны врага раздался какой-то гул и послышался топот, как будто бежало стадо разъяренных быков. Началась атака. Солдаты встали во весь рост и побежали с криками «ура». Теперь ружья чеченцев не могли их остановить, потому что солдат было много, и они быстро приближались. Как только первые из них подбежали на расстояние броска камня, на их головы посыпались горящие факелы, свертки из тряпок и все, что было пропитано нефтью и могло гореть. На мгновение они остановились, раздались вопли тех, на ком загорелось пламя от факелов с нефтью. Они попадали на землю, пытаясь сбить огонь, а другие продолжили свою атаку.

– Вперед, братья! Свобода или смерть! – закричал громовым голосом Махма, бросаясь в кучу врагов. Его примеру последовали и остальные. Началась кровавая бойня.

– А-а! Бей гауров! Бей их! – кричали дади-юртовцы иступленно, криками и руганью отвечали им враги. Вопли, стоны, проклятия стояли в воздухе сплошным несмолкаемым ревом из сотен глоток. И вместе с этим слышны были выстрелы, тупые удары, лязг оружия, и кровь лилась нескончаемым потоком с обеих сторон. Люди гибли десятками, сотнями, было много раненых. Среди сражающихся сельчан были и старики, и подростки, и женщины. Храбрые воительницы не хуже мужчин управлялись с холодным и огнестрельным оружием. Мужественно дралась дочь Дады, Альбика. В этом бою она стала

примером для подражания не только для женщин, но и для мужчин. Смерть ходила за ней по пятам, но всякий раз ей удавалось увернуться от ее цепких лап. Сделав последний выстрел перед атакой и уложив одного из солдат, она с кинжалом бросилась вперед. Ее удары сыпались налево и направо, и уже несколько врагов она поразила своим длинным кинжалом. Не уступала подруге в бою и храбрая Жансига. От ее метких выстрелов полегло немало врагов. И сейчас она билась с кинжалом насмерть.

Мюстарг оказался в самой гуще боя. В правой руке он держал шашку, а в левой – кинжал. Ни один враг не мог приблизиться к нему близко, он поражал их своими мощными ударами одного за другим. В пылу боя он заметил отца, который здорово орудовал шашкой, уворачиваясь от ударов озверевших солдат, хотя менее опытных, чем он, но более сильных. Бахадар начал сдавать, и силы его были на исходе. Рубанув подвернувшегося гренадера по голове, Мюстарг крикнул отцу:

– Дада, держись, я иду к тебе!

Отец приободрился и, собрав покидавшие его силы, стал с рычанием отбиваться от наседавших врагов. Мюстарг пробился к нему и, защищая его своим могучим телом, стал отбивать атаку за атакой.

– Дада, выходи из боя! Мы справимся! Выходи, прошу тебя! Ты очень устал! – кричал он отцу, не оборачиваясь и спиной чувствуя движения Бахадара.

– Нет, я не уйду! Есть еще силы у старого бойца! Вот вам! Вот! – сыпались на врагов удары Бахадара. Но вдруг Мюстарг почувствовал, что отец не двигается. Он повернулся и увидел, что тот лежит, пронзенный в грудь штыком. Из-под руки отца, которой он зажимал рану, обильно шла кровь.

– Дада! – он кинулся к отцу. Бахадар махнул рукой, как бы успокаивая его и шепнул: «Береги себя!» Мюстарг, как раненый лев, набросился на врагов. Его удары были настолько сильными, что наступающие с палашами и штыками солдаты отступили от него. Воюющие с обеих сторон не успевали перезарядить ружья, настолько плотным и сильным было сражение, поэтому стреляли редко.

Среди защитников села стало появляться все больше и больше потерь. Погибли с оружием в руках имам села Берса-Хаджи, отец Мюстарга Бахадар, руководитель обороны Махма, отец красавицы Зазы Амар, старый Астамир, успевший передать сыну последнее заряженное ружье, погибли почти все, кто был старше пятидесяти лет. Силы их уже были на исходе, ведь враг превосходил их по числу в несколько раз.

– А-а! – отчаянно закричал Мюстарг, когда увидел, как несколько штыков пронзили бесстрашную Альбику. – Подходите ко мне, трусливые собаки! – кричал он по-русски гренадерам, которые не решались на него напасть. Он был уже ранен, но дрался отчаянно, отбивая удары и атакая сам.

В ходе боя часть защитников невольно отступила, и бой продолжался на улицах, во дворах и домах. И здесь шло в ход все: и кинжалы, и топоры, и вилы – все, что могло поразить врага. Небольшая группа мужчин отчаянно сражалась за свои семьи и дома, их поддерживали женщины, старики и дети. Но силы были неравные. Жители оказали сопротивление, они отчаянно дрались с карателями и дорого отдали свои жизни. Порой женщина дралась не хуже любого мужчины, и не один солдат poleg здесь, убитый верной рукой отчаянных воительниц.

Они были обречены, мужественные защитники Дади-Юрта, славные сыны и дочери Чечни! И они погибли в этом неравном бою, но и враг дорого заплатил за свою победу. Десятки трупов русских солдат и офицеров лежали на поле

боя, на подступах к Дади-Юрту и на его улицах, а раненых было так много, что им не успевали оказать помощь.

Враг ворвался в село, протыкая штыками и расстреливая всех подряд, кто попался им на пути. Немошные старики, женщины и дети стали жертвами озверевших карателей. Полковник Бекович-Черкасский находился среди тех, кто вошел в село и лично руководил операцией по его зачистке.

Солдаты врываются в дома, забирали из них все, что представляло ценность. Они выносили ковры, одежду, посуду, инструменты, сыромятные кожи, овечьи и козьи шкуры, конскую упряжь – все, что уцелело от огня и разрушений. Награбленное складывали у дороги, чтобы потом отвезти на телегах.

10

Умирающий от ран Мюстарг, которого враги посчитали убитым, пришел в себя. Еле открыв глаза, он увидел вокруг горы трупов, услышал стоны раненых. И чеченцы, и русские звали на помощь одного Бога – кто-то в надежде на исцеление, а кто-то на спасение души в предсмертный час. По полю ходили солдаты и добивали штыками чеченцев, которые проявляли признаки жизни. Помутневшим взглядом Мюстарг различил недалеко от себя группу офицеров. Они шли за своим генералом, который осторожно шагал среди убитых, стараясь не запачкать сапоги, и отдавал приказы:

– Немедленно уносите наших раненых с поля боя, пусть им окажут помощь в полевом лазарете. А этих дикарей добивать нещадно! Ни одного не оставить в живых!

Мюстарг услышал приказ генерала. «Чтоб твой отец упокоился со свиньей! Какой же ты генерал, если добиваешь раненых?! Сейчас ты получишь от меня подарок... – он потянулся вперед и поднял ружье убитого солдата. – Заряжено... хоть бы хватило сил...»

Мюстарг лежа прицелился и выстрелил: «Попал! Это вам мой прощальный привет...»

Генерал был ранен в бедро, он упал на спину и громко застонал.

– Генерал ранен! Господи! Ну что вы стоите, как истуканы? Перевяжите его! – заорал на свиту заместитель Сысоева полковник Рюмин.

Генералу перетянули рану и быстро понесли его с поля боя.

Солдаты и офицеры произвели несколько выстрелов в сторону Мюстарга. Подбежав к нему, они заметили, что он мертв. Чеченец лежал на спине, сжимая в руках ружье, глаза его были открыты, а на устах застыла усмешка. Он жил, как гордый и благородный князь, и погиб, как истинный воин, и память о нем будет жить в веках!

Недалеко в толпе убитых лежал Наа, его верный и преданный друг. В пылу сражения он заметил, как солдаты окружили Жансигу, и та еле отбивалась от них. Наа поспешил ей на помощь. Они погибли рядом, юная красавица и один из лучших сыновей Дади-Юрта. Не суждено им было повеселиться на свадьбе Мюстарга и Зазы, встречать рассветы и закаты в любимом своем селе, танцевать лезгинку на веселых вечеринках. Они все погибли и погибли героями!

Память о них стучит в сердце моем, и оно изнывает от тоски и жалости к ним! Славные герои Дади-Юрта! Вы будете жить в веках, пока будет

жить наш народ! Мы не забудем вас и ваш подвиг, который вы совершили не во имя славы, а во имя жизни! Потому что вы сражались и отдали свои жизни за нашу свободу, за наше достоинство, за наше будущее, за нашу жизнь! Да будет благословен ваш Газават!

Село дымилось, кое-где еще полыхал огонь, догорали дома и постройки сельчан. Каратели собрали большую группу девушек и под угрозой расстрела погнали их к Тереку, к месту, где была переправа на пароме. Под ударами прикладов солдат и нагаек казаков они шли к реке молча, то и дело оглядываясь на разоренное и охваченное пожаром село.

Там оставалась их прежняя, счастливая жизнь, отчий дом, бесконечное синее мирное небо над головой, ласковые руки матери, самые красивые на свете сады и первая робкая любовь! И все это кончилось за один этот страшный и кровавый день! Эти юные, трепетные и нежные создания не знали, что на земле может быть столько горя и слез, что человек, рожденный по воле Бога, может быть так жесток к другому, подобному себе, человеку. Нет, они не видели раньше столь ожесточенной и звериной ненависти к людям, единственная вина которых была в том, что они жили на этой земле, существовали в этом мире!

Скоро они пришли к Тереку. Старый, седой Терек нес свои плавные воды здесь, в низовьях Чечни, по благодатным и плодоносным землям.

Река, обильная, щедрая, ты пошла своей свежей водой наши земли много веков, помогала нашим предкам собирать богатые урожаи близ твоих берегов, кормила нас рыбой, которой богата твоя неиссякаемая и обильная вода. Терек, молчаливый и безучастный созерцатель нашей трагедии, ты разве не видишь, что здесь происходит? Ты разве не слышишь наши стоны, не видишь нашу боль? Почему же ты не выйдешь из берегов и не затопишь жестоких и кровожадных наших врагов? Почему ты не вступишься за нас, великая река?.. Но нет, ты не сможешь этого сделать, ведь ты всего лишь безучастная и равнодушная вода...

Вот и паром, на котором их перевезут на тот берег, в чужой и неизвестный им мир, в котором другая жизнь, другие законы. Они пленницы, им суждено стать чьей-то собственностью, бессловесными и покорными рабынями. Но они чеченки! В их жилах течет кровь свободолюбивого народа, никогда и никому не подчинившегося, никому не позволившего накинуть на себя ярмо раба! Они, свободные и гордые девушки своего народа, должны сделать свой выбор, как его сделали их отцы, братья и матери, которые остались лежать на земле, на которой они родились и выросли! Свобода или смерть!

На пароме девушки присели на корточки, собрались в кучу. Они стали потихоньку переговариваться.

– Сестры, послушайте меня! Нас везут в позорное рабство! Мы не можем с этим смириться! У нас нет другого выбора, кроме смерти. Так умрем же достойно, как умерли наши близкие! – сказала старшая среди пленниц Седа.

– Лучше умереть, чем жить в позоре! – поддержала другая.

Девушки решились спрыгнуть в волны Терека, как только паром дойдет до середины. Седа сказала, она прыгнет первой и захватит с собой конвоира. Они тихо запели старинную чеченскую песню о девушке, которую разлучили с любимым.

– Ишь ты! Они еще и поют, глянь-ка, – обратился один конвоир к товарищу, который закурил трубку и глубоко затянулся.

– Ну, я тебе так скажу, Микола, незавидная у их судьбинushка. Неизвестно еще, сколько им доведется пожить в неволе, оторванными от родной земли...

Не успел он закончить фразу, как Седа схватила его за руку и потащила с собой в бурные волны Терека. Вдруг все девушки закричали и бросились на конвоиров. Началась жестокая схватка, нескольким солдатам удалось сделать выстрелы. Сраженные их пулями пленницы упали в воду.

– Не стрелять! Отставить оружие! – заорал поручик, который командовал конвоированием пленниц. – Хватайте и валите их на пол!

Солдаты пытались остановить девушек, рвущихся к воде, но им это не удавалось. Сначала чеченки толпой оттолкнули их к краю парома, скинули в реку, а потом и сами стали прыгать вслед за ними одна за другой. Напрасно офицер кричал на солдат, чтобы они хватали оставшихся девушек и не позволяли им прыгать в реку. Нет, пленницы дрались, как разъяренные волчицы, и уходили в воду, увлекая за собой конвоиров. Скоро на пароме не осталось ни одной из них. Поручик иступленно орал на солдат, но ничего поправить ни он и никто из его подчиненных уже не мог.

Течение в том месте было сильное, и девушек с их охранниками быстро унесло вниз. Вот мелькнула голова одной, край платья другой, чьи-то руки – и вскоре все юные героини исчезли в холодных водах могучего Терека.

Кое-кому из конвоиров, кто умел плавать, удалось добраться до берега, но спасшихся было немного – всего несколько человек. Других потянуло на дно их тяжелое обмундирование и неумение держаться на воде.

С противоположного берега несколько казаков видели драму, случившуюся на воде. Позже они узнали все ее подробности. Многие из них были кунаками чеченцев из Дади-Юрта, и поэтому приняли гибель этого села и ее жителей с горечью. А когда казакам из ближних и дальних станиц случалось оказаться в этом месте, где погибли чеченские девушки, они снимали головные уборы и совершали крестное знамение: «Здесь погибли славные чеченские девушки! Царствие им небесное!»

Да, они погибли здесь, в твоих водах, буйный Терек! И слишком дорогой подарок ты принял от нас! Девушки чистые, как летняя роса, свежие, как дыхание снежных вершин, нежные и красивые, как трепетные лани, бросились в твои воды, могучий Терек, чтобы больше не подняться из твоей воды, не вернуться в этот мир, на землю, где они родились и выросли!

Не пойдут они больше с кувшинами по улицам родного Дади-Юрта за водой, и не позовут их парни на свидание к твоему берегу, славный Терек! Ты принял их, они твои, эти юные чеченские дочери, побереги же их, седой Терек, ведь они доверились тебе! Они отдали свои жизни, чтобы сберечь свою честь, потому что она была им дороже жизни и всех земных благ!

Вот такой драгоценный дар ты принял, широкий Терек, помни об этом!

11

Солнце клонилось к закату, когда солдаты с награбленным добром стали покидать Дади-Юрт. Село догорало, в нем не оставалось целых домов, те, что уцелели под обстрелом, были разграблены и подожжены. В домах, во дворах и на улицах лежали трупы убитых.

Дым стлался над селом с раннего утра и казалось, что им пропитано все кругом: и догорающие дома, и сады, и мертвые, и живые люди – те, кто по милости полковника Бековича-Черкасского остался жив. Когда он узнал, что все мужчины старше пятнадцати лет в ауле убиты, он приказал сохранить жизни женщинам и детям, которые случайно остались живы.

Утром маленький Лечи проснулся от страшного грохота и, заплакав от страха, позвал маму: «Нана-а!» Зайдат, сама страшно перепуганная, бросилась к нему: «Лечи, сынок, не бойся, я здесь!»

Когда взрывы участились, мать забрала Лечи с собой в дальнюю комнату и спряталась с ним за большим сундуком в углу. Все, кроме них двоих, были у околицы: и свекор Айдамир, и муж Ахмад, и двое старших сыновей, 14 и 12 лет. Они ушли на войну, даже толком не попрощавшись. Только свекор попросил у Зайдат прощения, если чем-то обидел ее. На что сноха сказала, что она, конечно, его прощает, только он ее никогда не обижал.

Они покинули дом рано утром, и она все утро металась в тревоге за них. Зайдат пыталась удержать сыновей, но разве их удержишь? Нет, на все ее просьбы и доводы они ответили категорическим отказом и ушли вслед за дедом и отцом. И вот они с Лечи остались одни под этими чудовищными взрывами. Если бы можно было спрятать мальчика куда-нибудь подальше, где нет взрывов и стрельбы! У нее еще ночью возникла мысль взять детей и покинуть село. Но как же она могла оставить мужа и свекра? Это было бы равносильно предательству. Как бы она смотрела людям в глаза, если бы с ними что-нибудь случилось? Но что могла она, бедная и несчастная женщина, сделать, чтобы спасти их, ее дорогих мужчин?

Она старалась успокоить сына, ласкала его, пыталась отвлечь его от грохота, который стоял на улице. Мальчик был в оцепенении, он ни на что не реагировал, и тем самым пугал мать.

– Лечи, сынок, посмотри на нану, ты меня слышишь?

Он странно смотрел на нее и молчал.

– Лечи, очнись! Скажи что-нибудь!

Мальчик молчал по-прежнему, но вот в его глазах появилось что-то похожее на интерес.

– Нана, что это на улице грохочет? Почему люди кричат и женщины плачут?

– Сынок, ты не поймешь все это... лучше не спрашивай ничего. Сейчас нана тебя покормит.

– Нет, я не буду кушать... не хочу.

Когда на какое-то время прекратился обстрел, Зайдат покормила сына, быстро разогрев на летней печи вчерашние чепалгаш. Он ел неохотно, через силу, только потому, что мать настаивала, чтобы он поел. Она словно чувствовала, что ему еще долго не придется принимать горячую пищу.

Они слышали звон чары из центра села, долго прислушивались к нему.

Ближе к обеду забежала соседка Нурет, ровесница Зайдат. Они поделились последними новостями, дошедшими до них по своим, никому неизвестным женским каналам. Поплакали по погибшим односельчанам, посокрушались о бедной и несчастной доле народа, а под конец посыпали на головы врагов все известные им проклятия, бытующие со дня сотворения Аллахом человека.

Нурет ушла, сказав, что еще убежит, если узнает что-то новое.

Вскоре обстрел возобновился. Опять послышались крики, шум передвижения людей и скота, и наступили тяжелые и мучительные минуты ожидания: куда

попадет следующее ядро? А следующее ядро разорвалось недалеко. Тотчас послышался пронзительный крик соседки Нурет. Зайдат вскочила и бросилась к двери, крикнув на ходу Лечи: «Сиди тихо, я сейчас вернусь!» Но мальчик кинулся за ней: «Нана, я пойду с тобой!» Мать была уже в дверях и собиралась ему что-то сказать, когда прямо перед их домом раздался взрыв. Зайдат отбросило взрывной волной назад в дом. Вдруг что-то тяжелое ударило Лечи по голове, и он упал, не успев заметить, что случилось с матерью. Покалеченная осколками ядра, она скончалась сразу же. Недалеко от нее лежал Лечи, раненый в голову большим куском глины, оторванным взрывом от стены.

Прошло несколько часов, бой в селе затих. Солдаты заходили в дома, добывали раненых и забирали имущество хозяев. Так в дом к Зайдат зашел седоусый пожилой солдат, перемазанный сажей и весь в пыли. Он увидел на полу убитую женщину и лежавшего недалеко от нее ребенка. Окинув взглядом полуразрушенный дом, он собирался выйти, как вдруг ему послышался тихий стон. Он поставил свое ружье у стены и подошел к ребенку. Мальчик был ранен в голову, крови пролилось немного, но ушиб он получил сильный.

– Ах ты бедолага, дитя малое, как же это тебя зацепило?

Солдат взял мальчика на руки и вышел, захватив ружье.

Он выходил со двора, когда его встретил поручик, командир его роты:

– Кто это у тебя, Захаров?

– Да вот мальчонка, вашбродь, раненый... жалко ж, вот взял, чтоб помочь.

– Ладно, отнеси в лазарет, может, выживет.

– Слушаюсь, вашбродь! Его не сильно задело, ушиб, кажись.

– Хорошо, Захаров, выполняй приказ.

– Слушаюсь!

Захаров понес раненого ребенка к полковому «дохтуру», как его называли солдаты. Тот перевязал мальчику голову, приказал напоить какой-то микстурой.

Очнувшись, Лечи долго не мог понять, где он и что с ним произошло. Какой-то перемазанный сажей русский солдат с добрыми глазами пытался напоить его чем-то. Мальчик не понял, что он говорит, но выпил лекарство, которое солдат настойчиво ему предлагал. Оно оказалась очень горьким, и Лечи его выплюнул.

– Что ты делаешь? Это ж михстура, дохтур дал ...

Захаров поместил его на телегу, старался как-то утешить, достал воды, умыл его. Предложил ему хлеба и кусочек сахара. Но мальчик мотал головой и от еды отказывался. Он был слаб, лежал на дне телеги и тихо стонал. Нельзя было смотреть в его большие и черные глаза без сострадания, такая в них была тоска. Он еле слышно шептал: «Нана, нана». Захаров спросил у ездоного:

– А слышь, Петрович, что значит по-ихнему «нана», не знаешь?

– Да хто его знает? Кажись, «мамка».

– А, точно! А мамку-то его убило, я сам видел у ихнем доме. А мальчонка рядом лежал, жалко стало, вот, забрал. А командир наш сказал доставить его в крепость Грозную.

Когда стали выбираться из села, мальчик вдруг сел, встревоженный, и стал озираться. Он понял, что его увозят из родного села!

– Нана-а! – закричал он пронзительным голосом и протянул худые руки в сторону села.

Захаров пытался его успокоить, обняв за плечи, но мальчик пытался вырваться. Он даже приподнялся на ноги, чтобы спрыгнуть с телеги, но Захаров силой его удержал.

– Успокойся, ну что ты, милый? Вот, смотри, видишь сахар? На, возьми!

Но маленький пленник упорно пытался освободиться от сильных рук солдата. Наконец, обессиленный, он лег на дно телеги и горько заплакал. Захаров грустно смотрел на измученного ребенка, и слезы текли из его глаз, сбегая по морщинистому лицу и прячась в густых и седых усах.

– Господи! За что мне такая мука? Ведь невозможно смотреть, как дитя страдает...

Юный пленник Лечи в будущем станет академиком живописи и будет носить имя Петр Захаров. Ему дали фамилию того самого солдата Захарова, который его спас и вывез из разрушенного Дади-Юрта. Художник Петр Захаров навсегда остался верен своему народу и селу, несмотря на все перипетии жизни, которые ему пришлось испытать. Он вырос в Москве в семье генерала Петра Николаевича Ермолова, двоюродного брата главнокомандующего Кавказской армией А.П. Ермолова, учился Петербурге в Академии живописи, получил хорошее образование, стал известным художником.

Да, он потерял родной язык, культуру своего народа, но не потерял духовную связь, которая прочно связывала его с Землей отцов. Петр Захаров всегда помнил, кто он, откуда он и где его историческая Родина, потому что подписывал свои картины словами: «Захаров-чеченец», «Захаров-Дадаюртовский» или «Чеченец из Дада-Юрта».

Эпилог

Организатор уничтожения Дади-Юрта генерал А.П. Ермолов писал в своих «Мемуарах» (с. 88): «Большую часть дня продолжалось сражение самое упорное, и ни в одном доселе случае не имели мы столько значительной потери; ибо, кроме офицеров, простиралась оная убитыми и ранеными до двухсот человек. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не могло быть менее четырехсот человек». – «Подобного примера еще не видывали в сием краю, и я единственно для того его подал, дабы распространить ужас», – писал он в одном из своих писем.

За один осенний день – 15 сентября 1819 года – это село было практически стерто с лица земли. Оно перестало существовать, и почти все его жители погибли. Но в сердце народа навсегда осталась неувядаемая память об этом селе, о подвиге его жителей. Это он, чеченский народ, свез со всей Чечни понемногу земли и в сентябре 2009 года возвел Холм Памяти на том месте, где находилось село.

На Холме возведен монумент в виде башни и гор. На башне мемориальная доска со словами Первого Президента Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырова: «Вы показали мужество, достоинство и чеченскую честь». Чуть далее, слева, еще одна доска с надписью: «Холм Памяти. Сооружен из земли, собранной со всех уголков Чеченской Республики, в память аула Дади-Юрт, геройски погибшего в 1819 году за свою честь и свободу. Да благословит их Аллах!»

Память – это все, что остается нам, потомкам наших славных отцов, которые жили с верой в справедливость и умирали за нее в неравных схватках с врагом. Память очень многое значит, ведь она связывает нас с нашими предками, с их жизнью и подвигами. Пока она жива, наша связь с ними не умрет, не потеряется. Память о них свята для нас, потому что она напоминает о том, что мы должны делать, как жить, как воспитывать детей и беречь родную землю, за которую умирали наши предки.

Я стою осенним днем на Холме Памяти. Тихо, лишь легкий ветер проносится над полем, в глубоком синем небе летит стая журавлей, покидающая дорогу для них родину. Родина, Отчий край. Что может быть милей для человека? Ведь здесь ты родился, вырос, и, возможно, твой последний час будет на этой земле. Но прожить жизнь нужно так, чтобы мог проститься с ней достойно, оставив добрый след на земле.

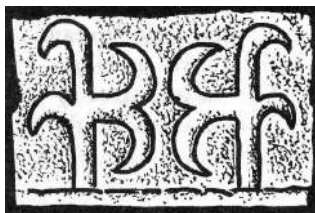
Прочитав доа, я прошу Аллаха о милости к невинным жертвам из Дади-Юрта, прошу Его дать им благодатное пребывание в райских куцах.

Смотрю на красивые поля, вдали видны горы, берег Терека, заросший густым лесом и кустарником. Когда-то здесь было чеченское село, обычное, дружное, гостеприимное, в котором жили мои герои: справедливый, мужественный и добрый Мюстарг, красивая и гордая Заза, прекрасная и смелая Альбика, верный и надежный друг Наа, мужественный Махма, маленький Лечи, его дед Айдамир и многие другие. Они любили жизнь, своих родных и близких, свое село. Но здесь, на этой земле, двести лет назад произошло одно из самых кровопролитных сражений Кавказской войны, после которого Дади-Юрт как село перестало существовать.

Двести лет прошло с тех пор, многое здесь изменилось, но неизменной осталась та самая земля, на которой пролилась кровь жителей славного Дади-Юрта. Эта она, земля, была немым свидетелем того трагического дня, когда дади-юртовцы выбрали смерть, зная, что у них не хватит сил противостоять врагу, который многократно превосходил их числом и вооружением, зная, что они обречены и, возможно, погибнут.

Я поражаюсь силе их духа, их мужеству и стойкости, их святой вере в справедливость. Они достойны самых великих почестей, уважения и памяти потомков! Да благословит их Аллах!

**Март-июнь 2020 года,
Чири-Юрт**

Дебют

Инга Хаяури

Только ты сегодня не грусти...

Инга Хаяури родилась в 1980 году в селе Бамут Ачхой-Мартановского района ЧИАССР. В 1998 году поступила на филологический факультет ЧГУ. В связи с военными действиями перевелась в Ингушский госуниверситет и окончила его в 2005 году. Была внештатным корреспондентом общественно-политических газет «Ингушетия» и «Вестник Сунжи».

Писала статьи для разных периодических изданий. Первые стихи были написаны ею еще в начальных классах школы.

Является членом сообщества молодых писателей «Синмаршо» (Грозный).

Финалистка республиканского молодежного литературного конкурса «Дебют». Публиковалась в журнале «Нана».

Майской прохладой веет мне тихая грусть,
 Россыпи жемчуга вновь над притихшей землей.
 Ветром встревоженный, пряный сиреневый куст,
 Воздух напоит своей благородной волною.
 Шумные ласточки в гнездах притихли своих,
 Мир погружается в сладостный сон до рассвета,
 Город усталый, как будто ребенок, затих.
 Танцы на стеклах – бликами лунного света,
 Только лишь души в ночи покидают приют:
 В поисках близких обходят упорно планету,
 Где-то находят себе долгожданный уют –
 Чтобы неслышно в покои вернуться к рассвету.
 Снова блуждают и ищут унылые сны,
 Входят бесшумною радугой после осадков,
 Не нарушая привычной ночной тишины,
 Делятся сладкой волной теплоты без остатка.
 Я понимаю, что сказки теряют престиж,
 Вышло из моды ведь в чудо беспмятно верить.
 В сладостной неге спят Вена, Стамбул и Париж,
 Души порхают и космос без усталости меряет.
 Мозг мой освоил, что жизнь – череда двух полос,
 Свет сменит темень – и толк в этом, чувствую, точен.
 Знаю, не зря во мне правдой и верой вжилась:
 Космос – пространство, где души встречаются ночью.
 Я засыпаю в объятьях благой тишины,
 В окна врываются блики небесного света...
 Как же прекрасно, что в жизни присутствуют сны...
 Как же чудесно, что души не спят до рассвета.

Мне юность много чего обещала,
Удачным казался мне этот союз –
Увы, пролетела она, убежала –
Сменила свой джаз
 на лирический блюз.
Расстались мы с нею без слез и укоров,
Без обещаний друг другу писать.
Зима на висках моих пишет узоры,
Часы на стене все чаще спешат.

Я разбит...

Я сегодня вдребезги разбитый,
Ранен в сердце острою стрелой.
Двери одиночеством раскрыты –
С ним вести мне разговор немой.
Разрушая пласт моих раздумий,
Поток мыслей снова забурился,
Извергаясь, как вулкан Везувий:
– Что я делал? Правильно ли жил?..
Пролетел над прошлым, как комета,
За короткий, быстротечный миг.
Как вопрос, оставшись без ответа,
Знаком вопросительным поник...
Я разбит, осколки, как песчинки –
Чтоб собрать их, мне не хватит сил.
В моем сердце горькие поминки –
Сына я сегодня хоронил...
Пустота, как космос, безгранична –
Бесконечна, как моя печаль.
Жаль, не верил, что судьба двулична,
Я крыло родное потерял...
Не восполнить горькую потерю.
Я смиренен, Бог мой Свят и Мил!
Только в счастье больше я не верю,
Сына ж я сегодня хоронил...
Весь разбит и ранен, будто воин...
Угольком во мне теплится жизнь,
А мечты и планы, что я строил,
Устремились с бездны жуткой вниз.
Он ушел, и не важна причина,
Не поживший, будто и не жил.
Я рыдал, хотя я и мужчина,
В час, когда я сына хоронил...

Я вспоминаю встречи у фонтана...
Гляжу назад с щемящею тоской:
В моих руках чудесные тюльпаны –
Они сияли чудной желтизной.
На платье стильном брызги оседали,

Летели струи будто невпопад.
Наивно мы разглядывали дали,
Ну, а теперь одна смотрю назад.
Казалась жизнь безоблачной и милой,
И не было предчувствия беды,
Но лишь ветрам судьбы угодно было
Крушить мосты, запутывать следы.
Под жуткий гул летящих самолетов
С землей ровняли мирные дома,
Мечты летели в бездну на излете,
Весну сменила ранняя зима.
И мы с тобою затерялись где-то,
Случайно даже не сошлись пути.
Я никогда не верила в приметы,
И ни при чем здесь желтые цветы.
Гляжу – как скалы, лет моих вершины.
Ужели мельче грез моих река?
Предатели – волос моих седины,
И юность, словно звезды, далека.
Разбит фонтан, и брызги не шалеют –
Здесь все мертво, на сердце жуткий шрам.
Как алый шелк – цветы в руках краснеют,
Остался недописанным роман.

Майский дождь пробежал по аллее
Озорным босоногим юнцом,
С каждой каплей проворно смелая,
Будто был поднебесья гонцом.
Пробуждались весенние грозы,
Стрелы ярко секли небеса,
Ветки тонкие гнули березы,
Оживляя свои голоса.
Голубей сизокрылая стая
Опустилась на узкий карниз,
Под обильным дождем промокая,
Уцепившись за хрупкую жизнь.
Между тучами солнце поблекло,
Птицы жались друг к другу тесней.
Я с тоскою глядела сквозь стекла
На бездомных своих голубей.
Зыбкость – вечная спутница жизни,
В голове вьются мысли, как плющ...
И, возможно, на том же карнизе
Стая вечно блуждающих душ....

Мне нравится ранняя осень:
Деревьев багровый наряд,
Манящая, легкая просинь
И клинья, что в небе парят...

Мотивы шуршащие песен,
Ветров шаловливая прыть.
Мне нравится рыжая осень,
Я с нею умею любить.
Дождей обожаю завесы,
Зонтов разноцветных покров.
Мне нравится рыжая осень,
Похожа она на любовь.

Заалел багрянцем наш закат –
Мы дошли, не размыкая руки.
Ни к чему теперь смотреть назад,
Нет причин, чтоб думать о разлуке.
Разреши с тобою рядом быть –
В час, когда печалью обесточен.
Завязалась шелковая нить,
И мы верим, что союз наш прочен.
Не грусти! Не думай о былом,
Выпрями скорее свои плечи!
Пусть в ночи уже совсем темно –
У меня еще остались свечи.
В жизни было все не так легко,
Юность скрылась за туманной далью.
Холодно? Так это ничего –
Я тебя своей укурю шалью.
Пусть по полю, будто табуном,
Безвозвратно пробежали весны,
Не беда, что мокнем под дождем,
Ведь свою красу имеет осень.
Мы пойдем в ажурный листопад,
Чтоб плести венки из веток ивы,
И разбудят приунывший сад
Наших чувств красивые мотивы.
Только ты сегодня не грусти.
В счастья миг печали неуместны.
Всякое встречалось на пути,
Главное, что мы остались вместе.

Зима в дождях и без снегов.
Лишь только сырость холодов.
Порою кажется, что осень
Тропинки топчет между сосен.
Ну а зима, блуждая где-то,
Не видит в январе просвета.
Дождь начинает хныкать, плакать,
Разводит снова свою слякоть.
Земля насквозь аж просырела,
Метель не выжила, не пела.
Закрыли тучи горизонт.
Зима, январь, дожди и зонт.

Плывут беспечно тучи-крепьши,
Гонимы ветром по безбрежью неба.
И шелестит целительно в тиши
Ветвями мне задумчивая верба.
Природа вновь сменила яркий грим,
И дождь все льет устало, виновато.
Зануда ветер – вечный пилигрим –
Меня манит настойчиво куда-то.
Листвы ажур кружится в сентябре,
Гнездо родное покидает птица.
Колдует осень феей на дворе –
И, слава Богу, это мне не снится!
Теперь, пожалуй, я замедлю шаг,
Вздохну чуть-чуть, присяду на скамейку.
Тяжелых мыслей вскрою саркофаг,
А вдруг найду случайную лазейку?
Раздумий плод лишая шелухи,
Вкусив ядро, прозрею я душою,
И вязью легкой свежие стихи
На листьях клена выведу рукою.
Лишая грезы глупых облаков,
Еще на шаг я стану ближе к Богу.
Из мира пустоты, невечных снов –
В забытый дом продолжу путь-дорогу.
Кружиться будет в вальсе листопад
Под песню ветра, что слегка угрюма.
И покидая свой любимый сад,
Оставлю шлейф любимого парфюма.

Я, наверно, должна была
в небе родиться,
А иначе – никак не могу объяснить
Мою страсть к небесам
и порхающим птицам
И желанье свое над землею парить.
Долететь бы однажды
до облачных кружев
И коснуться крылом
белогривых перин.
Потеряться в обилии
снежных жемчужин,
Приземлиться пушинкой
на гроздь рябин.
Я люблю небосвод,
зажигающий свечи,
И в рассветной тиши,
в ожиданьи лучей,
Горизонт – подпалившийся
в огненной течи,
Полыхнувший под свет
городских фонарей.

Я однажды, как будто небесная птица,
Получив свои крылья, взлечу не спеша –
Чтобы там, в облаках, навсегда раствориться –
Потому что оттуда же родом душа.

Где-то там далеко, где война крушила мосты,
Улетали где птицы в поисках тихого места,
На снегу опаленном остались наши следы –
Там оставили мы навсегда наше яркое детство.
Там оставили мы бесконечные наши поля
И дома, чей уют не сравнится с другими домами.
А на детских висках ранним снегом легла седина,
Повзрослели мы вмиг не выдавшими жизни сердцами.
Там остались мечты разбитым о пол хрусталем,
И по колким осколкам прошли мы босыми ногами,
И, весны не почувяв, надышались сухим сентябрем,
Не согретые солнцем, промокли насквозь под дождями –
Мы лишились того, что по праву было лишь нашим,
Нам обрезают крылья, лишая своих облаков.
И, ступая сквозь боль по листве тогда же опавшей,
Мы вкушаем ядро самых значимых в жизни слов.

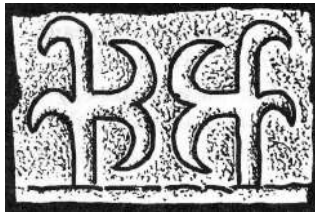
В белую шаль укутав деревья, дома,
Легкой походкой, земли не касаясь ногами,
Поступью феи в гости крадется зима,
Нас удивляя своими опять чудесами.
В вальсе снежинки кружатся над головой,
С неба их сыплет белая туча охапкой,
Стекла мороз украшает узорной резьбой,
Спят до весны березы, одетые в шапки.
Все здесь объято сладостным светлым сном,
Только синицы прячутся в теплых кормушках.
Речка неслышно к морю течет подо льдом,
В белых пальто позируют сосны-подружки.
Живопись леса я лицезрею душой,
Светлые мысли несутся снежной лавиной.
И сожалею в миг этот лишь об одном –
Что лишена я таланта писать картины.

Мы по жизни, как будто по минному полю, идем.
И, обмануты грезами, души лишаются страха.
Словно сон предрассветный, мы забываем о том,
Что нас всех соберут непременно из скудного праха.
Мы шагаем наивно, что, кажется, нам невдомек –
Коли было начало, конец непременно найдется.
С неба льются дожди – ты прими их за легкий намек.
От зенита к закату быстрее ведь катится солнце.
Сколько дней и ночей растранижено глупо, за так –
Что молитвы сумели подняться едва выше крыши.

Что ж, почистить пора ерундой захлавленный чердак,
Пока слышен мой голос больной и немного охрипший.
Мы по жизни, как будто по минному полю, идем.
В спину дышащий враг, в ожидании грубых просчетов...
Ну, а там – за чертой, что однажды мы пересечем,
Подводящий итоги возьмет в руки мудрые счета.

Я бреду по аллеям красиво цветущей весны,
Где случайный прохожий меня ни о чем и не спросит.
Я бреду словно странник, минуя вчерашние сны,
Где в чертогах меня заждалась златовласая осень.

Я в дороге давно, так устала в тяжелом пути,
Мои дни выгорают огнями в ночи звездопада,
Убывая песком сквозь иссохшие пальцы в горсти...
По ажурным аллеям бреду в карнавал листопада.
Небо грузное ляжет на плечи мне серым плащом,
В густоте темных туч улыбнется манящая просинь.
Мне так близко идти под минорно поющим дождем,
Ведь печали мои понимает лишь тихая осень.
Нет, не стала мудрей, хоть немало топтала дорог,
Жизнь моя – это спор между мраком и солнечным светом...
Скоро близится час, я шагну за фатальный порог,
Там, где Высшая Милость – и я этой мыслью согрета.

Мансур Магомадов,
кандидат философских наук

Социальная и религиозно-философская мысль Чечни в начале XX века

*Особенности развития религиозно-философской мысли чеченцев
в начале XX века*

Наиболее значительным изменениям в начале XX века подверглась религиозно-философская мысль, которая в рамках «нового революционного сознания» предприняла попытку своего реформирования.

Видный дагестанский ученый М. Абдуллаев пишет: «Традиционный ислам не мог служить идеологическим обоснованием необходимости буржуазных социально-экономических и культурных преобразований в мусульманских странах. Другая идеология для отсталых, религиозных масс была неприемлема. Поэтому оставался единственный путь – реформация, «обновление» ислама, т.е. приспособление его к интересам капиталистического развития».

По мнению М. Абдуллаева, важной и даже преобладающей стороной реформаторского движения на мусульманских окраинах России было просветительство. Оно охватывало процессы не только религиозно-духовной жизни, но и социально-политического и даже экономического возрождения мусульманских стран. Ислам в данном случае выполнял позитивную роль. Не случайно традиционное духовенство крайне резко выступило против реформаторов ислама.

Следует подчеркнуть, что, в силу господства в сознании широких масс, религия ислама выступала на Северном Кавказе идейно-политической базой борьбы различных социально-политических сил. Ни одна политическая группировка не могла обойтись без нее. Даже большевики прибегали к установлениям ислама и шариата для обоснования среди религиозных масс своей программы и политики. Каждая политическая группа по-своему толковала ислам и шариат. И борьба за установление Советской власти велась на Северном Кавказе под знаком подлинного шариата, который противопоставлялся феодально-клерикальному шариату. Реформаторские идеи использовались не только просветителями, но и другими течениями общественной мысли, в том числе и большевиками.

Реформаторами ислама выступали в основном авторитетные в религиозных кругах представители мусульманского духовенства и интеллигенции, осознавшие необходимость преодоления отсталости края и способные «обосновать» ее с религиозных позиций. Но состав их был разношерстным, состоял из групп, преследовавших различные социально-политические цели. Не было единства и в «обосновании» ислама, каждая из групп толковала его соответственно своей общей и религиозной подготовке, социальным интересам.

В начале XX века мусульманское просветительство получило широкий размах, расширилась его проблематика, выросла его теоретико-идеологическая функция. Оно развивалось несколькими потоками, течениями. Наиболее многочисленными из них были течения, представленные теми, кто отставание края связывал с

отсутствием просвещения масс. К ним относятся: Дени Арсанов, Сугаип-Мулла Гайсумов, Али Митаев, Исмаил Мутушев, Ибрагимбек Саракаев и другие. Собственно мусульманское просветительство было представлено в основном двумя течениями: либеральным и революционно-демократическим.

Позиции мусульманской религии – ислама – в повседневной жизни чеченского общества были устойчиво сильны всегда. Мусульманское религиозно-философское мировоззрение было основополагающим, базовым источником, оказывавшим решающее влияние на формирование взглядов, принципов, убеждений, образа жизни чеченцев. Под знаменами ислама, мусульманских лозунгов и призывов происходило всегда и внешнее проявление свободомыслия и свободолюбия у чеченцев. Сверяясь с предписаниями и требованиями ислама, совершались верующими все более или менее значимые поступки. Так, например, в национально-освободительной борьбе горцев Северного Кавказа против царского самодержавия во все времена особую роль играла религия. Почти все известные истории восстания горцев против царизма носили религиозную окраску.

Чеченские исследователи Д. Межидов и М. Керимов справедливо отмечают, что «принятие ислама вайнахами явилось по существу глобальной сменой парадигмы в их мировоззрении и культуре, имевшей следующие... последствия. Во-первых, ислам способствовал ликвидации духовно-культурной разобщенности множества родов, племен, сельских общин и сделал возможным их продвижение на следующую, более высокую ступень этнического развития – народность. Во-вторых, ислам был идейным знаменем всех крупных исторических движений чеченского народа как до революционного переворота 1917 года, так и в первые годы после него. В-третьих, любой народ чтит своих героев. Чеченцы всегда относились с глубоким благоговением, душевным трепетом к своим национальным героям. А ими были в большинстве своем мусульманские, религиозные деятели, в которых они видели источник народных святынь, воплощение и проявление всех высоких нравственных идеалов. Если же они и не были из среды духовенства, то все равно воспринимались не иначе, как через призму народно-религиозных нравственных ценностей». Приводя немало других причин, способствовавших укреплению ислама в чеченской общественной среде, авторы статьи справедливо считают его народной религией, неотделимой от исторических традиций, обычаев и духовной культуры чеченского народа.

К началу XX века позиции ислама, хотя и несколько поколебленные распространившейся просветительской идеологией, были еще весьма сильны. Это объяснялось следующими факторами: «во-первых, ролью ислама в мусульманском мире не только как религиозного, но и экономического, правового и бытового кодекса, что обусловило его проникновение во все сферы общественной и личной жизни мусульманских народов. Во-вторых, сохранению позиций ислама способствовала жестокая национальная политика царского самодержавия. В условиях отсутствия национальной государственности, невозможности политической и общественной деятельности, подавления любых форм светской, национальной, культурной жизни, насильственной христианизации и русификации, религия и к началу XX века сохраняла идеологическую функцию и продолжала выступать формой протеста против национального гнета и утверждения национальной самобытности».

Особенно заметное влияние на все сферы жизни общества оказывал ислам и в Чечне. Это было обусловлено особенностями формирования и развития духовных ценностей чеченского народа, его историческим опытом, социальной практикой.

Колониальный гнет на территории Чечни проявлял себя в наиболее жесткой форме – военное правление, установленное над горскими народами, вызывало у них ответную реакцию: потребность в непокорности властям, отторжении и игнорировании всего немусульманского, ненационального. Религиозные догматы стали своеобразными мировоззренческими принципами, с которыми не считаться было невозможно.

*Влияние арабоязычной культуры на
религиозно-философские воззрения чеченцев*

Следует не согласиться с укоренившимся в советской научной литературе мнением о том, что чеченцы до Октябрьской социалистической революции не имели якобы своей письменности. Это не так. Почему возникла и научно разрабатывалась такая точка зрения, думаю, понятно каждому. Делалось это, на наш взгляд, по нескольким причинам. И одна из них – желание возвеличить духовно-нравственную, культурную роль социалистической революции в судьбах малочисленных народов, обозначая ее как точку отсчета, начало созидания, процветания, расцвета и т.д.

Ошибочная версия об отсутствии у чеченцев своей письменности в досоветский период основывалась прежде всего на том, что они тогда пользовались арабской графикой. Вся досоветская письменность чеченцев, включающая многочисленные свидетельства в виде писем, публикаций в газетах и отдельных книг, изданных, используя арабский шрифт, доказывает, что у чеченцев, как и у многих малочисленных народов Кавказа, имела своя самобытная культура, включая и письменность. Представители духовенства, интеллигенции, крестьянства, обучающиеся грамоте, писали на чеченском языке, они в совершенстве освоили арабскую графику, арабские письменные знаки. Так, в частных типографиях Грозного, Темир-Хан-Шуры, Петровска издавалась художественная и духовная литература на чеченском языке. А в 1911 году в грозненской газете «Терский край» был даже открыт специальный отдел на чеченском языке. В качестве знаковой системы для выражения мысли использовалась арабская графика.

Насколько сильны были мусульманские традиции в быту горцев, в том числе и чеченцев, свидетельствует документ, обнаруженный нами в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В нем, в частности, говорится: «...мечети, до того заброшенные, мало-помалу начинают обстраиваться, при мечетях начинается обучение мальчиков арабской грамоте, а с этим вместе число лиц, умеющих читать Коран и толковать его в духе новейшего мусульманского богословия (лучше сказать турецкого), прежде поразительно ничтожное, заметно увеличивается».

Идейно-политические воззрения не могут существовать, развиваться, функционировать изолированно. Течение жизни закономерно направляет их в то или иное русло, придавая определенное идеологическое, мировоззренческое направление. И очень важно учесть социальную среду, в которой происходит формирование, развитие тех или иных тенденций в социальной и религиозно-философской мысли. Вакуум, создающийся вокруг общественной мысли, всегда заполняется соответствующей социальной средой – и наоборот, социальная среда становится определяющим фактором становления общественной мысли.

Как отмечалось выше, очень сильно было влияние арабоязычной культуры и в начале XX столетия. Традиции арабоязычной литературы продолжали развиваться

в творчестве отдельных высокообразованных представителей духовенства, которые пробовали свои силы в духовном стихосложении. Главным образом, они писали назмы (религиозно-философские напевы – М.М.), которые потом, распространяясь среди последователей шейха, становились произведениями устного народного творчества, поскольку народ воспринимал их как свои.

В назмах богословы показывали противоречивый характер жизни Чечни в начале XX века. Они являлись одним из важных видов устного народного творчества, в них в яркой и образной форме отражалась религиозно-философская мысль чеченцев. Этот жанр религиозно-философской песни, в которой чаще всего описывались жизнь и деяния шейхов, национальных героев, давались духовные наставления и разоблачались человеческие пороки, получал наибольшее распространение особенно в периоды больших социально-политических потрясений. Такое творчество также носило ярко выраженный оттенок влияния арабоязычной культуры и литературы, в частности мусульманской духовной поэзии.

К поэтам-богословам, по мнению чеченских ученых, в том числе и профессора Х.В. Туркаева, можно отнести многих религиозных деятелей Чечни, живших и творивших в начале прошлого столетия. Произведения С. Гайсумова, Ш. Сугаипова и других носили чисто религиозный характер.

В своей монографии «На переломе» Х.В. Туркаев приводит выдержку из назмы, написанной Сугаип-Муллой Гайсумовым. Она исполнена в стиле восточной философской морали. В назме Сугаип-Мулла Гайсумов дает характеристику тем, кто, не задумываясь о сущности вопроса, осуждает чужую точку зрения. Он пишет:

Увидят доброе – затаят, скроют,
А плохое возвысят с барабанным боем.
Ложь произнесут, как изопьют чашу,
А правду, как солнце ясное, отрицают...
(Перевод С. Алифулина).

Сугаип-Мулла разоблачает человеческие пороки, которые несовместимы с мусульманской моралью и осуждаются Кораном, и ставит религиозно-философскую проблему: он выступает против тех, кто отступает от должной моральной чистоты, predetermined нормами ислама. Автор, осуждая корыстолюбие, нравственное несовершенство, критикует негативные явления окружающей действительности, которые «порождают только невежд».

Сугаип-Мулла Гайсумов – человек мудрый, опытный, хорошо знающий все слабости и достоинства человеческой природы и пытающийся, в меру своих сил и возможностей, помочь людям искоренить их пороки. Он считает, что добродетели, как и пороки, возникают и закрепляются в душе в результате частого повторения действия, соответствующего данной добродетели.

Как справедливо отмечает Х. В. Туркаев, С. Гайсумов использовал в стихотворении бытующие в народе устоявшиеся выражения – пословицы, поговорки: «плохое возвысят с барабанным боем» и др. Однако использование элементов устного народного творчества имеет у Гайсумова определенную религиозно-философскую направленность. Он опирается на них как на традиционные средства, которые могут воздействовать на человека и усовершенствовать его личность, освободить душу человека от земных цепей и подготовить ее «для жизни в потустороннем мире».

Основные тенденции развития религиозно-философской мысли Чечни XX века

Нельзя не отметить такую особенность развития социальной и религиозно-философской мысли Чечни в начале XX века, которая определялась географическим местоположением республики, историческим прошлым, традициями, обычаями и религиозным верованием чеченского народа. Она заключается, на наш взгляд, в том, что на территории Чечни встречались, взаимодействовали и взаимно переплетались потоки двух мировых культур, двух мировых религиозно-духовных систем – восточной и западной.

Восточная культура, главным образом арабская, в виде разнообразных духовно-религиозных произведений, поступала в Чечню через Дагестан и Азербайджан, западная проникала через Россию. И та, и другая мировоззренческие системы, прежде чем попасть на территорию Чечни и завладеть умами широких народных масс, видоизменялись, обогащались, смешивались с культурами народов России, Азербайджана, Дагестана. Поскольку в рассматриваемый нами период и Дагестан, и Азербайджан находились в составе Российской империи и были сильно подвержены влиянию российской или русской культуры, то понятно, в каком виде проникали те или иные идеи в саму Чечню.

Два мировоззрения: восточное (арабское) и западное (российское) оказывали существенное воздействие на формирование и развитие социальной и религиозно-философской мысли Чечни в начале XX века. Восточно-арабская духовность оказывала заметное влияние на нравственную сторону жизни и сознание чеченцев, влияние российского фактора проявляло себя больше в материально-бытовой сфере чеченцев, т.е. тяготение к духовной и светской жизни чеченцев оказывалось разнонаправленным. Иначе говоря, чеченская общественная мысль всегда оказывалась перед дилеммой: какому мировоззрению отдать предпочтение: арабскому – восточному или российскому? В этой негласной борьбе двух мировых культурных систем всегда верх брали мировоззренческие ценности, которые ближе всего соприкасались с историческими традициями и обычаями самого народа. Чеченцы заимствовали и придерживались тех духовно-нравственных принципов и взглядов, которые не расшатывали основы их исторического духовно-нравственного мира. Благодаря такой разборчивости, чеченскому народу удавалось сохранять свою национальную самобытность во все времена.

Однако столкновением и скрытой борьбой двух мировоззренческих систем, двух образов жизни и идеологий на территории Чечни всегда пользовались различные политические силы, которые были заинтересованы в распространении и утверждении своего влияния на чеченцев и их территорию. Видя такую противоречивость и учитывая уроки прошлых войн, лучшие представители чеченской интеллигенции предпринимали усиленные шаги по сближению двух идеологий, двух мировоззренческих систем.

В XIX веке, в эпоху кавказских войн, этим занимался великий гуманист Кунта-Хаджи Кишиев. После возвращения из Мекки он обратился к своим мюридам с такой проповедью: «Братья! Мы из-за систематических восстаний катастрофически уменьшаемся. Царская власть уже твердо укрепилась в нашем крае. Я не верю в сообщения о том, что из Турции придут войска для нашего освобождения, что турецкий султан желает нашего освобождения из-под ига русских. Это неправда, ибо султан сам является эксплуататором своего народа, как и другие арабские правители. Верьте мне, я все это видел своими глазами. Дальнейшее тотальное сопротивление властям Богу не угодно! И если скажут, чтобы вы шли в церкви,

идите, ибо они только строения, а мы в душе мусульмане. Если вас заставят носить кресты, носите их, оставаясь в душе магометанами, так как это только железки. Но! Если ваших женщин будут использовать и насиловать, заставлять забыть язык, культуру и обычаи, подымитесь и бейтесь до смерти, до последнего оставшегося! Свобода и честь народа – это его язык, обычаи и культура, дружба и взаимопомощь, прощение друг другу обид и оскорблений, помощь вдовам и сиротам, разделение друг с другом последнего куса чурека».

В начале XX века попытки сблизить позиции двух мировоззрений предпринимал И. Мутушев. Найти точки взаимопонимания, мирного сосуществования двух мировоззрений пытались и остальные видные духовные и светские лидеры Чечни. Среди них можно назвать Дени Арсанова, Али Митаева, Сугаип-Муллу Гайсумова, Таштемира Эльдарханова, Ахметхана Мутушева и многих других.

В силу закономерного исторического процесса, который способствовал усилению контактов и взаимосвязей между двумя народами царской России – русским и чеченским, значительное влияние на светскую жизнь горцев оказывали культурные ценности, формировавшиеся в среде русской демократической интеллигенции. Россия, покорив Чечню, начала активно распространять здесь свои идеологические ценности. Они утверждались в материальной и духовной областях бытия чеченского общества. Представители народа, получившие светское образование в царской России, воспитывались на одних идейно-политических, духовно-нравственных ценностях, что становилось определяющим фактором в развитии их мировоззрения. Отношение к основополагающим составляющим общественной жизни у них заметно отличалось от такого же отношения людей, воспитанных на ценностях арабоязычной культуры. Постоянные контакты, которые установились в начале XX века между представителями чеченского и русского народов, способствовали переменам в общественном сознании трудящихся масс Чечни.

Большое влияние на повышение политической активности чеченских трудящихся масс оказала революционная часть русских рабочих, переселившихся из центральных районов России, наиболее охваченных революционными волнениями в начале XX века. Многие из переселенцев принимали активное участие в открытых выступлениях грозненских рабочих против существующего государственного строя. Они привносили в Чечню непримиримую ненависть ко всему царскому режиму, поэтому новоселы быстро находили общий язык с чеченской беднотой. Общность интересов и совместная работа чеченской и русской бедноты приводили к сближению и установлению дружбы и союза между ними, что способствовало в дальнейшем их совместной борьбе против царизма.

Естественно, возникает вопрос: какое влияние оказывали названные выше материальные и духовные факторы на формирование и развитие общественного самосознания чеченцев? Всякое добровольное или насильственное общение и связь народов должны способствовать расширению рамок национального самосознания, обогащению духовного мира народов. Непосредственное или опосредованное материальное и духовное общение каких-либо народов с соседними народами полезно, если эти соседи по своему общественно-экономическому, политическому и культурному развитию стоят не ниже первых.

Взаимовлияние материальных и духовных культур народов находило отражение не только в произведениях народного творчества, художественной литературы, но и непосредственно в обычаях и традициях, принципах мировосприятия и миропонимания. То есть чужие идеи, носящие общечеловеческий смысл

и характер, органично вплетались в собственную мировоззренческую ткань соседствующих и общающихся народов.

Догматы ислама распространялись среди неарабских народов только на арабском языке, поэтому вместе с мусульманством в языки этих народов проникали арабские слова и понятия. Осуществление религиозных обрядов становилось повседневностью, а религиозное мировоззрение – образом мышления. Вполне естественно, многие заимствованные из арабского языка слова и понятия становились частью духовной культуры неарабских народов. Так, терминологический словарь чеченского языка содержит несколько сот арабских слов. Если в период коммунистического строительства эти слова и понятия использовались только в пассивной лексике, то сейчас, в эпоху демократизации общества, они употребляются значительно чаще, чем некоторые чеченские слова. Например: адат – обычай, азан – призыв к молитве, аят – знамение, дин – религия, доа – моление, закат – налог, зикр – радение дервишей, иблис – дьявол, имам – руководитель молитвы, иман – символ веры, ислам – покорность и мн. др.

Принятие ислама способствовало распространению арабской письменности в Чечне, благодаря чему местное население приобщалось к богатой арабоязычной культуре стран Ближнего и Среднего Востока. Отличительной чертой данной культуры явилось значительное развитие точных наук, медицины.

Усвоение арабо-мусульманских культурно-философских традиций в Чечне началось вместе с утверждением ислама. Арабский язык, будучи письменным литературным языком, был полностью приспособлен к местным особенностям. Арабский язык стал для чеченцев языком богослужения, делопроизводства, науки и переписки. Чеченцы не только усвоили достижения арабоязычной культуры, но и сами создавали, используя арабскую графику, оригинальные сочинения по истории, философии, богословию, естествознанию.

Религиозная философия чеченцев, однако, пыталась найти точки соприкосновения с реальной действительностью, многие известные духовные лидеры Чечни старались исходить из реалий окружающего мира, когда строили свои духовно-нравственные, идейно-философские проповеди.

Такой пример: в своих проповедях тот же духовный наставник, святой Кунта-Хаджи, о котором говорилось выше, призывал людей к духовному самосовершенствованию, к соблюдению принципов и норм шариата. Кроме того, в речах шейха просматривалась сильная обеспокоенность будущей судьбой народа, тотальное сопротивление которого может привести к его полной гибели, поэтому он и предлагал смириться с реальной действительностью, т.е. с установлением в крае царского управления. Однако, как отмечалось выше, устанавливался и «предел смирения – до тех пор, пока власть не будет посягать на честь женщин, заставляя забыть родной язык, обычаи, культуру».

Стремление считаться с реальной действительностью нашло отражение и в проповедях духовных лидеров Чечни начала XX века. Именно в этот период в Чечне были предприняты активные действия, направленные на модернизацию ислама, а также учения тарикатского мюридизма в соответствии с условиями времени.

В начале XX века в Чечне насчитывались десятки шейхов с многочисленными мюридами. Их часть прямо или косвенно поддерживала политику царизма. Духовенство отказалось от идеи газавата. Призывы к газавату против неверных были заменены призывами к сотрудничеству с иноверцами. Были переосмыслены позиции мусульманской исключительности. Уделялось внимание строгому

и неукоснительному выполнению всеми мюридами шариатских установок и требований колониальных властей.

Преодоление идей мюридизма, т.е. модернизация ислама, проходила в весьма противоречивой форме: с одной стороны, духовенство проповедовало уход от решения земных проблем – аскетизм, с другой стороны, само духовенство находилось под влиянием зарождающихся в Чечне капиталистических отношений. «...Местные шейхи в данную эпоху энергично втягивались в торгово-промышленную деятельность». К их числу исследователь С. Умаров относит Солса-Хаджи Яндарова, Юсуп-Хаджи Байбатырова, Дени Арсанова, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайского, Абдул-Азиза Шаптукаева и других. Такой же точки зрения придерживался и А. Саламов. Он отмечал, что шейхи «по мере своего внедрения в торгово-промышленную деятельность склонялись к политике лояльности к царизму». Разбогатевшие шейхи, непосредственно примыкавшие к нарождавшейся национальной буржуазии, все больше склонялись к модернизированному исламу. Он не противоречил научно-техническому прогрессу и учитывал реальную действительность, считаясь с которой вынуждены были жить чеченцы, чтобы сохранить в крае относительный мир и стабильность.

Подобная позиция некоторых шейхов относительно места и роли учения ислама в новых условиях, когда царская власть на местах все еще была сильна и с ней приходилось считаться, вполне соответствовала точке зрения на религию чеченских просветителей А. Мутушева, И. Мутушева, Т. Эльдарханова и других. Более того, предчувствуя коренные социально-политические перемены в жизни российской империи и видя, какую силу и мощь набирают социалистические идеи, они пытались, (в частности, в творчестве Исмаила Мутушева такой подход проявился очень четко) модернизировать учение ислама таким образом, чтобы приблизить друг к другу ислам и социализм. Позже использовать ислам в своих целях пытались на первом этапе становления советской власти и большевики, правда, укрепившись у власти, они не только отказались от сотрудничества с религиями, но и повели против них решительную борьбу, объявив религию «опиумом для народа».

От колониальной политики царизма страдали не только простые граждане, но и влиятельные шейхи. Их подвергали репрессиям, ссылкам.

Вопросы просвещения и религиозные мыслители

Двойственность и противоречивость взглядов многих религиозных деятелей Чечни на просвещение проявляется особенно ярко, когда они разделяют науку вообще, т.е. знания человека, на духовную и светскую, и полагают, что знание только первой является необходимым, потому что именно она – духовная наука – и ведет, по их мнению, человека к нравственности и добродетели.

Однако постепенно, в тесной зависимости от меняющейся реальной действительности, они преодолевают религиозно-метафизический взгляд на науку и знание вообще. Как сторонники просветительских идей, просветительского движения, они стали ратовать за приобщение к светским наукам и русской культуре.

Шейхи Сугаип-Мулла Гайсумов, Али Митаев и некоторые другие, например, не ограничивались одними лишь требованиями освободиться от схоластики. Их не удовлетворяла абстрактная постановка вопроса. Главное в том, чтобы знания были соединены с практикой и смогли бы помочь овладению ремеслами. Они

считали, что бесправие трудящихся чеченцев, их бедность можно устранить путем овладения различными ремеслами, в том числе и в сфере торговли, промышленности, нефтепереработки, деревообрабатывающей отрасли и т.д.

Религиозное духовенство играло в жизни чеченцев огромную роль. И не только в военно-политической и духовно-нравственной сфере. Есть немало исторических фактов, свидетельствующих об активном участии чеченского духовенства в просвещении народа, открытии сельских школ и т.д. Такими примерами изобилуют также многие печатные издания, вышедшие в Грозном в начале минувшего столетия. Конечно, не все представители духовенства поддерживали подобные начинания чеченских просветителей. Были и такие, которые не одобряли обучение чеченских детей в русских школах русской грамоте... Но их было немного.

Следует отметить: вопрос об образовании в Чечне в начале XX века принял очень острый характер. Не желая мириться с тем, что чеченский народ считался на Северном Кавказе одним из самых неграмотных, чеченская интеллигенция выступила с инициативой создать школьный фонд.

Часть духовенства активно выступила в поддержку новой идеи. Это были образованные и дальновидные представители мусульманского духовенства. Они понимали, что происходящие в стране и области социально-экономические сдвиги, обусловленная ими ломка национальных перегородок, растущая тяга масс к образованию делают бесперспективными отставание и традиционную проповедь явно устаревших догм и архаичных социальных установок. К ним, например, относились широко известные в Чечне религиозные деятели: Солса-Хаджи Яндаров, Али Митаев, Абдул-Азим Шаптукаев, Дени Арсанов, Сугаип-Мулла Гайсумов и другие. Они оказались в лагере активных сторонников создания школьного фонда.

Пользующийся огромной популярностью в Чечне религиозный ученый Абдул-Азим Шаптукаев говорил: «В просвещении – счастье народа. В свете знания – свет души. И потому, если народ желает выйти из темноты, он должен идти в школы». Не менее популярный духовный наставник, шейх Дени Арсанов, заявил: «Как на войне нужна шашка, так и в нашей жизни нужно просвещение. Без него немыслима жизнь народов. И потому надо вооружаться светом знаний».

За словами вскоре последовали конкретные действия, направленные на распространение в народной среде знаний. Так, Али Митаев открыл за свой счет в селении Автуры русскую школу. Он предложил дирекции народных училищ Терской области «в вечное владение дом с 6-ти комнатами с надворными постройками и ореховый сад, 25 ученических парт, классную доску, два стола и в течение первых 10 лет обязался за свой счет доставлять для школы отопление и освещение».

Распространенный в некоторых научных кругах тезис о врожденном нежелании чеченцев учиться опровергается и многими другими источниками досоветского периода. Вот что пишет, например, газета «Терский вестник»: «Школа – главный двигатель, проводник культуры и основа экономического благосостояния. Чеченцы... отлично сознают это».

По мнению газеты, «чеченцы – народ со своим особым мирозерцанием, фанатичный, с особым складом ума и характера, народ, который свято чтит адат и традиции старины». И так как всякий чеченец, «вкусивший от древа познания», становится иррелигиозным, отказывается от многих святынь для его народа обычаев и, по выражению чеченцев, «впадает в ересь» во всех отношениях, –

то все интеллигенты из чеченцев чувствуют, что между народом и ними лежит бездонная пропасть.

Газета «Терский вестник» делает следующий вывод: «...отсюда двойственность во взглядах чеченца на школу и образование: он сознает и видит, что образованный чеченец всегда обеспечен в материальном отношении, имеет большие права и, главное, не испытывает разных притеснений и несправедливостей, которыми так богата жизнь обыкновенного чеченца».

Однако, по мнению той же газеты, «если бы была возможность, чеченцы учились бы с большой охотой».

Газета «Терский вестник» приводит причины, которые, на ее взгляд, препятствуют просвещению чеченцев. Она пишет: «Во-первых, нет родной (чеченской) азбуки; во-вторых, нет учителей-чеченцев, а все учителя из русских и казаков, которые, не зная язык, могут сделать очень мало».

Проанализировав положение дел в сфере просвещения чеченского народа, газета предлагает свой вариант решения проблемы. Она пишет: «Для распространения образования среди чеченцев нужны следующие меры: образование общества для распространения грамотности среди чеченцев, учреждение особого учительского института для подготовки горцев к учительской деятельности, обязательное преподавание родного языка, для чего необходимо утвердить «Чеченскую азбуку» Эльдарханова или создать новую, основание пансиона при Грозненском реальном училище специально для детей чеченцев, реорганизация грозненской горской школы по типу средней школы и расширение числа существующих в ней стипендий для чеченцев».

Спустя некоторое время «Терский вестник» печатает статью под названием «Арабская школа в Чечне». По мнению газеты, арабская школа «поддерживает ислам и дает чеченской массе духовно-нравственную пищу, без которой не может обойтись ни один народ». Автор пишет: «Чеченцы до сих пор в подавляющем большинстве очень религиозны и исламско-духовная культура пустила корни в народном сознании. Арабские духовно-нравственные сочинения, шариат, Коран... и вся школа воспитывают в чеченце нравственные начала, в значительной степени определяя его мирозерцание и регулируя его общественную жизнь, оказывая влияние даже на такую твердыню его духа, как адат».

Далее читаем: «Чеченец, получивший в значительной степени свое внутреннее, духовное содержание от арабской школы, при самых тяжелых политических и экономических обстоятельствах, бережно хранил, выносил ее на своих плечах через ветры и бури истории – донныне свято чтит дар Корана».

Определяя место и роль светской и мусульманской школы в жизни чеченцев и, тем самым, пытаясь объяснить двойственность отношения представителей духовенства к светской школе, газета пишет: «Если русскую школу чеченцы считают необходимой для улучшения своего экономического и общественно-политического, правового положения, то задачу арабской школы они видят в регулировании и развитии внутренней жизни своей и в поддержании в народе религиозных начал. Ибо мулла – высшая ступень учености этой школы – в экономическом и во всех прочих отношениях внешней жизни почти ничем не отличается от простого рядового чеченца».

Критикуя официально распространяемую и искусственно поддерживаемую властью в образованных кругах других народов точку зрения, которая преподносит чеченцев как неподатливых к обучению в силу их буйного и фанатичного характера, «Терский вестник» пишет: «Чеченцы, вопреки установившемуся мнению, очень

восприимчивы к образованию, культуре, фактически сами на свои средства поддерживают арабскую школу, решили теперь создать и русские школы».

Из публикации «Терского вестника» видно, что учебная программа арабской школы в Чечне расширялась, углублялась из года в год, охватывая все новые научные дисциплины. Так, по свидетельству той же газеты, курс муталима (учащийся арабской школы – М.М.) включал следующие направления: «арабский язык, изучение Корана, шариата (с подробным комментарием и даже наизусть), духовно-нравственных и богословско-философских сочинений. Иногда: астрономия, медицина и даже математика».

Таким образом, чеченский народ еще до октябрьского переворота большевиков имел свою четко продуманную систему образования, основанную на арабской графике, изучении Корана, шариата и необходимых в практической жизни знаний из области медицины, математики, астрономии и т. д.

Общественное мнение, созданное местными газетами «Грозненский торгово-промышленный бюллетень», «Терский край», «Терский вестник», «Терец», «Север Кавказа» и другими печатными изданиями и поддержанное светскими и духовными лидерами чеченского народа, все больше склонялось в пользу широкого распространения русской грамоты среди горского населения. Эти издания активно пропагандировали просветительские идеи, предоставляя на своих страницах место всем, кто желал высказать свою точку зрения по поводу обсуждаемых школьных проблем. Так, со статьями в перечисленных газетах выступали не только представители местной чеченской интеллигенции, но и других народов, в том числе и русского. Полемика между ними никогда не выходила за рамки дозволенных нравственно-этических норм, а согласие или несогласие с позицией оппонента никогда не предполагало высказывания оскорбительных замечаний в адрес друг друга.

Большой вклад в агитацию просветительских идей внесла газета «Терский вестник». Только в одном 1915 году на ее страницах было опубликовано более двух десятков аналитических материалов, принадлежащих разным авторам и повествующих о многих аспектах проблемы образования. Правда, установить настоящие фамилии авторов таких публикаций представляется проблематичным, поскольку многие псевдонимы – это, скорее всего, знаковые системы, отражавшие душевное состояние писавших. Псевдонимы придуманы для конкретного случая, конкретного времени, по конкретному поводу и в других грозненских изданиях не встречаются.

Мысли, высказываемые в данных газетных публикациях, тем не менее, интересны и, на наш взгляд, могут быть очень полезны для современного исследователя, изучающего тот период. Так, например, в декабрьском номере «Терского вестника» некто, подписавшийся псевдонимом Эльтон, пишет, обращаясь к грозненцам: «...предлагаю расшевелить застывшую культурную жизнь города путем организации просветительских обществ, проведения собраний, чтения лекций, постановкой спектаклей с благотворительной целью». Он призывает читателей к общественной активности и советует: «Создайте тесный круг общения и такой сплоченностью послужите родине, неся свою лепту на алтарь отечества в години тяжких испытаний». «Тогда, – по мнению автора, – исчезнет окружающая всех пустота, и вы почувствуете, что жизнь... есть бесконечный источник света и красоты».

Газета «Терский вестник», как отмечалось, много пишет о проблемах просвещения. В 1916 году она продолжает освещать работу светских и

мусульманских школ края. В статье «Еще об арабской школе в Чечне» газета предлагает упорядочить работу таких школ. Она считает, что «не все муллы отвечают требованиям преподавания», поэтому, предлагает она, будет правильно, если дело подготовки мулл-преподавателей будет поставлено на соответствующий общественный и государственный уровень.

Среди прочих мер, направленных на улучшение образования в арабских школах, автор статьи предлагает также и следующие: взять мулл-преподавателей на жалование, создать координирующий орган для их подготовки, необходимо также, по его мнению, иметь центральный орган управления арабскими школами в Чечне, чтобы, используя их потенциал, широко развернуть среди чеченцев просветительскую работу.

Призывая своих читателей к общественной активности, газета «Терский вестник» вместе с тем понимает, что одними призывами не обойтись. Нужны еще и конкретные дела, направленные на распространение просветительских идей. Нужны еще определенные изменения во взглядах, позициях, мыслях людей, чтобы эти самые практические действия приобрели осмысленное, целеустремленное содержание и регулярный, периодический характер. Очень важно изменить принципы мировосприятия еще и потому, считает газета, что все еще продолжается война и на глазах у всех происходят глобальные исторические события, которые меняют не только саму реальную действительность, но и представления о ней и о будущем. Осознавая причины и возможные последствия таких перемен в мировосприятии читателей, газета «Терский вестник» зовет их более активно участвовать в происходящих событиях, чтобы приумножить светлое, красивое в жизни, утверждать доброе, справедливое в окружающей жизни. «Мы все должны напрячь свои духовные силы и направить их на создание нового сознания, новой совести, новой жизни», – призывает «Терский вестник».

Чувство патриотизма, любви к Родине – тема многих газетных выступлений того периода. «Необходимо всегда помнить о родине и отдавать ей все силы и средства. Поменьше равнодушия к нуждам и страданиям отчизны и побольше поддержки, в которой теперь она сильно нуждается», – советует газета своим читателям в одном из январских номеров.

* * *

Таким образом, в начале XX века религиозно-философская мысль в рамках «нового революционного сознания» предприняла попытку своего реформирования. Важной и преобладающей стороной реформаторского движения на мусульманских окраинах России было просветительство.

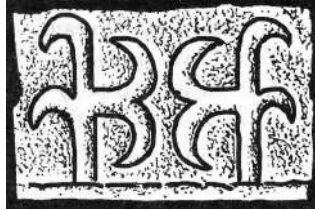
Мусульманское просветительство в рассматриваемый период получило широкий размах, расширилась его проблематика, выросла его теоретико-идеологическая функция. Оно развивалось несколькими течениями. Наиболее многочисленными были течения, представленные теми, кто призывал к просвещению масс (открытие школ, введение в них естественных наук и новых методов обучения).

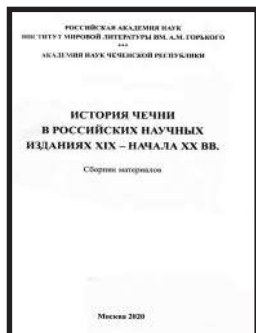
Особенно заметное влияние на все сферы жизни общества в Чечне оказывал ислам. Это было обусловлено особенностями формирования и развития духовных ценностей чеченского народа, его историческим опытом, социальной практикой. Колониальный гнет на территории Чечни проявлял себя в наиболее жесткой форме – военное правление, установленное над горскими народами, вызывало у них ответную реакцию:

потребность в непокорности властям, отторжении и игнорировании всего немусульманского, ненационального. Религиозные догматы стали своеобразными мировоззренческими принципами, с которыми не считаться было невозможно.

Столкновением и скрытой борьбой двух мировоззренческих систем, двух образов жизни и идеологий на территории Чечни всегда пользовались различные политические силы, которые были заинтересованы в распространении и утверждении своего влияния на чеченцев и их территорию. Видя такую противоречивость и учитывая уроки прошлых войн, лучшие представители чеченской интеллигенции предпринимали усиленные шаги по сближению двух идеологий, двух мировоззренческих систем.

Продолжение следует.

Книжные новинки**История Чечни в российских научных изданиях XIX – начала XX вв.**

Институтом мировой литературы им. А. М. Горького совместно с Академией наук ЧР при финансовой поддержке «Благотворительного Фонда имени Зии Бажаева» издана книга «История Чечни в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. (Сборник материалов)». В книге представлены научные работы, очерки, статьи 11 авторов (А. П. Берже, А. П. Ипполитова, У. Лаудаева, В. Ф. Миллера и др.) – российских чиновников и офицеров, исследователей нашего края, – посвященные истории, географии, этнографии Чечни. Подал идею издания данной книги, как указывает в своем вступительном слове руководитель проекта, доктор технических наук, профессор Дж. С. Курумов, кандидат филологических наук, доцент И.Б. Мунаев. В годы советской власти, которая утверждала, что до Октябрьской революции у горцев не было ни сколь-нибудь значимой истории, ни культуры, подобные работы невозможно было найти даже в библиотеках. И только с началом политики перестройки у читателей появилась возможность познаться с трудами, посвященными прошлому родного края. Одни материалы, как представляющие большой интерес для читателя, переиздавались отдельными книгами в 90-е годы прошлого – начале нынешнего века, другие публиковались в различных сборниках, но до сих пор являются библиографической редкостью. Многие положения и утверждения авторов книги сегодня являются спорными или даже устаревшими, но надо помнить, что нас от них отделяет уже более 100 лет, кроме того, многие из них являлись представителями и выразителями идей царского режима.

Книга, вне всякого сомнения, явится большим подарком для всех, кто интересуется историей чеченского народа, и вызовет большой интерес у читательской аудитории.

Сулиман Мусаев

.....

Слово о художнике

Не останавливаться на достигнутом

Каим Абуев родился 2 ноября 1993 года в селе Ведено Чеченской Республики. Окончил СШ № 1 в Горагорске. Получил высшее образование в ЧГПУ (факультет искусств). Рисовать он любил с детства. Преподаватели развили творческие навыки, необходимые художнику. Будучи студентом, он активно участвовал в межрегиональных и всероссийских выставках. И каждый раз такой выход к посетителям выставок, ценителям изобразительного творчества придавал уверенности, и у него появлялось желание двигаться дальше.

«Для меня очень важен цвет. В цвете много радости. Хочу донести до зрителя реальность – и как она прекрасна. В изобразительном искусстве мне наиболее импонирует импрессионизм. Мой любимый художник – Ван Гог. Особенно дорога его картина «Подсолнух». Ценю его за то, что он был очень предан своему делу, полностью отдавал себя живописи. Из наших художников, на кого я равняюсь: Артур Абдулаев, Тамерлан Эльдаров и ВахаУмарсултанов», – говорит Каим Абуев.

После окончания учебы Каима пригласили работать в Центральную школу искусств города Грозный, где сегодня он и трудится успешно, делясь знаниями и опытом, стараясь воспитать в юных художниках чувство прекрасного – одним словом, передать все то, что в свое время вложили в него наставники. В картинах Каима преобладают цветные пейзажи и натюрморты. И пишет он, в основном, маслом. Однако старается не останавливаться на достигнутом, постоянно развивая и повышая свое профессиональное мастерство. Периодически организывает выставки своих работ, даря людям радость.

На обложке этого номера мы представляем картину Каима Абуева «Горный пейзаж».

Ася Умарова

